Н. П. КАРАБЧЕВСКІЙ.

МИРНЫЕ ПЛѢННИКИ

ВЪ КУРОРТНОМЪ ПЛѢНУ У НѢМЦЕВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ

К-21
М. П.
37.77.5.40
LK-550

Н. П. Карабчевскій.

БИБЛІОТЕКА
М. К. ГЕРГІЕВОЙ
№ 10053 I

МИРНЫЕ ПЛѢННИКИ.

ВЪ КУРОРТНОМЪ ПЛѢНУ У НѢМЦЕВЪ.

Впечатлѣнія и наблюденія.

309

БИБЛИОТЕКА
309.
имени К. Либкнехта.

419

ПЕТРОГРАДЪ.
1915/4

ТИПОГРАФІЯ
ТОВАРИЩ.
ЕКАТЕРИНГ.
ПЕЧАТНОЕ
ДѢЛО.
ЕКАТЕРИНГОФСКІЙ 7.

МИРНЫЕ ПЛѢННИКИ.

Мирные плѣнники.

I.

Kurgäste.

Не будь я юристомъ чистой воды и служителемъ права во всѣхъ его отрасляхъ, до „права международнаго“ включительно, не прослушай я въ свое время курса скучнѣйшихъ лекцій почтеннаго Ѳ. Мартенса, который, не моргнувъ глазомъ, увѣрялъ насъ, что „принципы международнаго права столь же незыблемы, какъ и права естественнаго“, не попалъ бы я въ жестокую передѣлку, не подвергъ бы я ей больныхъ женщинъ и ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей, бывшихъ со мною.

Mea culpa, mea maxima culpa!

Надо покаяться, разсказавъ все по порядку. Кстати и въ назиданіе. Такихъ простофилей, какъ я, въ нашемъ поколѣніи (правда уже отживающемъ), въ особенности среди юристовъ, еще непочатый край. Мы все еще держимся за обветшалое знамя величественной формулы, гласящей, что право выше силы.

Этимъ резюмируется и вся особенность нашей личной психологіи. Она то и помѣшала намъ сразу оріентироваться въ психологіи „вражескаго стана“, каковымъ, къ нашему великому изумленію, словно по щучьему велѣнію, оказался весь германскій людъ.

Пока многіе годы мы дивились показной германской культурѣ, пока систематически заполняли всѣ его курорты и самые нехитрые неудобные закоулки. Нѣмцы аккуратно, настойчиво, съ лакейскою обходительностью грабили насъ на многіе милліоны. Размѣры этой дани теперь уже наглядно могутъ быть выяснены „военноплѣнной" статистикой текущаго сезона. „Цивильныхъ плѣнныхъ" (Civil-gefangene), какъ насъ, бывшихъ своихъ курортныхъ гостей (Kurgäste), тотчасъ же любезно перекрестили разбушевавшіеся Нѣмцы, къ моменту объявленія войны оказалось на германской гостепріимной територіи нѣсколько сотъ тысячъ.

На своихъ „курортныхъ гостей" Нѣмцы, видимо, такъ и смотрѣли: варвары ежегодно несутъ установленную дань германской культурѣ. Объ этой своей культурѣ, распродаваемой въ розницу, по сходной цѣнѣ, какъ распродается вообще не самый первосортный товаръ, они были, разумѣется, весьма высокаго мнѣнія. Оно и понятно. Имъ самимъ она далась не безъ великихъ усилій. Повелась она съ разграбленія Франціи, а вѣдь стоило же это и крови, и большого мускульнаго напряженія. А затѣмъ ввести культъ, хотя бы внѣшнихъ „культурныхъ" удобствъ, также стоило Нѣмцамъ немалыхъ трудовъ и усилій. И вотъ, пришлось дивиться ихъ шоссейнымъ и желѣзнымъ дорогамъ и всякимъ инымъ возведеннымъ въ перлъ созданія матеріальнымъ удобствамъ.

Для уравновѣшеннаго, монотоннаго, курортнаго житья-бытья, среди котораго мы, Русскіе, охотно отдыхали и лечились отъ всякихъ катарровъ, нажитыхъ излишествами и сумасбродною распущенностью нашего житейскаго обихода, не было болѣе подходящаго мѣста, какъ однотонная, скучная Германія.

Одно полосканіе, не въ мѣру обремененныхъ, рос-

сійскихъ желудковъ, проносными водами встрѣчало
енно на германской територіи исключительныя удобства. То подъ сѣнью липъ, то въ самомъ живописномъ мѣстѣ любого курортнаго парка, васъ всюду гостепріимно ждалъ необходимый, дѣйствительно образцовый, уютъ съ привѣтливымъ „Gut-Morgen" почтенной старожилки. При самомъ интенсивномъ самочувствіи это не обременяло кармана свыше десяти пфениговъ. На придачу представлялось пользоваться безплатно наставленіями «хорошаго тона», въ которыхъ все было предусмотрѣно: и туалетныя подробности, и весь обиходъ. Въ германскихъ культурныхъ обителяхъ такого рода вы ощущали во истину приливъ восторженнаго благодушія. Какая гуманность, какою альтруистическою заботою дышитъ любой плакатъ, начертанный рѣзцомъ германской культуры (даже) въ подобномъ мѣстѣ: «оставляйте это мѣсто въ такомъ видѣ, въ какомъ вы желали бы сами его застать!». Что за подъемъ духа, какое проникновеніе почти что евангельской истиной: «не твори ближнему зла, котораго ты не желалъ бы для себя!».

Нѣмецкая способность крошить (какъ капусту) великія идеи и низводить ихъ до степени самаго прозаическаго филистерскаго употребленія во истину изумительна. Эта основная черта пронизываетъ весь обиходъ современной Германіи.

Все какъ будто на мѣстѣ, все въ порядкѣ, все продумано до послѣдней степени: сапоги вамъ не стянуть съ ноги безъ особой хитро придуманной рогульки, недокуренная сигара находитъ себѣ спеціальный пріютъ до завтрашняго дня, а между тѣмъ въ общемъ какъ все это въ сущности плоско, нелѣпо, мелочно и скучно.

По своей охотѣ я никогда не засиживался въ Германіи, искренно ненавидѣлъ ея вылизанные курорты и тосковалъ отъ всѣхъ этихъ «Guten Morgen», «Guten

Tag» и «Gute Hacht'овъ», которыми, точно частою барабанною дробью, выколачиваетъ изъ васъ нѣмецкая челядь свой Trinkgeld, свои марки и пфениги.

Во всю свою жизнь я только три раза испытывалъ пріятный tête-a-tête съ нѣмецкимъ курортомъ и всѣ три раза именно въ злополучномъ (Bad Homburg) Гомбургѣ, что близъ Франкфурта-на-Майнѣ. Въ первый разъ, лѣтъ девять назадъ, когда попалъ проѣздомъ, я прохвовалъ тамъ шесть недѣль; три года назадъ, всего на протяженіи нѣсколькихъ дней, и, наконецъ, на этотъ разъ, когда попавъ не ради себя и на короткій срокъ, очутился въ положеніи того чижа, за которымъ „захлопнулась злодѣйка западня".

Путешествія по Франціи, Италіи, Англіи, Даніи и даже Швеціи всегда развлекали меня и давали необходимый отдыхъ, такъ какъ приносили извѣстное разнообразіе впечатлѣній. Каждая страна, нѣтъ-нѣтъ, и давала что-нибудь свое особое, специфическое, обнажая частицу своей народной души. Современная же Германія давила меня своимъ вылощеннымъ однообразіемъ, своею слоновою граціей и сплошнымъ одуряющимъ безвкусіемъ.

Сытая, уравновѣшенная пошлость висѣла въ воздухѣ, какъ виситъ легкій паръ надъ искусственно, слишкомъ тучно унавоженной землей, пригрѣтой солнцемъ. Все, что было позаимствовано Нѣмцами у другихъ народовъ, имъ удавалось возвести въ перлъ созданія, отъ всего, что они изобрѣтали сами, разило всегда нестерпимымъ безвкусіемъ и лишь условною пригодностью. Вотъ почему только ихъ первоклассные отели, съ англійскою кухнею и всѣмъ обиходомъ на англійскій ладъ, представляли собою дѣйствительно нѣчто примѣчательное. Все остальное, болѣе дешевое, чисто нѣмецкое, даже въ первоклассныхъ курортахъ, не идетъ далѣе самой банальной посредственности.

Тѣмъ не менѣе въ сезонъ все заполнялось и, главнымъ образомъ, именно Русскими, русскими Евреями по преимуществу, что легко объясняется запретомъ нашимъ Евреямъ пользоваться отечественными курортами Кавказа и Крыма. Не будь этого, наши курорты процвѣтали бы не хуже нѣмецкихъ, такъ какъ никто такъ охотно не тратится на свое леченіе, какъ Евреи.

II.

Bad Hamburg.

Гомбургъ издавна излюбленное мѣсто Русскихъ. Когда-то, когда сюда еще привлекала рулетка, немало русскихъ денегъ ушло на процвѣтаніе Гомбурга. Одна изъ главныхъ поперечныхъ улицъ, ведущихъ къ парку, именуется Киселевской улицей (Kisilewstrasse). Нѣкая русская богачиха Киселева здѣсь размотала цѣлое состояніе. Построенная ею нѣкогда роскошная вилла, съ чудной обстановкой, лѣтъ семь назадъ досталась одному нѣмецкому врачу за баснословно дешевую цѣну.

Благоустроенный Гомбургъ, съ прекраснымъ паркомъ и недурнымъ мѣстоположеніемъ вблизи такого богатаго города, какъ Франкфуртъ-на-Майнѣ, привлекаетъ къ себѣ курортныхъ гостей не столько своими водами и искусственными ванными, поддѣланными подъ Нарзанъ (Kohlensäuer), сколько возможностью довольно спокойно отдохнуть въ немъ при комфортабельной обстановкѣ. Весь городъ только и живетъ курортными сезонами, на которые съѣзжаются Англичане, Американцы и, по преимуществу, какъ уже замѣчено выше, Русскіе. Немало больныхъ сердцемъ, отбывшихъ свой суровый курсъ леченія по сосѣдству, пріѣзжаютъ сюда на отдыхъ изъ Наугейма.

Когда девять лѣтъ назадъ я впервые попалъ съ семьей въ Гомбургъ, мы взяли комнаты въ ближайшемъ къ парку отелѣ, на которомъ, рядомъ съ германскимъ, развѣвался русскій національный флагъ. Это былъ «Ritter's Park Hotel» — «Паркъ-отель». Русскій флагъ на немъ развѣвался въ честь пребыванія въ отелѣ въ то время покойнаго великаго князя Владиміра Александровича. Русскихъ въ отелѣ было довольно много, въ томъ числѣ покойный адмиралъ Дубасовъ (это было вскорѣ послѣ пораженія московской революціи) и только что отставленный министръ внутреннихъ дѣлъ П. Н. Дурново. Англичанъ было также много. У нихъ были заарендованы цѣлыя поляны для игръ въ гольфъ и имѣлся собственный гольфъ-клубъ. Американцы и особенно богачихи-Американки, четыре раза въ день мѣнявшія туалеты, были также представлены недурно. Ради послѣднихъ молодою хозяйкою отеля, г-жею Риттеръ, женою сына старика Конрада Риттера, основателя отеля, игравшею цѣлые дни со своими кавалерами въ тенисъ, два раза въ недѣлю устраивались шумные балы съ музыкою до двухъ и трехъ часовъ ночи, на которые по преимуществу изъ окрестностей привлекалась германская военная молодежь. Болѣе солидные кліенты отеля морщились, жаловались на безпокойство, старикъ Риттеръ пытался даже упразднить шумныя сборища, но г-жа Риттеръ, державшая въ безусловномъ подчиненіи своего мужа, который собственно и вѣдалъ администраціею отеля, была неумолима. Она старалась тянуться съ богатыми Американками, наряжалась, французила, какъ умѣла, знакомилась съ кѣмъ только могла и вообще пыталась превратить свой отель въ салонъ свѣтской дамы. Надо было видѣть, какъ на перегонку американскія богачихи, нѣмецкіе офицеры и сама г-жа Риттеръ вставляли ежеминутно французскія словечки [въ свои

крикливыя нѣмецкія «causeries». Солидныя англійскія семейства и родовитые Русскіе молчаливо сторонились отъ этого гостиничнаго придатка и снисходительно-иронически дѣлали видъ, что не замѣчаютъ докучной суеты.

Внѣ этого отель не оставлялъ желать лучшаго; къ услугамъ взыскательной заѣзжей кліентуры былъ весь дорого оплачиваемый комфортъ.

Въ тотъ годъ кухня отличалась особою изысканностью. Разгадка этому скоро для меня открылась. Нерѣдко по утрамъ я слышалъ стройное пѣніе марсельезы и другихъ французскихъ хоровыхъ пѣсенъ. Сначала я диву давался: откуда сіе? Но скоро чистокровный Нѣмецъ коридорный, не безъ саркастической ужимки, объяснилъ, въ чемъ дѣло. Главнымъ поваромъ (chef de cuisine) былъ взятъ Французъ, онъ и набралъ, по словамъ Нѣмца, всю эту свору поваровъ и поварятъ, вплоть до кухонныхъ мужиковъ, исключительно изъ Французовъ. И вотъ ведутъ они себя шумно, крикливо и каждое утро «орутъ свою марсельезу». Директоръ отеля пробовалъ было унимать ихъ, но они повели себя вызывающе, и старикъ Риттеръ приказалъ оставить ихъ въ покоѣ, опасаясь стачки въ самомъ разгарѣ сезона. Въ коридорахъ и въ комнатахъ прислуга была нѣмецкая, но вся ресторанная, показная, состояла почти сплошь изъ Французовъ и Итальянцевъ. Изъ трехъ метръ-д'отелей былъ только одинъ Нѣмецъ, и тотъ Австріецъ. Завѣдывалъ холемъ и американскимъ баромъ, т.-е. подавалъ послѣобѣденный кофе, ликеры, сигары и проч., черномазый восточный человѣкъ въ фескѣ, левантинецъ, «знаменитый» Гассанъ. Знаменитый потому, что, служа многіе сезоны въ той же гостинницѣ, онъ былъ вездѣсущъ, всевѣдущъ и вмѣстѣ съ тѣмъ неизмѣнно услужливъ. Въ его лицѣ сосредо-

точивались рѣшительно всѣ новости, не только новости отеля, не только новости Гомбурга и сосѣдняго Франкфурта, но и всего міра. Онъ завѣдывалъ получаемыми отелемъ газетами и первый ихъ пробѣгалъ, къ тому же онъ объяснялся со всѣми на всѣхъ рѣшительно европейскихъ языкахъ приблизительно одинаково скверно. Турецкій подданный, магометанинъ, онъ былъ женатъ на Нѣмкѣ, принявшей ради него могометанство, имѣлъ семью, которая проживала въ Монте-Карло, такъ какъ весь длинный зимній сезонъ онъ служилъ тамъ въ одномъ изъ лучшихъ отелей по сосѣдству съ казино.

Въ этотъ первый мой пріѣздъ въ Гомбургъ, какъ я уже упоминалъ, я захворалъ довольно серьезно и вынужденно оставался въ немъ шесть недѣль. Большую часть времени пришлось даже пролежать въ постели, почему отъ курортной жизни осталось мало воспоминаній. Помню только (съ благодарностью) очень внимательное отношеніе къ себѣ и къ моей семьѣ, имѣвшей нѣкоторое время серьезное основаніе безпокоиться за исходъ моей слишкомъ затянувшейся болѣзни, русской колоніи въ Гомбургѣ съ покойнымъ великимъ княземъ во главѣ, который неоднократно присылалъ справляться о ходѣ моей болѣзни.

Его врачомъ въ Гомбургѣ былъ почтенный мѣстный старожилъ, докторъ Хобертъ. Изъ Петрограда я имѣлъ рекомендацію къ доктору Норденну, у котораго для консультаціи побывалъ раза два, но его жестокіе, пронизывающіе васъ глаза, и вся его наружность и манера держать себя произвели на меня настолько отталкивающее впечатлѣніе, что когда я слегъ, то не рѣшился позвать его.

Я пригласилъ доктора Хоберта. Этотъ старикъ (тогда ему уже было лѣтъ за шестьдесятъ) мало словоохотливый, но необыкновенно внимательный, не по-

ходилъ вовсе на курортнаго врача, и своимъ терпѣніемъ и вдумчивою заботливостью производилъ самое отрадное впечатлѣніе. Не могу не упомянуть и о другомъ старикѣ, приблизительно такого же возраста, основателѣ, а теперь почти только номинальномъ собственникѣ отеля, Конрадѣ Риттерѣ. Онъ проявилъ не мало вниманія и деликатной заботы объ удобствахъ для больного. Намѣренно оттѣняю свое знакомство съ этими двумя почтенными личностями, такъ какъ и въ періодъ нашего плѣненія они оказались тѣми же высокогуманными людьми, отнюдь непохожими на людей поколѣнія, народившагося въ Германіи уже послѣ разгрома Франціи въ 70-хъ годахъ.

III.

Der Keiser.

Второе мое пребываніе въ Гомбургѣ три года назадъ было слишкомъ кратко для наблюденія курортнаго быта. Могу лишь отмѣтить посѣщеніе Гомбурга кайзеромъ Вильгельмомъ.

Я полагалъ, что предстоитъ большое событіе. Кайзеръ рѣшилъ въ разгарѣ сезона посѣтить модный курортъ ради двухъ предстоящихъ торжествъ. Во-первыхъ, предстояло «открытіе» новаго источника, кіоскъ котораго возведенъ былъ по рисунку самого кайзера, во-вторыхъ, въ мѣстной англійской церкви водружался коммеморіальный портретъ-медальонъ покойнаго англійскаго короля Эдуарда. За особую, довольно высокую плату по благотворительному сбору мнѣ удалось получить два билета для входа въ англійскую церковь.

Вся колонія Англичанъ была въ сборѣ, народу набралось много, но мѣста были нумерованныя и, сидя на пятой скамьѣ, все было отлично видно.

Часу въ одиннадцатомъ въ открытыя окна и двери небольшой уютной церкви ворвались пронзительные сигнальные звуки военнаго рожка. Кто-то пояснилъ: «Моторъ кайзера! Никто, кромѣ кайзера, не имѣетъ права пользоваться въ Германіи автомобильнымъ рожкомъ, издающимъ звуки, подобные звукамъ военной сигнализаціи».

Автомобиль кайзера подъѣхалъ вплотную къ самымъ дверямъ церкви. Такъ какъ двери были широко распахнуты, то казалось, что автомобиль въѣхалъ въ самую церковь. Вдоль улицы стояло много любопытныхъ, но не было слышно ни привѣтствій, ни возгласовъ. У входа въ церковь, на сильномъ солнечномъ припекѣ ожидали мѣстныя власти и курортные заправилы въ черныхъ фракахъ и цилиндрахъ въ рукахъ.

Вильгельмъ что-то долго задержался у дверей и очень громко разговаривалъ, не входя въ церковь. Это мало гармонировало съ благоговѣйной тишиной въ самой церкви. Пастора въ облаченіи съ крестомъ въ рукахъ и представителей мѣстнаго благотворительнаго англійскаго общества, готовыхъ къ торжественной встрѣчѣ, видимо, покоробило вынужденное ожиданіе.

Наконецъ кайзеръ, одѣтый въ форму прусскаго улана, вошелъ въ самую церковь, какъ-то неловко, слишкомъ громко звякнувъ не то шпорой, не то какою-либо иною принадлежностью своего обмундированія. Онъ былъ въ сопровожденіи двухъ принцессъ, одной старой, другой помоложе; кто именно были эти принцессы, сейчасъ не припомню.

На привѣтствіе пастора, произнесенное ровнымъ, тихимъ голосомъ, кайзеръ отвѣтилъ что-то по военному громко и отчетливо. Отдернули занавѣску, скрывавшую вдѣланный въ стѣнѣ прекрасно исполненный медальонъ короля Эдуарда, и началось богослуженіе.

Звуки органа и стройное пѣніе далеко понеслись въ открытыя окна и двери крохотной церкви, вокругъ которой скоплялось все больше и больше любопытныхъ.

Когда окончилось богослуженіе, кайзеръ и его приближенные, постоявъ нѣсколько секундъ, чтобы разсмотрѣть детали медальона, вышли къ поданному автомобилю. Здѣсь опять-таки весьма долго, въ то время, когда уже власти и представители англійской колоніи стояли на припекѣ съ непокрытыми головами, кайзеръ, обращаясь къ отдѣльнымъ лицамъ, громко и долго ораторствовалъ. Наконецъ, раздался вновь рѣзкій звукъ сигнальнаго автомобильнаго рожка и кайзеръ отбылъ въ Зальбургъ, гдѣ ему былъ приготовленъ завтракъ.

Къ 3 часамъ его уже ждали въ паркѣ для присутствованія на открытіи новаго источника, который, по отзыву врачей, отличался особою силою. Всѣ курортные обыватели устремились въ паркъ, къ вновь выросшему павильону, возведенному по рисунку самого кайзера.

Черное съ золотомъ, довольно громоздкое куполообразное пятно поддерживалось соотвѣтствующими колонами. Получалось впечатлѣніе чего-то претенціознаго, хотя дѣло шло лишь о самомъ банальномъ водяномъ кіоскѣ.

Въ ожиданіи прибытія кайзера я въ толпѣ столкнулся съ знакомымъ Баварцемъ-врачемъ, обычно практикующимъ въ Ниццѣ и лишь на сезонъ наѣзжающимъ въ Гомбургъ. Живой, обязательный, большой любитель бургундскаго вина и всѣхъ прелестей Парижа, онъ мало походилъ на Нѣмца. Обычно въ отличномъ расположеніи духа, послѣ сытнаго завтрака, онъ разоткровенничался: «Вы правы, вы совершенно правы... аляповато, безвкусно! Долженъ вамъ сказать, что я очень уважаю нашего кайзера. Онъ уменъ и энергиченъ. О, разумѣется,

онъ очень много сдѣлалъ для Германіи, онъ удачно царствуетъ, но... но у него совершенно отсутствуетъ вкусъ... Абсолютно! Вотъ онъ считаетъ себя и ораторомъ, и художникомъ, и музыкантомъ, но вѣдь всякое искусство требуетъ вкуса, а у него его нѣтъ, нѣтъ и негдѣ взять. Противъ этого безсильно всякое лекарство. Даже та вода, которую онъ сейчасъ испробуетъ, ему не поможетъ». Веселый Баварецъ щелкнулъ при этомъ выразительно языкомъ въ знакъ того, что по части вкуса его кайзеръ дѣйствительно швахъ.

Тѣмъ временемъ прозвучалъ рожокъ автомобиля, и черезъ минуту Вильгельмъ, въ сопровожденіи двухъ своихъ спутницъ, всходилъ уже на ступени довольно воззвышеннаго амвона, надъ которымъ высилось его раззолоченное архитектурное произведеніе.

Кайзера отлично было видно во весь ростъ и со всѣхъ сторонъ. Одѣтъ онъ былъ менѣе эфектно, чѣмъ утромъ, въ сѣромъ охотничьемъ костюмѣ стрѣлка, съ плюмажемъ на шляпѣ. Костюмъ ему не шелъ, онъ напоминалъ и выѣздного изъ посольства, и зауряднаго егермейстера. Двигался и жестикулировалъ онъ усиленно. Въ его фигурѣ и манерѣ держать себя не было ни царственной простоты, ни царственной сдержанности. Неважный актеръ, желающій разыграть цезаря, таково было мое общее впечатлѣніе и разочарованіе. Разочарованіе потому, что я представлялъ себѣ Вильгельма, носителя общегерманской мощи, гораздо болѣе величественнымъ. На портретахъ и многочисленныхъ рисункахъ въ позахъ его и выраженіи лица всегда было много напряженія и дѣланности, но иные изъ этихъ портретовъ все же воспроизводили черты энергіи и силы. Въ натурѣ эти черты совершенно стушовывались, благодаря излишней подвижности, чтобы не сказать суетливости, кайзера. Онъ видимо позировалъ безпрерывно отходилъ и подходилъ къ оборудованіямъ

павильона, бросалъ слова на всѣ стороны, поминутно оборачивался и лишь послѣ того, какъ успѣлъ показать себя рѣшительно всѣмъ и со всѣхъ сторонъ, принялъ изъ рукъ бургомистра стаканъ съ водой, поданный дѣвицей, поставленной у источника. Стаканъ онъ взялъ тоже не просто. Держа его въ рукѣ, онъ что-то долго наговаривалъ. Издали казалось, что кайзеръ нашептывалъ заклинанія на воду, чтобы она вѣрнѣе дѣйствовала. Въ толпѣ интернаціональныхъ «курсовыхъ» живо интересовались: «выпьетъ ли цѣликомъ весь стаканъ?» Веселый Баварецъ-докторъ обнадеживалъ: «Вода не такъ ужъ молніеносно чудодѣйственна, какъ хотятъ раздуть мѣстные врачи». На этотъ разъ кайзеръ проявилъ сдержанность, онъ отпилъ лишь немного изъ стакана. Бывшая съ нимъ пожилая принцеса выказала болѣе рѣшимости, она выпила залпомъ цѣлый стаканъ. Вильгельмъ, какъ добрый Нѣмецъ, не преминулъ милостиво пошутить съ нею по этому поводу. Не было слышно словъ, но такъ какъ всѣ окружающіе послѣ нихъ громко захохотали, то мы рѣшили, что державной волею германскаго монарха какой-нибудь новый, болѣе или менѣе тяжеловѣсный, нѣмецкій «вицъ» увидѣлъ свѣтъ.

Торжество кончилось.

И тутъ ни овацій, ни привѣтствій. Въ толпѣ одни любопытные. Приниженно обнаженныя, лысыя головы приближенныхъ на яркомъ солнечномъ припекѣ, да звуки автомобильнаго рожка только и развлекали публику.

Бывшая со мной русская дама, большая поклонница стройной дисциплины, обожавшая поэтому нѣмецкіе порядки и одобрявшая самого кайзера, казалась разочарованною. Она ждала увидѣть нѣчто обаятельное и вмѣстѣ царственно дисциплинированное. «Да это дергунъ какой-то все время паясничалъ на подмосткахъ!»,

вырвалось у нея неввольно съ обидой и досадой. Другая пожилая дама, тоже Русская, хранившая цѣлую колекцію портретовъ Вильгельма и давно заочно «обожавшая» его, претендовала на другое: «Что же ему ничего не кричали?! Хороши мѣстныя дамы, не поднесли даже букета... Если бы я это знала, я бы сама подала ему цвѣты». Нашъ неизмѣнно находчивый спутникъ Баварецъ и на это весело отозвался: «Ну, чего жъ вы хотите... онъ скачетъ всюду... за нимъ не угонишься. Нельзя же вездѣ, гдѣ онъ появится (а гдѣ онъ только ни появляется!) кричать, да еще цвѣтами путь усыпать».- И жизнерадостный Баварецъ весело смѣялся, великолѣпно отчеканивая французскую рѣчь, которою онъ владѣлъ въ совершенствѣ.

Въ тотъ же день кайзеръ укатилъ изъ Гомбурга.

Укатилъ куда-то дальше, кажется тоже на какое-го открытіе или торжество, укатилъ на томъ же автомобилѣ, разсѣивая по всѣмъ встрѣчнымъ нѣмецкимъ весямъ и градамъ побѣдоносные звуки военнаго рожка.

Но Нѣмцы тогда еще были заняты каждый своимъ собственнымъ дѣломъ, и никто не вопилъ „фатерланда" и не выкрикивалъ безстыдно-наглаго припѣва о томъ, что «Deutschland über alles, über alles in der Welt».

IV.

На отдыхѣ.

Въ послѣдній разъ я попалъ въ Гомбургъ при особо счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Во-первыхъ, изъ Петрограда мы выѣхали въ четвергъ (легкій день!), во-вторыхъ, былъ намѣченъ продолжительный отдыхъ за границей, котораго я давно жаждалъ и въ которомъ весьма нуждался.

По роду моей дѣятельности важно вырваться не

только изъ Петрограда, но и изъ Россіи, ибо кліентъ изобрѣтателенъ. Помнится въ Крыму, къ немалой моей досадѣ, кліенты изъ Татаръ сторожили меня ежедневно на морскомъ берегу.

Въ Гомбургѣ я разсчитывалъ задержаться всего недѣли двѣ. Затѣмъ вырисовывалась Италія, морскія купанья и можетъ быть даже экскурсія въ менѣе извѣданные края, а затѣмъ въ Парижъ. Во всякомъ случаѣ, впереди цѣлыхъ два, можетъ быть даже два съ половиною мѣсяца абсолютной свободы и давно желаннаго отдыха.

Усаживаясь въ международный вагонъ, влекущій «за границу», чувствуешь себя уже сразу окрыленнымъ. Позади повседневное, опостылѣвшее, впереди свѣжая струя новыхъ впечатлѣній и, главное, полная свобода.

Однако, пока доберешься до этихъ новыхъ впечатлѣній, какъ въ сущности все знакомо для тѣхъ, кто не одинъ разъ переѣзжалъ ту же границу. Почтовый трактъ. И станціи всѣ знакомы. Вержболово! Эйдкуненъ. Все въ порядкѣ, все на своихъ мѣстахъ.

Милѣйшій жандармскій полковникъ Веденяпинъ... Кого только онъ не зналъ, и кто не пользовался его предупредительною любезностью на границѣ. Бѣдняга, можно ли было думать, переѣзжая границу 4 іюля, что его такъ скоро, такъ неожиданно не станетъ... Пользуясь довольно продолжительной стоянкой, онъ побывалъ въ нашемъ купэ. Перекинулись о томъ, о семъ. Надвигающагося ужаса, войны, и въ предчувствіи не было По поводу австрійской ноты Сербіи онъ только замѣтилъ: «Главное передъ Нѣмцами расшаркиваться не надо, всякую мягкость они за слабость принимаютъ, такой ужъ народъ».

Два дня въ Берлинѣ.

Подкупающій, не шумный въ эту пору года ком-

фортъ «Кайзергофъ-отеля» и обязательный зоологическій садъ, откуда не выжить дѣтвору. Все остальное ужъ слишкомъ знакомо, слишкомъ на своемъ мѣстѣ. Русскіе, заполняющіе всѣ улицы и переулки, прилегающіе къ вокзалу Фридрихштрассе, бездарная, якобы запретная для Русскихъ, литература, упитанные конные и пѣшіе шуцманы на показныхъ мѣстахъ, уныло мѣрное шлепанье подковъ благородныхъ животныхъ, низведенныхъ на ступень бездушныхъ автоматовъ, знаменитая Sieges Allee, съ вытянутыми въ шеренгу монументами... *прошлаго* величія Германіи.

Чѣмъ не кладбище?

Такимъ, по крайней мѣрѣ въ эту минуту, когда я пишу эти строки, представляется мнѣ эта пресловутая мавзолейная аллея, созданная выскомѣріемъ кайзера Вильгельма и спѣшно возведенная Нѣмцами на награбленныя французскія деньги. Кладбище, такъ кладбище.

Да сбудется!

Едва ли не одинъ изъ пріятнѣйшихъ элементовъ отдохновенія—не читать газетъ. Переваливъ нѣмецкую границу, мнѣ было это тѣмъ сподручнѣе, что по части нѣмецкаго языка я не слишкомъ силенъ. Его мнѣ хватаетъ ровно настолько, насколько это необходимо для убѣжденнаго туриста, имѣющаго всегда наготовѣ и пфениги, и марки.

Не скажу, однако, чтобы меня вовсе не безпокоило политическое состояніе минуты. О себѣ я, конечно, не думалъ, я думалъ только о Сербіи, о томъ унизительномъ ультиматумѣ, который предъявила ей Австрія. Я думалъ, отъ побрякиванія саблей до того, чтобы ее обнажить, далеко! Вѣдь есть же и разумъ и совѣсть не только у людей, но и у народовъ. Вѣдь въ двадцатомъ же вѣкѣ мы, наконецъ, живемъ! Очевидно, уладится безъ кровопролитія.

Не мало успокоили меня и двѣ встрѣчи, правда, съ Русскими, т.-е. съ русскими подданными, но живущими однако почти постоянно въ Берлинѣ.

Одинъ—берлинскій домовладѣлецъ, человѣкъ дѣловой, уравновѣшенный, давній знакомый и очень намъ преданный, нѣкто С. Онъ встрѣчалъ и провожалъ насъ и, постоянно завтракая вмѣстѣ, мы наговорились до-сыта. Онъ утверждалъ положительно, что никакой войны не будетъ. Пошумятъ, и все уладится. Онъ даже передавалъ крылатую фразу, пущенную якобы недавно Вильгельмомъ: „Австрія любитъ бряцать моей саблей!".

Другая встрѣча мнѣ представилась еще болѣ знаменательной. Одинъ нашъ петроградскій знакомый просилъ меня разрѣшить его брату, вынужденному жить постоянно въ Берлинѣ, повидать насъ тамъ. Разумѣется я немедленно далъ знать ему о нашемъ пріѣздѣ и пригласилъ къ обѣду. По профессіи педагогъ, онъ состоялъ лекторомъ русскаго языка въ берлинской академіи генеральнаго штаба. Чего же лучше? Значитъ, у самого источника всякаго рода военныхъ вожделѣній и честолюбій.

И онъ ничего не могъ уловить угрожающаго. Довольно благодушно онъ повѣдалъ намъ лишь о томъ, что ученики его довольно старательны, интересуются русской литературой, читаютъ Толстого, очень любятъ юмористическіе разсказы Чехова. Когда приглашаютъ на парадные обѣды, обязательно подаютъ французское шампанское, а потомъ пьютъ свой довольно невкусный ликеръ, въ которомъ плаваютъ тонкіе листки золота. Запиваютъ все это уже послѣ обѣда пивомъ. Вообще пьютъ много и любятъ пить. Жизнь ихъ очень однообразна, и для русскаго кажется монотонной и скучной. О политикѣ въ военной средѣ не принято разговаривать. Говорятъ о лошадяхъ, о женщинахъ преимущественно.

И эта встрѣча не открыла мнѣ ничего новаго и не дала никакого матеріала для безпокойства. Вѣдь и онъ и знакомый нашъ С. несомнѣнно русскіе подданные, стало быть въ случаѣ войны и имъ пришлось бы не сладко въ Берлинѣ.

Итакъ билеты взяты въ Гомбургъ, туда и ѣхать.

Седьмого іюля нашего стиля благополучно прибыли въ гостепріимный курортъ. Только впослѣдствіи (благо досуга оказалось ужъ очень много) сообразили и подсчитали, что въѣхали-то мы въ Гомбургъ какъ разъ въ понедѣльникъ. Вотъ и вышло неладно.

Но въ ту минуту, въ качествѣ просвѣщенныхъ туристовъ, конечно, этимъ пренебрегли.

Еще изъ Берлина по телеграммѣ заказали себѣ комнаты въ „Ritter's Park Hotel", благо тамъ уже живали, мѣсто насиженное. Уже черезъ два часа по телеграфу же получили срочный отвѣтъ: «Dankend reserviert».

Отъ Берлина до Франкфурта-на-Майнѣ всего ночь ѣзды, а тамъ уже мѣстный поѣздъ и трамвай. Въѣхали въ отель при самыхъ счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Встрѣчаютъ радушно, какъ старыхъ друзей. Все тотъ же молодой, изящный и корректный директоръ отеля, тѣ же отецъ и сынъ Риттеры, та же г-жа Риттеръ въ бѣлыхъ башмакахъ, зеленой вязаной курткѣ и съ тенисной ракетой подъ мышкой, знаменитый Гассанъ въ яркомъ левантинскомъ одѣяніи и неизмѣнной фескѣ, дѣвица, продающая цвѣты, швейцаръ, малолѣтніе «курьеры» въ малиновыхъ курткахъ и бравые «Hausdiener'ы», легко втаскивающіе вашъ громоздкій багажъ. Всѣ на своихъ мѣстахъ, и всѣ вамъ рады и не скрываютъ этого. Узнаютъ, припоминаютъ прежнія ваши посѣщенія. Привѣтствуютъ васъ исключительно на французскомъ нарѣчіи. Гассанъ пытается сломить привѣтствіе даже по-

русски. Словомъ, въѣзжаемъ въ отель, окруженные самымъ изысканнымъ и внимательнымъ попеченіемъ.

Для беззаботнаго отдохновенія не выдумать болѣе подходящей обстановки. Къ тому же стоитъ дивная, лѣтняя погода, огромный паркъ разтилается у самаго подножья вашего балкона, воздухъ чистъ и прозраченъ, и послѣ ночи, проведенной въ спальной, и слегка укачавшемъ васъ вагонѣ, вы вдыхаете его полною грудью.

Такъ благополучно и счастливо въѣхали мы въ гостепріимный „Ritter's Park Hotel".

V.

У Риттеровъ.

Жизнь въ любомъ курортѣ идетъ какъ заведенная машина. Кто серьезно не лечится и не вѣруетъ въ чудодѣйственную силу водъ и ваннъ, тотъ быстро начинаетъ томиться однообразіемъ режима. Въ отелѣ, гдѣ мы жили, лечащихся было сравнительно мало, было гораздо больше людей просто праздныхъ, желавшихъ пожить спокойно, въ свое удовольствіе. Русскихъ разсѣяно въ Гомбургѣ множество, но они ютились больше въ санаторіяхъ и на виллахъ, въ „Паркъ-отелѣ" ихъ было сравнительно немного. Можно было всѣхъ перечесть.

Въ отдѣльномъ роскошномъ помѣщеніи проживалъ наполовину разбитый параличемъ русскій богачъ графъ С. съ нѣмецкой фамиліей, имѣющій свою собственную виллу въ Висбаденѣ и ежегодно пріѣзжавшій на сезонъ въ Гомбургъ со всей своей свитой. Его можно было видѣть только въ послѣобѣденные часы, когда въ щегольской наемной коляскѣ его возили вокругъ парка. Ни въ столовыхъ отеля, ни въ комфортабельномъ холлѣ онъ никогда не показывался.

Также таинственно, почти невидимкой, проживалъ въ отелѣ директоръ одного изъ петроградскихъ комерческихъ банковъ Х. Онъ столь же таинственно и счастливо укатилъ въ Россію за два дня до объявленія войны.

За то другіе Русскіе были на виду: графъ Т., достаточно пожилой, но всегда изысканный, дарившій всѣхъ своею неизмѣнною улыбкою, съ манерами старозавѣтнаго маркиза былъ особенно популяренъ, такъ какъ ежегодно наѣзжалъ въ Гомбургъ. Обращало на себя вниманіе супружество М. Онъ еще молодой человѣкъ, отставной русскій офицеръ, она, кажется, остзейка. Года три они уже проживали за границей, такъ какъ доктора константировали у него туберкулезъ въ легкомъ. Въ Давосѣ, а затѣмъ въ Меранѣ онъ почти оправился, и супружество очень мечтало о возвращеніи въ Россію, къ себѣ въ Ригу. Живя нѣсколько мѣсяцевъ въ Гомбургѣ, они близко сошлись съ хозякой отеля, г-жею Риттеръ, и часто бывали вмѣстѣ, участвуя въ устраиваемыхъ развлеченіяхъ.

Затѣмъ было довольно много пріѣзжихъ изъ Москвы, Одессы, Кіева, Саратова. Старикъ Риттеръ находилъ, что это „смѣшанная публика". Съ тѣхъ поръ, какъ сынъ его, вопреки его предостереженіямъ, увеличилъ отель, приходилось заполнять отель и такою публикой. Далеко не всѣ изъ этой компаніи являлись къ обѣду въ смокингахъ, а на балы во фракахъ, и это весьма огорчало старика Риттера, который желалъ, чтобы его отель былъ первымъ по элегантности въ Гомбургѣ. Онъ весьма печалился, узнавъ, что не у него остановились наѣхавшіе въ Гомбургъ его императорское высочество принцъ А. П. Ольденбургскій, князь Волконскій, баронъ Корфъ и другіе высокопоставленные Русскіе. Онъ вспоминалъ лучшіе дни, когда надъ его

отелемъ, рядомъ съ нѣмецкимъ, неизмѣнно развивался русскій флагъ, а его кліентами бывали поочередно всѣ русскіе великіе князья.

Отъ нашего Государя, бывшаго здѣсь при закладкѣ русской церкви, ему былъ пожалованъ высочайшій подарокъ—золотой портсигаръ съ эмалированнымъ двуглавымъ орломъ. Съ этимъ подаркомъ онъ не раставался, бережно сохраняя его.

Если Русскихъ, и особенно сановитыхъ Русскихъ, къ великому огорченію стараго Риттера, на этотъ разъ въ отелѣ было не особенно много, зато богатыми американскими семьями былъ наполовину заполненъ отель. Было два, три Француза.

Англичанъ почти не было. По отзыву директора отеля, они еще «не съѣхались». Не закончился ихъ собственный сезонъ, и парламентъ не распущенъ.

Американцы съ г-жею Риттеръ во главѣ развлекались во всю. Какъ разъ выпала недѣля тенисныхъ состязаній, въ которыхъ приняло участіе молодое офицерство. По этому случаю каждый день въ отелѣ бывали парадные обѣды, и два раза организовались шумные балы. Гости собирались и изъ другихъ отелей и виллъ, наѣзжали и изъ Франкфурта.

Декольтированныя дамы, осыпанныя брилліантами и жемчугомъ, старыя и молодыя, молодые люди и старцы, облаченные во фраки и бѣлые жилеты, сама г-жа Риттеръ, щеголявшая выписнымъ парижскимъ туалетомъ,— все это шумно парадировало, чествуя группу весьма юныхъ нѣмецкихъ офицеровъ, получившихъ первый призъ. Молодой Риттеръ, также во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, былъ красенъ, взволнованъ и сіялъ невѣроятно, чувствуя себя настоящимъ амфитріономъ. Гассана все время не покидала улыбка, обнажавшая весь рядъ его великолѣпныхъ бѣлыхъ зубовъ. На этихъ вечерахъ онъ

зарабатывалъ великолѣпно. Требованія на издѣлія его «американскаго бара» съ каждымъ новымъ танцемъ возрастали. И Нѣмцы, и Американцы поглощали неимовѣрное количество и виски-сода, и просто виски, дамы же предпочитали замороженный кохтейль, шерибренди и т. п.

Послѣдній изъ такихъ вечеровъ былъ устроенъ г-жею Риттеръ за 2—3 дня до объявленія войны и мобилизаціи. Въ этотъ именно день убѣжденно говорили, что никакой войны не будетъ. «Frankfurter Zeitung», которая перебывала у всѣхъ въ рукахъ, предрекала совершенно мирное разрѣшеніе конфликта. Все зависѣло отъ Вильгельма, а кайзеръ вѣдь извѣстенъ міру своимъ гуманнымъ миролюбіемъ. Сколько разъ онъ уже разсѣивалъ грозовыя тучи, сгущавшіяся, не по его винѣ, надъ Европой!

Подъ звуки вальса и шелестъ бальныхъ платьевъ охотно вѣрилось, что крови не прольется.

VI.

Призракъ войны.

Въ четвергъ, по нашему стилю 17 іюля, впервые обнаружились кое-какіе тревожные симптомы. При встрѣчѣ съ Русскими невольно овладѣвало безпокойство. Передавали, что его императорское высочество принцъ А. П. Ольденбургскій и кое-кто изъ военныхъ Русскихъ спѣшно не то уѣзжаютъ, не то уже выѣхали въ Россію. Не попадались больше на глаза ни сообщительный В. А. Маклаковъ, ни милѣйшій Н. А. Плещеевъ, нерѣдко завтракавшій въ Паркъ-отелѣ. Но они часто фланировали по Франкфурту, и ихъ отсутствіе въ тотъ день въ паркѣ объясняли случайностью.

Въ пятницу, 18-го, тревога уже рѣшительно овладѣла нами, благодаря внезапному прекращенію банками

всякихъ выдачъ по акредитивамъ. Первый объ этомъ сообщилъ мнѣ всевѣдущій Гассанъ. Я ему не повѣрилъ и бросился въ отдѣленіе франкфуртскаго банка, гдѣ еще три дня назадъ, когда предстояло уплатить недѣльный счетъ отеля, мы получили по акредитиву желаемую сумму. Въ банкѣ намъ рѣзко заявили, что всѣ счета съ русскими банками отнынѣ совершенно исключены (ganz ausgeschlossen). На мою просьбу размѣнять нѣсколько русскихъ сотенныхъ, я получилъ отвѣтъ: „Мы русскихъ денегъ не мѣняемъ!»

Положеніе сразу становилось критическимъ. Мы подсчитали имѣвшіяся еще у всѣхъ насъ германскія марки, ихъ оказалось немногимъ болѣе трехсотъ. Для шести человѣкъ этого было слишкомъ недостаточно, чтобы добраться до Россіи.

Въ качествѣ юриста, я авторитетно сообразилъ, что единственное, что намъ, русскимъ подданнымъ, случайно застигнутымъ войной на вражеской территоріи, можетъ угрожать—это предложеніе о немедленномъ оставленіи предѣловъ Германіи. Другихъ опасеній не могло быть. Поэтому надо было прежде всего обезпечить себѣ возможность неотложнаго выѣзда. Я срочно протелеграфировалъ въ Берлинъ нашему знакомому С., русскому подданному, но мѣстному домовладѣльцу, о которомъ уже упоминалъ раньше, и нисколько не сомнѣвался, что онъ быстро придетъ намъ на помощь.

Лишь спустя сутки, въ субботу, 19-го, т. е. въ самый день объявленія войны и начавшейся мобилизаціи, мы получили отъ него нетерпѣливо ожидаемый телеграфный отвѣтъ. Онъ увѣдомлялъ, что сдѣлаетъ возможное, но не можетъ сдѣлать столько, сколько хотѣлъ бы, такъ какъ самъ застигнутъ войной врасплохъ, и не можетъ ничего получить изъ банковъ.

Отвѣтъ этотъ усилилъ наше безпокойство. Накоплялся

платежъ за нѣсколько дней въ отелѣ, и вопросъ о томъ, хватитъ ли денегъ на дорогу, становился уже ребромъ. Удрученное душевное состоянiе усиливалось, благодаря общему волненiю окружающихъ. По улицамъ вездѣ бѣгали съ печатными листками, объявившими военное положенiе; откуда-то появились, нещадно отбивая свои новыя подошвы, марширующiе въ походномъ снаряженiи солдаты, неистово ржали лошади, спѣшно отводимыя на призывные участки, громыхали сѣрыя автомобильныя платформы, нагруженныя чѣмъ-то до верху и тщательно укрытыя брезентами...

Вечеромъ мы не стали переодѣваться и не пошли внизъ въ столовую обѣдать. Намъ подали на верхъ. Среди надвигающейся ночи въ открытыя окна то и дѣло доносились изъ курзала звуки оркестра. Безпрерывно перемежающееся исполненiе гимновъ, германскаго и австрiйскаго, сопровождалось оглушительными взрывами аплодисментовъ и неистовыми криками толпы.

Послѣ одиннадцати часовъ, когда музыка въ курзалѣ стихла, по улицѣ, взадъ и впередъ, гулко шлепая подошвами, стали расхаживать группы молодежи, женщинъ и дѣтей. Нескладно пѣли «фатерландъ», и «Deutschland über Alles, über Alles in der Welt!» съ шипящимъ визгомъ врѣзывалось въ уши.

Въ коридорахъ царила необычайная, жуткая тишина. Отель опустѣлъ. Вся прислуга высыпала на улицы... Мы наполовину погасили огни и, точно чѣмъ-то ушибленные, оставаясь всѣ вмѣстѣ, молча прислушивались. Вдругъ раздался стукъ въ дверь. «Войдите!»... Вошелъ графъ Т., съ которымъ въ послѣднiе дни, какъ съ Русскимъ, мы сошлись, почти сдружились. Онъ пришелъ проститься.

Оказалось, что на другой день, рано утромъ (воскресенье, 20 iюля), онъ вмѣстѣ съ семействомъ сенатора

Н., жившимъ въ другомъ отелѣ, рѣшилъ ѣхать. Куда? Въ Россію... черезъ Берлинъ.

Графъ сталъ совѣтовать и намъ послѣдовать его примѣру. Съ какой радостью мы бы на это откликнулись! Но мы стояли передъ физической невозможностью Расплатившись въ отелѣ, мы бы остались съ нѣсколькими марками въ карманѣ, а насъ было шестеро. Ни у графа Т., ни у кого изъ Русскихъ знакомыхъ не было лишнихъ денегъ. Мелькнула было мысль обратиться за одолженіемъ къ висбаденскому милліонеру, наполовину разбитому параличемъ, русскому по подданству, графу С., проживавшему въ томъ же отелѣ. Но эта мысль была тотчасъ же оставлена. Самъ онъ былъ наполовину онѣмеченъ, не желалъ вообще знаться съ Русскими, а свита его была чисто нѣмецкая.

Оставалось покориться велѣніямъ судьбы — ждать денежнаго подкрѣпленія отъ С. изъ Берлина, и тогда уже пускаться въ путь.

Грустно простились съ графомъ Т. Еще грустнѣе стало послѣ его ухода. Корили себя за непредусмотрительность. Ну что стоило хотя бы дня за три забрать въ банкѣ всѣ деньги по акредитивамъ, или размѣнять русскую наличность? Съ этимъ, ужъ если нельзя почему-либо вернуться въ Россію, можно было бы отлично прожить гдѣ угодно: въ Швейцаріи, или Голландіи, лишь бы только не оставаться въ Германіи! Раньше мы собирались въ Италію, и комнаты были уже заказаны на Лидо, но объ Италіи сейчасъ нечего было мечтать, вѣдь она принадлежитъ къ тройственному союзу...

Въ эту ночь долго мы не могли заснуть, долго не засыпалъ и Гомбургъ. Нѣтъ, нѣтъ и вновь слышались нескладные голоса, и опять «фатерландъ» и опять «Deutschland über Allés!»

Въ темнотѣ отъ всѣхъ этихъ впечатлѣній надвигался

кошмаръ: тягучею, сѣрою лентой, насъ, точно египетскую мумію, обмотали съ ногъ до головы.

На утро узнали, что графъ Т., забравъ весь свой багажъ, благополучно отбылъ на вокзалъ.

Предстояло неотложно выяснить: возможно ли наше дальнѣйшее пребываніе въ отелѣ? Жена захватила съ собой банковскій акредитивъ, а я свою русскую наличность. Спустились въ контору отеля. Всѣ нужныя намъ лица оказались, къ счастью, въ сборѣ: старый и молодой Риттеры и директоръ отеля.

Мы выяснили имъ наше грустное положеніе и спросили: можемъ ли мы разсчитывать при этихъ условіяхъ на кредитъ? Первымъ, и очень горячо, откликнулся старый Риттеръ. Какое же можетъ быть сомнѣніе! Всеобщее бѣдствіе надвинулось такъ неожиданно! Въ такія минуты каждый обязанъ помогать другъ другу чѣмъ можетъ! Чѣмъ же мы виноваты и т. д.

Молодой Риттеръ и директоръ отеля не говорили «нѣтъ», но, пока убѣжденно говорилъ съ нами старый Риттеръ, они успѣли внимательно просмотрѣть акредитивъ, который жена положила подлѣ себя на столѣ. Послѣ этого они оба оживились и стали поддакивать старику: «Конечно, самый широкій кредитъ будетъ оказанъ... вѣдь вотъ и многіе Американцы очутились въ такомъ же положеніи... ихъ чеки, пока-что, также не оплачиваются банками!»

Я обмолвился, что у меня имѣется и нѣкоторая наличность русскими сотенными. Тогда молодой Риттеръ еще болѣе оживился: «Ну вотъ и отлично, отлично... сдайте, что находите возможнымъ, въ депо нашему директору, когда можно будетъ, вы ихъ размѣняете!» Я выложилъ тысячу рублей и получилъ отъ директора соотвѣтствующую расписку.

Попутно мы возбудили вопросъ о томъ, какъ намъ

быть съ завтраками и обѣдами. Мы хотѣли бы оставаться у себя наверху, намъ тяжелы и переодѣванія, и вѣчная музыка во время обѣдовъ, и по вечерамъ въ „холлѣ".

Опять первый откликнулся старый Риттеръ: „Боже мой, да зачѣмъ же стѣсняться, вѣдь мы же не съ вами воюемъ, вы наши мирные гости, покой вашъ долженъ быть нами свято охраняемъ!" Онъ помнитъ еще франко-прусскую войну 70-хъ годовъ. Да у него здѣсь же въ отелѣ было нѣсколько французскихъ семей, случайно застигнутыхъ войной. Онѣ преблагополучно прожили всю кампанію. Сами не хотѣли выѣзжать, и уѣхали только, когда кончилась война. Мы совершенно свободны располагать собой. Конечно, если это намъ удобнѣе, завтраки и обѣды намъ будутъ подавать у насъ наверху... Но онъ не понимаетъ, не видитъ причинъ...

Мы были разстроены, и жена не могла долѣе скрыть этого. Милый старикъ поспѣшно кинулся къ ней и съ отеческой нѣжностью, со слезами на глазахъ, сталъ успокаивать ее: „Боже мой, все пройдетъ, все на свѣтѣ проходитъ... вотъ и та война, сколько было ужасовъ... Я хорошо ее помню, а все, все прошло, вы вернетесь домой!".

Въ эту минуту Риттеръ-сынъ не выдержалъ и вдругъ бѣлугой заревѣлъ на всю контору. Въ какомъ-то изступленіи онъ вопилъ не своимъ голосомъ: „Мы разорены, мы разорены!.. въ самомъ разгарѣ сезона... ужасъ, ужасъ!!! Вѣдь для насъ августъ мѣсяцъ только и даетъ доходъ, теперь мы только покрываемъ затраты... Какой ужасъ, какой ужасъ!"

Молодой директоръ отеля, работавшій зимній сезонъ обычно въ Монте-Карло, стоялъ блѣдный, точно приговоренный къ смерти. Очнувшись, онъ принесъ стаканъ воды и сталъ отпаивать молодого Риттера.

У всѣхъ глаза были еще полны слезъ, когда раздался звонокъ, призывающій къ завтраку...

БИБЛИОТЕКА
309
имени К. Либкнехта.

Нарядныя американки стали собираться въ «холлѣ», за ними слѣдовали и ихъ кавалеры...

Мы рѣшили, что отнынѣ будемъ завтракать и обѣдать у себя наверху. Когда наша десятилѣтняя дочь спросила насъ: «Почему?», я отвѣтилъ, что въ столовой, выходящей на открытую террасу, холодно. Такъ какъ стояла чудная лѣтняя погода, она сдѣлала большіе глаза, но, поглядѣвъ на насъ внимателнно, не спросила: зачѣмъ я солгалъ?

VII.

„A la guèrre, comme à la guèrre."

Весь день мы просидѣли у себя въ третьемъ этажѣ, откуда и балконъ и окна выходили на улицу, непосредственно примыкающую къ парку. Улица эта, довольно тихая въ обычные дни, на этотъ разъ запружалась довольно внушительными группами. На другихъ улицахъ было еще люднѣе. Съ разныхъ сторонъ доносились до насъ выкрики толпы и пѣнье «фатерланда». Въ теченіе дня и вечера изъ курзала неустанно неслись звуки двухъ вражескихъ гимновъ. Гомбургъ по воскресеньямъ обычно оживляется наѣзжающими изъ Франкфурта; но на этотъ разъ это уже было цѣлое нашествіе.

Въ предобѣденный часъ насъ навѣстили супруги М., обезпокоенные тѣмъ, что не встрѣтили насъ ни въ столовой, ни въ „холлѣ". Оба они имѣли видъ растерянный, не зная, какъ имъ и быть, особенно въ виду ихъ дружбы съ молодыми Риттерами. Г-жа Риттеръ отличалась всегда экспансивностью, а теперь просто закусила удила, безпощадно понося и ругая все русское, хотя и продолжала съ ними быть любезной.

Г-жа М., сильно разстроенная и до очевидности переоцѣнивая мою юридическую проницательность, все

обращалась ко мнѣ съ вопросомъ: „Но что же они съ нами будутъ дѣлать?“ Впослѣдствіе, когда „они“ дѣйствительно кое-что уже съ нами сдѣлали, она, окончательно растерянная, только нѣсколько измѣнивъ редакцію своихъ обычныхъ вопросовъ, неуступно вопрошала: «А что они съ нами еще будутъ дѣлать?»

На первыхъ порахъ я давалъ авторитетно-успокоительные отвѣты, согласуя ихъ съ началами этики и международнаго права, но скоро убѣдился, что я просто шарлатанилъ. Коренныя основы германской „культуры“, разъ обнаженныя, не поддаются ни этическому, ни правовому учету. И въ будущемъ на всѣ тревожные вопросы Русскихъ, полагавшихъ, что на то вѣдь и адвокатъ, чтобы безошибочно оріентироваться въ насущныхъ правовыхъ вопросахъ, я могъ отвѣчать лишь конфузомъ да пожатіемъ плечъ. Оказалось, что злорадными Нѣмцами былъ во мнѣ поруганъ не только человѣкъ, но и дискредитированъ юристъ.

Относительно наличныхъ средствъ супружество М. оказалось въ столь же плачевномъ положеніи, какъ и мы. Они также не успѣли использовать своего акредитива. Безъ расплаты по счетамъ отеля у нихъ, пожалуй, и хватило бы на дорогу, но имъ мало улыбалось остаться въ долгу у Риттеровъ.

Горюя вмѣстѣ, мы искренно завидовали исключительной удачѣ графа Т. Катитъ себѣ по желѣзной дорогѣ, сейчасъ уже подъѣзжаетъ къ Берлину, завтра, чего добраго, будетъ уже въ Стокгольмѣ или Копенгагенѣ. Вотъ счастливецъ! А мы то, невольные плѣнники, когда освободимся!...

Не исчерпали мы еще до дна захватившей насъ темы, какъ у дверей раздался стукъ.

— Herein! Войдите!

Боже, своимъ глазамъ не вѣримъ! Передъ нами графъ,

тотъ самый графъ Т., которому мы сейчасъ завидовали. Блѣдный, измученный, едва держащійся на ногахъ. Усадили въ кресло, дали эфирныхъ капель, воды... Руки трясутся, едва можетъ говорить. Немного успокоившись, началъ свой разсказъ. Цѣлый мартирологъ.

Какъ они и собирались, графъ Т. и сенаторъ Н., съ больной женой, недавно овдовѣвшей дочерью и двумя малолѣтними дѣтьми выѣхали въ Берлинъ. Ни въ Гомбургѣ, ни въ Франкфуртѣ не встрѣтили никакихъ препятствій къ отъѣзду. Выданы были билеты перваго класса, и багажъ зарегистрованъ до Берлина. Поѣздъ былъ „скорый", и къ восьми часамъ вечера разсчитывали быть уже на мѣстѣ.

Проѣхали часа три благополучно вплоть до станціи Гиссенъ. Тутъ и начались ихъ злоключенія. Во время остановки поѣзда раздалась съ платформы неожиданно грозная команда: „Всѣ, кто есть здѣсь Русскіе, выходите вонъ! Heraus! Забирайте всѣ вещи живѣй, никто вамъ не поможетъ"... Входятъ въ вагонъ солдаты, выталкиваютъ безъ малѣйшихъ церемоній женщинъ и дѣтей... Поѣздъ отправляется дальше.

Растерянные Русскіе, забывая въ вагонахъ половину своихъ ручныхъ вещей, выброшенные на платформу, стоятъ всѣ въ кучкѣ. Ихъ пересчитываетъ офицеръ, окруживъ предварительно нарядомъ солдатъ. За рѣшетчатой оградой станціи стоитъ цѣлая толпа празднично возбужденныхъ Нѣмцевъ. Она гогочетъ, изрыгаетъ ругательства, уснащая свою грязную ругань соотвѣтствующими жестами.

Строятъ арестованныхъ въ шеренги, окружаютъ ихъ карауломъ подъ предводительствомъ офицера и приказываютъ маршировать.

Какъ только вывели ихъ со станціи, насталъ истинный праздникъ улицы. Все ринулось во слѣдъ «прокля-

тыхъ Русскихъ» (Verfluchter Russen). Ихъ проводятъ сначала черезъ весь городъ, а затѣмъ уже гонятъ далѣе въ какія-то казармы, отстоящія версты за три. День невыносимо жаркій, а идти пришлось по отчаянному припеку въ самый полдень. Старики, женщины и дѣти, обезсиленные волненіемъ и страхомъ, буквально изнемогаютъ. Кто отстаетъ, того грубо подгоняютъ руганью, кулаками и ружейными прикладами. Когда графъ попробовалъ запротестовать, его грубо толкнулъ въ спину солдатъ и пригрозилъ расправой. Одинъ старикъ Еврей, съ бѣлой, какъ лунь, бородой не выдержалъ, упалъ, лишившись чувствъ. Мигомъ его подхватила, слѣдовавшая за арестованными, толпа и съ гикомъ и побѣдными кликами стала подбрасывать вверхъ, перебрасывать съ рукъ на руки. Что осталось съ этимъ живымъ трофеемъ обезумѣвшей толпы, графъ не могъ объяснить, такъ какъ конвойные не давали оборачиваться. Онъ помнилъ только, что когда несчастнаго подбрасывали, голова его отвисла, какъ у мертвеца, а бѣлая борода колыхалась въ воздухѣ.

Загнали всѣхъ въ какой-то сарай, откуда только что вывели такую же партію арестованныхъ Русскихъ, проведшую тамъ ночь на подстилкѣ изъ соломы. Впослѣдствіи отъ одного екатеринославскаго адвоката, бывшаго въ этой партіи, я узналъ, что ихъ тоже высадили изъ поѣзда и, такъ какъ это было же подъ вечеръ, то оставили тамъ ночевать. Солому имъ дали за особую плату. Въ числѣ другихъ, въ этой разношерстной компаніи очутился сенаторъ И. съ съ своей семьей, возвращавшійся съ какого-то курорта.

Всю эту процедуру продѣлали только затѣмъ, чтобы осмотрѣть паспорта и вещи и выдать каждому въ отдѣльности карандашную записку за подписью коменданта, гласящую что предъявитель таковой можетъ слѣ-

довать дальше. Но куда именно «дальше»? Это и былъ вопросъ.

Изъ двухъ компаній «досмотрѣнныхъ» въ Гиссенѣ никто тогда въ Берлинъ не попалъ. Графъ Т. и сенаторъ Н. съ семействомъ, имѣя билеты до Берлина, сѣли было въ общепассажирскій поѣздъ (Bummel-Zug), направлявшійся въ Берлинъ, но ихъ моментально оттуда высадили, причемъ завѣрили, что черезъ часъ будетъ скорый поѣздъ, съ которымъ они могутъ уѣхать. Когда, дождавшись этого поѣзда, они усталые и измученные, съ жалкими остатками своего ручного багажа, полѣзли въ вагонъ перваго класса, имъ объявили, что въ поѣздѣ мѣстъ нѣтъ. Между тѣмъ именно вагонъ перваго класса былъ на половину пустъ.

Въ видѣ особой милости, послѣ новаго полуторачасового ожиданія, имъ позволили, наконецъ, вернуться «туда, откуда пріѣхали», т. е. обратно въ Гомбургъ.

Искренно соболѣзнуя злоключеніямъ въ конецъ измученнаго графа, котораго съ гомбургскаго вокзала обратно въ гостинницу доставили съ вооруженнымъ стражникомъ, мы втайнѣ порадовались, что недостатокъ въ деньгахъ, не давшій намъ возможности послѣдовать его примѣру, избавилъ насъ хотя на этотъ разъ отъ весьма тяжелаго испытанія.

На утро, едва мы проснулись, постучался къ намъ почтальонъ. Отъ С. изъ Берлина телеграфный переводъ на тысячу марокъ! Нашему благополучію видимо радуется и бравый почтальонъ. Онъ такъ явно предвкушаетъ хорошій „Trinkgeld". Жаль его разочаровать. Во вражескомъ станѣ такъ пріятно имѣть друзей. Такими же „друзьями" остается до конца вся наша гостиничная прислуга, значительно, впрочемъ порѣдѣвшая въ мужскомъ своемъ составѣ, благодаря мобилизаціи. Мобилизуются не только войска, но призывается и весь ландверъ.

Полученныя деньги мы порѣшили ни подъ какимъ видомъ не тратить, сохраняя ихъ цѣликомъ на путевые расходы. Всѣ карманные расходы рѣшено было сократить до минимума.

Такъ какъ былъ понедѣльникъ и народу въ паркѣ было совсѣмъ мало, рѣшили спуститься внизъ, чтобы немного подышать воздухомъ. Проходя отелемъ, повстрѣчали неизмѣнно-привѣтливаго Хассана. Послѣ многихъ привѣтствій на вопросъ: „Что новаго?" онъ, сдѣлавъ выразительную гримасу, отрапортовалъ по-французски: Très mal, tout très mal mounsieur (именно mounsieur, а не monsieur!) pour la Russie... Finlande n'est plus! (онъ выговаривалъ какъ по-русски „плю", Caucase n'est plus! Odessa est en flammes! Très mauvais *).

Все это было дѣйствительно напечатано въ „Frankfurter Zeitung" и смущало и раздражало своимъ неправдоподобіемъ. Степень лживости германской печати, однако, въ то время не была нами еще вполнѣ постигнута.

Отвратительно стало на душѣ.

Въ пустынномъ паркѣ едва двигались ноги, словно налитыя свинцомъ. Не радовали прекрасный лѣтній день и золотистый отблескъ яркаго солнца на сочной зелени листвы. Какое-то безмѣрное и, казалось бы, безпричинное утомленіе проникало все существо. Хотѣлось бы распластаться и лежать неподвижно, долго, можетъ быть всегда...

Побрели обратно въ отель. Гулянье не клеилось.

*) Очень плохо, господинъ, для Россіи, все очень плохо... Финляндіи больше нѣтъ. Кавказа нѣтъ... Одесса въ огнѣ. Очень плохо.

VIII.

Тревоги и мытарства.

Въ прихожей отеля мы наткнулись на сцену. Какіе-то господинъ и дама съ вещами хотѣли проникнуть въ отель, требуя, чтобы имъ дали комнату, а молодой Риттеръ, взъерошенный и весь красный, разставивъ руки, не пускалъ ихъ и при этомъ кричалъ: „Нѣтъ, нѣтъ, Русскихъ не принимаю, не принимаю! Прошу оставить нашъ отель!“.

Дама, бывшая съ господиномъ, увидѣвъ насъ, назвала меня по имени. Оказалось, что это Х., мужъ и жена, выселенные откуда-то и искавшіе пріюта. Они впослѣдствіи еще потерпѣли не мало злоключеній, вплоть до осужденія его въ шпіонажѣ.

Риттеръ-сынъ былъ неумолимъ. Тутъ же попутно, смягчивъ, впрочемъ, нѣсколько тонъ, онъ обратился и къ намъ, безнадежно при этомъ разводя руками: „Я долженъ и вамъ объявить... я понимаю, что это ужасно, ужасно, но вы должны оставить нашъ отель. Въ Франкфуртѣ,—мнѣ сейчасъ телеграфировала сестра,—избиваютъ Русскихъ, разнесли отель „Russischer Hof“. Одну русскую даму изъ Гомбурга привезли почти замертво изъ Франкфурта... Толпа можетъ нагрянуть и сюда. Я дорожу спокойствіемъ... разнесутъ отель... У меня много Американцевъ. Вы должны понять...“

Онъ былъ сильно взволнованъ, и не зналъ, что бы еще сказать. Я молчалъ. Мнѣ хотѣлось, прежде всего, удалить куда-нибудь переволнованныхъ дочерей и неотлучную при нихъ, выростившую ихъ бонну, которая недавно оправилась отъ тяжелой операціи и была еще очень слаба.

Въ ту же минуту супруги Х. куда-то безслѣдно

исчезли. Жена моя первая нашлась и вступила въ объясненіе съ Риттеромъ.

— Куда же вы хотите, чтобы мы переѣхали?!

— А я не знаю... я ничего не знаю! Въ Франкфуртъ... Можетъ быть въ Франкфуртъ, въ какой-нибуь отель...

— Да развѣ насъ примутъ? Тамъ насъ никто не знаетъ... Вы сами говорите, что въ Франкфуртѣ громятъ Русскихъ, а вы посылаете насъ съ дѣтьми туда... Опомнитесь!

Риттеръ схватился за голову.

— Боже мой, Боже мой! Я самъ не знаю, что мнѣ дѣлать...

Послѣ секунды раздумья, увидѣвъ передъ собою приближавшагося директора отеля, который выжидательно глядѣлъ на него, онъ скороговоркой, почти шопотомъ, снова заговорилъ:

— Пока останьтесь, останьтесь... потомъ увидимъ!

...Но прошу, не выходите вовсе изъ своего помѣщенія, оставайтесь все время у себя наверху... А тамъ увидимъ, увидимъ..,

Въ это время съ газетой въ рукахъ вбѣжала въ отель его жена и стала сообщать ему какія-то свѣжія новости, увлекая его за собой.

Мы двинулись печальной процессіей къ себѣ наверхъ.

Супруги М., несмотря на свою дружбу съ г-жою Риттеръ, очутились въ томъ же положеніи, какъ и мы. Графъ Т. не находилъ достаточно крѣпкихъ словъ, чтобы характеризовать поведеніе молодого Риттера. Стараго Риттера всѣ эти дни никто изъ насъ нигдѣ не встрѣчалъ.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ нашего объясненія съ молодымъ Риттеромъ, вдругъ неожиданно появился букетъ цвѣтовъ.

— Отъ кого?

— Его прислалъ для „madame“ г. Конрадъ Риттеръ, т.-е. отецъ Риттеръ.

Вечеромъ, когда мы, пообѣдавъ, сидѣли у себя въ обществѣ супруговъ М. и графа Т., совсѣмъ неожиданно влетѣла г-жа Риттеръ. Раньше она никогда насъ интимно не посѣщала. Что еще? Оказалось, что она пришла насъ просто провѣдать, и принесла шоколаду для молодежи. Она осталась пить съ нами чай и наговорила много. Теперь она читаетъ всѣ газеты и все знаетъ. Если война, то въ этомъ виновато только русское правительство, и даже не оно цѣликомъ, а отдѣльная партія, желавшая войны. Кайзеръ войны вовсе не хотѣлъ. Его принудили защищаться. Но война скоро кончится. Какой-нибудь мѣсяцъ, и все будетъ готово... Парижъ будетъ взятъ, это главное. Тогда Россія захочетъ мира... Совершенно напрасно мы стремимся въ Россію... Вездѣ революція, все разорено, народъ не хочетъ войны. Надо переждать! Здѣсь чудесно и погода стоитъ великолѣпная...

Мы, словно опущенные въ воду, вынуждены были слушать всю эту болтовню. Дня четыре мы уже не видѣли иныхъ газетъ, кромѣ нѣмецкихъ. Никакія другія не доходили по назначенію.

На прощанье г-жа Риттеръ, какъ бы вскользь еще обронила:

«Я не знаю въ точности, какъ это будетъ... и будетъ ли... но можетъ быть ночью захотятъ придти съ обыскомъ, осмотрѣть вещи... Теперь всюду ищутъ шпіоновъ. Когда найдутъ, тогда остальныхъ оставятъ въ покоѣ. Но вѣдь вамъ нечего безпокоиться, у васъ конечно нѣтъ ничего подозрительнаго. A la guèrre comme à la guèrre!»

Ожиданіе ночного посѣщенія и обыска вещь не изъ

пріятныхъ. Каждый шорохъ въ коридорѣ и отдаленные шаги уже будятъ васъ. Невольно прислушиваешься. Сознаніе оскорбительности незаслуженнаго подозрѣнія возмущаетъ душу.

Ночь, однако, миновала благополучно: никто не приходилъ.

Одновременно съ высылкой намъ денегъ С. въ особой телеграммѣ настойчиво совѣтовалъ намъ ѣхать въ Берлинъ. Но какъ добраться до Берлина? Неудавшаяся попытка графа Т. угнетала насъ. Вещи на половину были уложены, оставалось на что-нибудь рѣшиться...

Мы сидѣли за завтракомъ, когда къ намъ вновь неожиданно, уже даже не постучавшись, влетѣла г-жа Риттеръ. Въ рукахъ у нея былъ какой-то печатный листъ.

— Читайте, читайте!

Оказалось, что это публичное объявленіе отъ мѣстнаго ландрата, только-что расклеенное по городу и разосланное полиціей по вилламъ и отелямъ. Оно гласило, что всѣ подданные воюющихъ съ Германіей державъ обязаны сегодня же, и непремѣнно до шести часовъ вечера переселиться въ гостиницу „Августа“, гдѣ и ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Кто не подчинится приказу до назначеннаго срока,—значилось въ объявленіи,—„wird als Spion behandelt“ [2]). Г-жа Риттеръ весьма заботливо настаивала, чтобы кто-нибудь изъ насъ тотчасъ же отправился въ „Августу“, чтобы занять необходимое помѣщеніе, такъ какъ комнаты уже съ утра берутся нарасхватъ, съ бою...

Въ то же время подошли къ намъ переволнованные супруги М. и графъ Т. Они тоже узнали о предстоящемъ переселеніи. Несчастная моя спеціальность консультанта-юриста и тутъ поставила меня въ глупѣйшее

[2]) Съ тѣмъ поступятъ, какъ съ шпіономъ.

положеніе. Что это за формула, — спрашивали меня, — „wird als Spion behandelt“? Допустимо ли вообще подобное предустановленное доказательство, и какъ его понимать?!..

Что я могъ отвѣчать на это? По-нѣмецки очевидно это что-то должно было обозначать и даже вѣроятно имѣло бы свои печальныя послѣдствія, по-русски это выходило только глупо и неимовѣрно нагло.

Графъ Т. рѣшилъ, что онъ непремѣнно пойдетъ объясниться съ ландратомъ раньше, чѣмъ переѣхать въ „Августу“, однако просилъ меня задержать и для него, на всякій случай, комнату въ отелѣ.

Супругамъ М. и моимъ домашнимъ предстояло еще много укладки, почему я единолично взялъ на себя отправиться въ „Августу“ и занять помѣщеніе для всей компаніи.

Г-жа Риттеръ, принесшая опять зачѣмъ-то шоколаду, была все время очень возбуждена, разсѣянна, но успѣла намъ все-таки сообщить животрепещущую новость: „Англія въ союзѣ съ Россіей и Франціей также объявила войну Германіи“!

При этомъ она не удержалась, прибавила: „кто бы могъ ожидать этого... Недаромъ я всегда ненавидѣла Англичанъ. Отвратительная нація! Жаль, что ни одного изъ этихъ негодяевъ нѣтъ сейчасъ у насъ въ отелѣ“!

Что именно продѣлала бы она съ Англичаниномъ, если бы таковой отыскался въ ея отелѣ, она благоразумно умолчала.

Оставивъ компанію въ полномъ разстройствѣ, а г-жу М. въ припадкѣ явно-истерическаго плача, я отправился выполнять свою миссію.

Въ швейцарской повстрѣчалъ Гассана. Онъ, какъ всегда, вѣжливый и вкрадчивый, подарилъ меня краткой бесѣдой:

— Tres mal, très mal!.. Les Zepelines partiront pour Angleterre... Londres ne sera plus!... [1]).

Я согласился съ нимъ, и пошелъ своей дорогой.

Гостиница „Августа“ всего въ двухъ шагахъ, отъ „Паркъ-Отеля“. Нужно только пересѣчь Kisilewstrasse и повернуть за уголъ. Тутъ на углу главной улицы „Luisenstrasse“, гдѣ магазины и гдѣ почти безпрерывно звякаютъ скрещивающіеся и ѣдущіе по разнымъ направленіямъ трамваи, расположенъ отель.

Въ обычное время „Августа“ считается хорошимъ, хотя и не первокласснымъ отелемъ. Въ сезонъ онъ привлекаетъ публику, главнымъ образомъ, умѣренными цѣнами.

То, что я сейчасъ увидѣлъ вблизи отеля, въ саду его, обнесенномъ ажурною рѣшеткою и во дворѣ его могло вселить убѣжденіе, что на свѣтѣ ничего заманчивѣе отеля „Августы“ не существуетъ.

Его буквально брали приступомъ. Откуда только взялось столько народа въ Гомбургѣ?.. И весь этотъ разношерстный „народъ“ почти исключительно состоялъ изъ Русскихъ, такъ недавно еще столь желанныхъ курортныхъ гостей Гомбурга. Теперь они всѣ скучились, какъ пугливое стадо, загоняемое въ тѣсныя стойла ударами щелкающаго бича.

Это было цѣлое зрѣлище, и почтенные обыватели Гомбурга не преминули имъ насладиться. Всѣ окна въ сосѣднихъ домахъ были открыты настежь, отовсюду торчали головы, вся улица и всѣ углы были запружены глазѣющими. Гулъ стоялъ вокругъ. Отдѣльныхъ криковъ и ругательствъ разобрать было нельзя. Но было ясно, что Нѣмцы самодовольно наслаждаются такой

1) Очень худо, очень худо... Цепелины полетятъ въ Англію и... отъ Лондона ничего не останется.

явной побѣдой надъ „Verfluchte Russen“—„проклятыми Русскими“!

Добраться до конторы отеля не было уже физической возможности. Только при помощи крупнаго „тринкгельда“, во время перешедшаго въ руку браваго нѣмецкаго „хаусдинера“, удалось сговориться относительно комнатъ и условиться о цѣнѣ пансіона. Цѣна эта теперь соотвѣтствовала цѣнамъ первоклассныхъ отелей. Торговаться уже не приходилось, хотя каждая марка у всей нашей компаніи была на счету, и на какомъ еще счету!

Со всей этой процедурой прошло не мало времени и, когда меня подняли на лифтѣ въ отведенное помѣщеніе, былъ уже пятый часъ. Незамѣтно во всей этой сутолкѣ я провозился болѣе трехъ часовъ.

Предстояло распредѣлить и приготовить четыре смежныя комнаты -все, что я могъ добыть на всю нашу компанію, несмотря на самоотверженныя старанія вѣрнаго своему долгу „хаусдинера“. Одну комнату пришлось уступить супругамъ М., другую графу Т. На нашу долю осталось только двѣ комнаты: угловой салонъ и рядомъ небольшая комната. Въ салонѣ пришлось соорудить четыре импровизированныя постели для двухъ дочерей, бонны и дѣвушки. Балконъ этого салона выходилъ на уголъ, а окна на самую людную, шумную улицу. Послѣ всей этой возни я чувствовалъ себя въ полномъ изнеможеніи...

IX.

Что-же дальше?

Ну, а что же дальше?...

Чтобы освѣжиться, я подошелъ къ окну, раскрылъ его и, желая удостовѣриться, въ которомъ мы этажѣ

слегка высунулся и поглядѣлъ внизъ. Тотчасъ раздался энергичный высвистъ, потомъ второй. Взглянувъ туда, откуда шелъ свистъ, я инстинктивно шарахнулся назадъ. Вокругъ гостиницы былъ уже разставленъ военный караулъ, и караульный солдатъ, стоявшій поближе къ моему окну, энергично поднявъ два пальца вверхъ, дѣлалъ ими весьма выразительный жестъ: убирайся, молъ, по-добру по-здорову отъ окна, пока цѣлъ! Въ другой рукѣ у него была винтовка, которой онъ выразительно потрясалъ.

Очевидно начиналось то „дальше", о которомъ до сихъ поръ не хотѣлось какъ-то думать...

Не успѣлъ я еще хорошенько придти въ себя, какъ вошелъ „хаусдинеръ" и поспѣшно объявилъ, что господинъ начальникъ караула — „Herr Leutenant", требуетъ всѣхъ внизъ въ коридоръ, что возлѣ читальни. Тамъ уже собрались.

Я послѣдовалъ за моимъ отнынѣ истиннымъ другомъ, ибо и впослѣдствіи онъ оказалъ намъ не мало услугъ.

На коридорной площадкѣ, заваленной нераспакованными еще корзинами, сундуками и чемоданами, толпилась самая разнородная публика. Преобладали еврейскія семейства. Былъ среди нихъ одинъ бухарскій Еврей въ расшитой ермолкѣ, и рядомъ съ нимъ молодая, красивая жена, съ большими черными, испуганными глазами. Было не мало и Русскихъ, которыхъ я не зналъ; всѣ они были изъ другихъ отелей.

Въ читальной и биліардной комнатахъ, выходившихъ на эту площадку, сновали военные, одѣтые по походному въ сѣромъ. Даже каски ихъ были покрыты сѣрыми чехлами. Среди нихъ большимъ ростомъ и величественной фигурой выдѣлялся бритый офицеръ. Повидимому это и былъ начальникъ караула, тотъ самый „Herr Leutenant", который потребовалъ насъ сюда.

Онъ нервно расхаживалъ по биліардной комнатѣ, заложивъ руки за спину и держа въ зубахъ огромную сигару. Другіе воины, непринужденно развалясь въ брюхатыхъ креслахъ читальной комнаты, или разглядывали журналы, или болтали между собою.

Меня тревожила мысль, что я не исполнилъ обѣщанія и не вернулся въ „Паркъ-Отель". Дѣло подвигалось къ шести часамъ, и моя семья, графъ Т. и супруги М. ранѣе, чѣмъ переѣхать, ждали отъ меня вѣсти. Я почему-то рѣшилъ, что мнѣ еще удастся пройти въ „Паркъ-Отель", чтобы съ ними вмѣстѣ прибыть до назначеннаго срока.

Но только-что я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ выходу изъ отеля, какъ одинъ изъ караульныхъ солдатъ тотчасъ же заступилъ мнѣ дорогу и ложей своего ружья оттолкнулъ назадъ. Оказалось, что всѣ мы арестованы, и выходить больше не полагается.

Оставалось занять свое прежнее мѣсто у дверей биліардной.

Еще съ четверть часа „господинъ лейтенантъ" дымилъ своей сигарой, расхаживая по комнатѣ. Неожиданно, сдѣлавъ оборотъ, онъ, наконецъ, остановился въ дверяхъ и величественно и грозно обвелъ насъ своимъ лейтенантскимъ взоромъ.

— Ruhig! [1])—и для чего-то стукнулъ еще саблею о каменный полъ, хотя и безъ того, при его появленіи, все замерло.

Тутъ мнѣ совершенно невозможно привести поистинѣ классическое для „культурной" Германіи вступленіе рѣчи господина лейтенанта. Онъ началъ съ площаднаго ругательства и по такому адресу, который разумѣется забронированъ отъ всякихъ оскорбленій, но мы невольно

[1]) Смирно!

ахнули, и гулъ негодованія зашелестѣлъ въ нашей толпѣ.

— Ruhig!—уже неистово завопилъ, вдругъ ставшій совершенно багровымъ, лейтенантъ, и сабля его, бряцая энергично, грозно заерзала по плитамъ каменнаго пола.

Нѣсколько болѣе сдержанно онъ сталъ пояснять далѣе свою мысль: „Бѣднаго кайзера вѣроломно обманули! Онъ—сама гуманность и миролюбіе. Но разъ дѣло приняло подобный оборотъ, онъ будетъ безпощаденъ! Да, онъ будетъ жестокъ, и жестокость его не должна знать предѣловъ и т. д. и т. д.".

Затѣмъ съ пріемомъ заправскаго оратора онъ помолчалъ, обвелъ насъ долгимъ испытующимъ взоромъ и, послѣ паузы, приступилъ къ второй половинѣ своей рѣчи.

Эта вторая часть относилась уже лично къ намъ „Civilgefangenen", среди которыхъ онъ, ни мало въ томъ не сомнѣваясь, провидѣлъ непочатый край зловреднѣйшихъ шпіоновъ. Все это, конечно, вскроется и обнаружится, и тогда горе имъ! А пока мы арестованы, вещи будутъ осмотрѣны. Мы не вправѣ выходить изъ предѣловъ отеля, не въ правѣ переписываться и сообщаться съ посторонними, не въ правѣ показываться ни на балконахъ, ни въ окнахъ. Всѣ должны сидѣть смирно, дѣти не должны ни плакать, ни смѣяться, ни болтать громко по-русски! Кто нарушитъ одно изъ велѣній, тотъ увидитъ „черную тюрьму"! (Das chwarze Gefanguis!).

Такъ какъ на большинствѣ лицъ онъ замѣчалъ выраженіе полнаго недоумѣнія, то закончилъ свою рѣчь словами: „Wer nicht verstanden hat, der soll fragen!" [1]).

[1]) Кто не понялъ, тотъ долженъ спросить.

Я лично ближе всего воспринялъ именно эту его послѣднюю фразу, такъ какъ сильно безпокоился: какъ дать знать въ „Паркъ-Отель“, чтобы, не ожидая меня, переѣзжали съ багажомъ въ „Августу“. Преодолѣвая острое отвращеніе, я попробовалъ обратиться съ вопросомъ къ „господину лейтенанту“.

— Herr Leutenant, bitte sagen Sie mir [1]),—началъ я тихо, чувствуя, какъ у меня „въ зобу дыханье сперло“,— Meine Familie ist noch im Park-Hotel, kann ich...

Не успѣлъ я докончить фразы, какъ грозный дотолѣ лейтенантъ неожиданно ласково и внимательно наклонился ко мнѣ, обдавъ меня, благодаря участливой близорукости, своимъ наспиртованнымъ дыханіемъ.

— Sie sind Amerikaner?.. [2]) весело заглянулъ онъ мнѣ прямо въ глаза. Я невольно тотчасъ же опустилъ свои.

— Nein, ich bin Russe [3]).

— Also ich habe kein Wort für Sie! [4])—неистово заоралъ онъ, энергично отмахнувъ свою голову и выпрямляясь во весь ростъ, какъ бы желая устраниться отъ возможной заразы. Затѣмъ онъ круто повернулся на каблукахъ, переступилъ порогъ биліардной и съ силою захлопнулъ за собою дверь. Присутствующіе обомлѣли, до того картина была величественна.

Если бы не явно симпатизировавшій мнѣ бравый „хаусдинеръ“, который, какъ-то невзначай, очутился близъ меня, я бы рѣшительно не зналъ, что предпринять. Онъ вызвался помочь мнѣ. Взялся лично отправиться въ „Паркъ-Отель“, извѣстить кого нужно, и обѣ-

[1]) Господинъ лейтенантъ, прошу васъ сказать мнѣ. Мое семейство еще въ „Паркъ-Отелѣ“, могу ли я...

[2]) Вы—Американецъ?

[3]) Нѣтъ, я Русскій.

[4]) Если такъ, у меня нѣтъ для васъ никакого слова.

щалъ помочь моей семьѣ добраться сюда съ багажомъ.

За четверть часа до роковыхъ шести часовъ всѣ остальные „Civilgefangene“ нашей компаніи вкушали уже, вмѣстѣ со мною, всю сладость пребыванія въ отелѣ „Августа“.

Когда я пересказалъ имъ отповѣдь „Herr Leutenant'a“, они мнѣ не хотѣли вѣрить. Рѣшили, что я преувеличиваю, благодаря плохому знанію нѣмецкаго языка. Но и всѣ остальные Русскіе, изъ которыхъ большинство владѣло прекрасно нѣмецкою рѣчью, подтвердили мои слова. Я былъ доволенъ: оказывалось, что не столько знаніе языка, сколько инстинктъ оратора помогъ мнѣ угадать въ чужой рѣчи истинное ея содержаніе.

Когда вечеромъ насъ позвали обѣдать въ общій быстро переполнившійся залъ, на всѣхъ лицахъ лежалъ уже отпечатокъ безнадежнаго унынія. Обѣдъ былъ плохой и скудный. Прислуги было мало, и набрана она была, очевидно, случайно. Въ коридорѣ, примыкавшемъ къ столовой, было нестерпимо накурено дешевыми сигарами. Тамъ былъ главный постой сторожевой команды. Смѣнившіеся караульные располагались здѣсь съ комфортомъ. Садовая плетеная мебель была тотчасъ же взята ими сполна, и ею заставленъ былъ коридоръ. Солдаты, въ большинствѣ очень юные, явно подчеркивая свою непринужденность, разваливались въ креслахъ и клали ноги на столы. Ихъ не стѣсняло, когда проходили дамы и дѣти...

Эти послѣднія были особенно жалки. Ихъ было много, были и совсѣмъ малыши. Съ испуганнымъ любопытствомъ озирались они на всѣ стороны. Совсѣмъ какъ пойманные звѣрьки!

X.

Миражъ свободы.

На другой день вечеромъ насъ «навѣстили» оба супруга Риттеръ. Это было имъ не легко, они должны были выхлопотать себѣ особое разрѣшеніе, такъ какъ теперь безъ письменнаго разрѣшеніи начальника гарнизона уже никто не могъ ни войти въ отель «Августу», ни выйти изъ него.

Они принесли новость: сейчасъ расклеивается объявленіе о томъ, что завтра всѣ Русскіе, Французы, Бельгійцы и Англичане должны непремѣнно покинуть Гомбургъ. Кто не выѣдетъ до 5 часовъ дня, «wird als Spion behandelt». Это оказалось неизбѣжнымъ припѣвомъ всѣхъ распоряженій относительно «Zivilgefangenen». Но куда предстояло намъ ѣхать, Риттеры въ точности не знали. Полагали однако, что это равносильно разрѣшенію покинуть Германію. Очевидно довезутъ до желаемой границы.

Если такъ,—какое счастье!

Весь отель, прослышавъ о новомъ распоряженіи, оживился. Закипѣла усиленная укладка. Какъ ни были всѣ измучены и утомлены, дружно принялись за работу...

Въ тотъ же вечеръ нас навѣстилъ докторъ Хобертъ Онъ принесъ намъ цѣлый флаконъ успокоительныхъ капель. Отъ платы за визитъ рѣшительно отказался.

Самый удобный поѣздъ на Берлинъ черезъ Франкфуртъ уходилъ рано утромъ, но неизмѣнный другъ мой «хаусдинеръ», бѣгавшій по моему порученію справляться, объяснилъ, что съ этимъ поѣздомъ насъ ни въ коемъ случаѣ «не пустятъ», а велѣно намъ всѣмъ собраться на вокзалѣ къ часу дня. Тамъ ужъ рѣшатъ—кто и куда

поѣдетъ: Англичане вѣроятно на Голландію, а Русскіе на Стокгольмъ или Копенгагенъ.

Чего же лучше?..

Отъ усталости и волненія, радостнаго, на этотъ разъ, долго не могли заснуть. Да и вокругъ отеля творилось что-то таинственное: кто-то маршировалъ, не то мимо проходило войско, не то смѣнялся караулъ. Пѣли гдѣ-то «Фатерландъ». Громыхали грузовые моторы. Не только смотрѣть въ окна, но и близко подходить къ нимъ было запрещено.

Нашъ видъ, «видъ Русскаго» не долженъ былъ отнынѣ оскорблять взора вѣрноподданнаго Нѣмца.

Среди ночи гдѣ-то раздался и выстрѣлъ... Можетъ быть случайный, какъ это повторилось и впослѣдствіи нѣсколько разъ. Въ намѣреніи освободить войско отъ гарнизонной службы сформировали милицію изъ добровольцевъ. Эти и палили иногда зря.

Только послѣ двухъ часовъ улица стихла, и можно было подумать о томъ, чтобы заснуть. Сонъ былъ однако недологъ, и потому слишкомъ тяжелымъ показалось пробужденіе. Уже въ пять часовъ утра раздался сперва осторожный стукъ въ нашу дверь, а затѣмъ, вызывавшій именно меня голосъ „хаусдинера“. Оказалось, что приказано разбудить всѣхъ мужчинъ (женщинъ и дѣтей не требовалось) и объявить имъ, чтобы они къ шести часамъ собрались на «перекличку». Зачѣмъ требовалась такая ранняя перекличка, объяснено не было. Поочередно бравый служака стучалъ во всѣ двери комнатъ, гдѣ предполагались мужчины, и этимъ, разумѣется, поднялъ на ноги весь отель.

Графъ Т. гремѣлъ и неистовствовалъ въ сосѣдней комнатѣ, ругая Нѣмцевъ на всѣ лады, а супруга М. переполошилась не на шутку, предчувствуя почему-то именно для себя что-то недоброе.

Къ шести часамъ выползли мы всѣ (мужчины) не-выспавшіеся, озлобленные, а многіе и встревоженные, сперва въ столовую, гдѣ утреннее кофе оказалось еще неприготовленнымъ, а затѣмъ и во внутренній садъ отеля, куда насъ послали, и гдѣ вооруженные люди тотчасъ окружили насъ.

Кто то пустилъ версію, что десятаго будутъ разстрѣливать.

Но эта версія паники не вызвала. Слишкомъ очевидно было, что мало похожіе на шпіоновъ, «гомбургскіе гости» просто отданы на потѣху и издѣвательство не въ мѣру расхрабрившимся Нѣмцамъ, а тѣ не сразу еще умѣютъ что-нибудь выдумать.

Во главѣ караула не было уже вчерашняго высокаго офицера, да и самъ караулъ состоялъ теперь уже не изъ солдатъ. Появились какіе-то субъекты въ штатскомъ съ бѣлыми повязками на рукахъ и съ винтовками за плечами. Оказалось, что мѣстныя войска въ эту ночь были отправлены въ дѣйствующую армію, и въ гарнизонную службу вступили добровольцы-милиціонеры.

Съ этими пробовали заговорить, спрашивали, для чего подняли насъ въ такую рань, но они, очевидно, желая оставаться на высотѣ ввѣренной имъ миссіи, не отвѣчали. Лишь часъ спустя появился полицейскій комисаръ.

Онъ потребовалъ наши паспорта и сталъ спрашивать, сколько кому лѣтъ. Всѣхъ, имѣвшихъ отъ 17 до 45 лѣтъ, онъ отдѣлилъ отъ остальныхъ, и окружилъ ихъ стражей. Въ числѣ отдѣленныхъ оказался и нашъ пріятель М. Мнѣ выпала на долю печальная миссія извѣстить объ этомъ его супругу, которая задержалась своимъ туалетомъ. Она съ истерическими воплями ринулась обнимать мужа. Прощаніе съ препровождаемыми въ тюрьму было тягостно. Жены разлучались съ мужьями,

сестры съ братьями, отцы и матери съ сыновьями. Тщетны были указанія на то, что въ Россіи по возрасту, или по состоянію своего здоровья нѣкоторые не подлежали бы вовсе призыву. Комиссаръ объявилъ, что онъ дѣйствуетъ не отъ себя, а согласно инструкціи военнаго начальства.

Здѣсь кстати будетъ отмѣтить, что полицейскіе чины Гомбурга все время отличались сравнительною корректностью и даже вѣжливостью. На вопросы они отвѣчали и давали нужныя справки. Вообще вели себя прилично.

Арестованныхъ къ большому удовольствію гомбургскихъ зѣвакъ повели пѣшкомъ по главной улицѣ въ тюрьму. Въ числѣ другихъ задержанныхъ были два бравыхъ, рослыхъ Англичанина. Они привлекали особо враждебное вниманіе толпы.

Остальнымъ обитателямъ «Августы» было объявлено, что имъ необходимо лично явить свои паспорта въ полицейское управленіе, а затѣмъ къ часу дня быть въ сборѣ на вокзалѣ.

Стража, охранявшая «Августу», была снята. Мы почувствовали себя школьниками, отпущенными на свободу.

Изъ всѣхъ оконъ и изъ дверей магазиновъ высовывались любопытствующіе Нѣмцы поглядѣть на то, какъ мы сперва, перегоняя другъ друга, устремлялись въ полицейское управленіе, а затѣмъ, спѣшно выбирались изъ «Августы» на вокзалъ.

Къ нашей большой радости г-жѣ М., благодаря содѣйствію Риттеровъ и какого-то военнаго врача, удалось вызволить изъ тюрьмы своего мужа, и онъ присоединился къ нашей компаніи. Онъ тоже предъявилъ свой паспортъ полицейскому управленію, и къ его отъѣзду повидимому не встрѣчалось препятствій.

Издерганные, нервные мы до того увѣровали, что ѣдемъ, наконецъ, ѣдемъ именно домой, что... по русскому обычаю ранѣе, чѣмъ двинуться на вокзалъ, торжественно присѣли, а ставъ, перекрестили лбы и послѣ того только отбыли на вокзалъ.

На вокзалѣ творилось нѣчто невообразимое. Вооруженные милиціонеры хозяйничали съ большимъ азартомъ. Перерывались сундуки и чемоданы, обшаривался весь ручной багажъ. Носильщики уклонялись отъ всякихъ услугъ. Кондуктора свирѣпо безмолвствовали, пропуская по одиночкѣ на платформу.

Здѣсь насъ оказалось вдвое больше, чѣмъ было въ «Августѣ»: очевидно, были задержанные и въ другихъ отеляхъ. Изъ какой-то санаторіи прибыла цѣлая партія семейныхъ Англичанъ съ женами и дѣтьми. Оттуда же была доставлена русская семья К., состоявшая исключительно изъ женщинъ. За нею вслѣдъ на носилкахъ принесли тяжко больную молодую дѣвушку, одну изъ дочерей г-жи К.

На платформѣ всѣ толпились и жались около своихъ вещей. Ихъ пришлось тащить сюда самимъ. Никто не хотѣлъ помочь и объяснить, когда и въ какой поѣздъ садиться. День былъ очень душный, и многимъ дѣлалось дурно. Всѣ были утомлены и обезсилены послѣдними безсонными ночами. Одна надежда на скорый отъѣздъ придавала еще силы. Надѣялись, что это послѣднее испытаніе...

Платформа вдругъ оживилась.

Откуда-то вынырнула подвижная, нервная фигура сухощаваго господина въ статскомъ платьѣ, съ орденомъ Желѣзнаго Креста въ петлицѣ. Съ его появленіемъ тотчасъ же понеслись командныя слова и распоряженія. Голосъ его былъ слышенъ издалека, и оттуда его можно было принять за молодого еще человѣка:

такъ онъ кричалъ и такъ быстро носился по платформѣ. Въ дѣйствительности это былъ сѣдоватый господинъ, лѣтъ шестидесяти, съ краснымъ испещреннымъ морщинками, лицомъ. Бодрый, энергичный, выправленный по военному, онъ сразу далъ о себѣ знать всѣмъ и вездѣ.

— Англичане направо, Русскіе налѣво, — скомандовалъ онъ такимъ рѣзкимъ повелительнымъ крикомъ, что можно было подумать, что ему предстоитъ вести войсковыя колонны на штурмъ.

Когда Англичане отдѣлились отъ Русскихъ, онъ скомандовалъ первымъ оставаться на мѣстѣ, а намъ, Русскимъ, съ тѣмъ же крикомъ отданъ былъ приказъ немедленно перекочевать черезъ рельсы на другую платформу. Это было легче приказать, нежели сдѣлать. Сходень или ступенекъ не имѣлось, и только съ величайшимъ трудомъ, почти съ опасностью для жизни, удалось продѣлать этотъ трудный маневръ. Слабыхъ и дѣтей пришлось переносить на рукахъ, не говоря уже о трудностяхъ перекочевки съ обременявшимъ насъ всѣхъ ручнымъ багажомъ [1]).

У большинства изъ насъ до Франкфорта были билеты перваго класса, но насъ посадили въ вагоны 3 класса, запихивая по десяти человѣкъ въ отдѣленіе, разсчитанное на 5 человѣкъ. При наличности къ тому же пассажирскихъ вещей, не было никакой возможности размѣститься сколько-нибудь по-человѣчески.

Но главный ужасъ этого путешествія состоялъ въ абсолютномъ запретѣ открывать окна. Насъ предупредили, что при малѣйшей подобной попыткѣ будутъ стрѣлять. Боялись, чтобы кто-нибудь изъ насъ не мет-

1) Большой багажъ по совѣту гг. Риттеровъ былъ оставленъ нами на храненіе въ ихъ отелѣ, такъ какъ по случаю мобилизаціи, завѣряли насъ, нельзя было разсчитывать на его доставку.

нулъ бомбы при проѣздѣ черезъ мосты. Очевидно, это былъ только измышленный предлогъ. Всѣ наши вещи были осмотрѣны, да притомъ же, кто замыслилъ бросить бомбу, едва ли постѣснялся бы не только открыть окно, но и выбить стекло, не взирая ни на какіе запреты.

Такимъ порядкомъ ѣхали мы до Франкфурта два долгихъ часа, буквально задыхаясь и изнывая отъ жары. Казалось, еще минута, и потеряешь сознаніе. Стоило не мало усилій выдержать эту пытку. Тянуло ударить кулакомъ въ стекло и разбить его вдребезги, не взирая ни на что.

XI.

Танталовы муки.

На Франкфуртскомъ вокзалѣ насъ еще помучили. Продержали въ запертыхъ наглухо вагонахъ минутъ десять, пока не налюбовалась нами вдоволь франкфуртская перонная публика.

Но вотъ опять появился нашъ юркій распорядитель, тотъ самый, который отправлялъ насъ изъ Гомбурга. За нимъ важно шествовало нѣсколько вооруженныхъ статскихъ съ бѣлыми поручнями. Насъ стали выпускать по одиночкѣ изъ вагоновъ.

Выбравшись, мы хотѣли было двинуться на вокзалъ. Многіе мечтали о буфетѣ. Томила жажда. Но намъ строго праказали быть каждому у своихъ вещей и не трогаться съ мѣста. Приказъ былъ выраженъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— «Wenn Sie nur einen Schritt weiter machen werden Sie sofort verhaftet»! 1)

Дѣл атьнечего, пришлось повиноваться

1) Если вы сдѣлаете хоть одинъ шагъ дальше, вы будете тотчасъ же схвачены.

Франкфуртскіе носильщики оказались болѣе любезными или менѣе патріотичными, чѣмъ гомбургскіе. Они приняли весь нашъ ручной багажъ на свои телѣжки и и повезли его куда-то. Насъ построили по четыре человѣка въ рядъ и длинной шеренгой повели къ вокзалу. Впереди шелъ все тотъ же распоряжавшійся нами крикливый господинъ въ котелкѣ съ орденомъ Желѣзнаго Креста въ петлицѣ сюртука и съ толстой палкой въ нервной, сухощавой рукѣ. Когда надо было пропустить Нѣмцевъ пассажировъ, онъ поднималъ палку вверхъ и кричалъ намъ «halt» «стой!» И мы замирали, какъ замираетъ хорошо дисциплированная рота солдатъ по командѣ своего ротнаго. Когда хотѣлъ, чтобы мы двигались впередъ, онъ издавалъ только пронзительный свистъ и движеніемъ поднятой палки указывалъ, куда намъ направляться.

Вся эта комедія продѣлывалась съ торжественной серьезностью, свойственной лишь Нѣмцу. Кажется, вся задача нашего вожатаго собственно въ томъ и заключалась, чтобы на глазахъ таившей довольно зловѣщее настроеніе франкфуртской публики показать себя «добрымъ Нѣмцемъ».

Мимо буфетной стойки, дразнившей всевозможными прохладительными напитками, насъ только провели, и тотчасъ же загнали въ отдѣльную комнату, едва насъ всѣхъ вмѣстившую. По стѣнамъ стояло 2—3 скамьи и четыре жесткихъ стула вокругъ небольшого круглаго стола. Сидѣнья уступили дѣтямъ и дамамъ, которыя чередовались между собою. Остальные, почти вплотную прижатые другъ къ другу, вынуждены были все время оставаться на ногахъ. Къ довершенію бѣды стражники, приставленные къ намъ, затѣяли закрыть плотно двери, и духота скоро стала невыносимой. Мы запротестовали, и это помогло. Двери открыли настежь,

и кое-какая прохлада стала достигать до насъ изъ широкаго, совершенно безлюднаго и прохладнаго коридора. По очереди мы стали подходить къ дверямъ, подышать свѣжимъ воздухомъ.

Почти два часа оставались мы въ такомъ положенiи, безъ какихъ-либо вѣстей относительно дальнѣйшаго.

Наконецъ, по коридору гулко раздались чьи-то быстрые шаги, и къ намъ, со всей энергiей, очевидно, натурѣ его прирожденной, влетѣлъ нашъ прежнiй распорядитель-колоновожатый.

Онъ протискался среди насъ на самую середину комнаты и громко закричалъ: «ruhig!». Мы притихли.

Обладатель Желѣзнаго Креста, зычно-крикливаго голоса и толстой, не покидавшей его, палки пожелалъ узнать, кто изъ насъ желаетъ ѣхать въ Голландiю и кто на Копенгагенъ черезъ Гамбургъ. На Швейцарiю и Италiю онъ объявилъ границы закрытыми.

Большинство высказалось за Копенгагенъ, были пассажиры и на Голландiю. Онъ сталъ считать и тѣхъ, и другихъ. Однихъ ставилъ направо, другихъ налѣво, потомъ опять пересчитывалъ. При этомъ такъ увлекался, что и дамъ и дѣтей безъ церемонiи толкалъ въ спину, сбивался, снова начиналъ считать, пока, наконецъ, при помощи нѣкоторыхъ изъ насъ, не составилъ списка.

Всего, жаждующихъ какъ можно поскорѣе покинуть гостепрiимную германскую територiю, на сей разъ оказалось до двухсотъ человѣкъ.

Отчего такъ много? Онъ началъ сомнѣваться: удастся ли всѣхъ отправить? Съ этимъ онъ и устремился куда-то.

Еще черезъ полчаса какой-то субъектъ съ бѣлой повязкой на рукавѣ объявилъ, что поѣдутъ всѣ, и по-

совѣтовалъ запасаться билетами, причемъ привелъ съ собою и кондуктора, которому мы могли поручить всю эту операцію, такъ какъ идти самимъ къ кассѣ намъ не дозволялось.

Наступило общее оживленіе, а для нѣкоторыхъ и замѣшательство. Какой-то немолодой мужчина вдругъ зарыдалъ. Онъ былъ съ дѣвочкой, дочерью, и на два билета у него не хватало денегъ. Его успокоили, сдѣлавъ тутъ же складчину.

Кто-то взялся быть кассиромъ-распорядителемъ. Ему вручали деньги и записки относительно количества билетовъ и направленія. На него возложили вѣдаться съ кондукторомъ, который пока ушелъ, но обѣщалъ явиться во время для исполненія порученія. Были щедро собраны деньги и для поощренія франкфуртскихъ носильщиковъ, которые не побрезгали нашими «Gaepek'ами», оставшимися на ихъ попеченіи.

Настроеніе мигомъ поднялось.

Изъ сосѣдняго буфета третьяго класса замелькали въ коридорахъ любопытствующіе малолѣтніе кельнера. Ихъ стали молить добыть воды, пива и всякаго питья. Молодые люди услышали нашу мольбы, и буфетъ неожиданно бойко заторговалъ. Появились бутерброды, булки, даже горячія сосиски. Кое у кого была и своя провизія. Апетитъ, оказалось, въ насъ лишь на время замеръ, но не умеръ совсѣмъ. Дѣти особенно проголодались.

Во имя правды отмѣчаю подробность, тронувшую насъ до слезъ. Какой-то старый Нѣмецъ, проходя мимо нашихъ дверей, остановился, постоялъ, посмотрѣлъ, посмотрѣлъ, и потомъ, робко сунувъ руку въ карманъ, обратился къ одному изъ насъ: «не обидьте меня, возьмите, прошу васъ, эти деньги на лакомства дѣтямъ... Бѣдныя, бѣдныя дѣти!» и поспѣшно удалился.

Онъ выбралъ, очевидно, изъ кармана все, что у него было: одну марку и девяносто пфениговъ. На эти деньги дѣтямъ купили леденцовъ.

За то Нѣмцы позднѣйшей формаціи, напримѣръ, молодцы съ бѣлыми повязками, которые караулили насъ, ударялись въ совершенно другую крайность. Они не позволяли даже дѣтямъ, просившимся въ уборную комнату, не иначе отправляться, какъ подъ карауломъ, причемъ не допускали, чтобы ихъ сопровождали взрослые. Дѣти ревѣли и упрямились, а нѣмецкіе добровольцы потѣшались: имъ-де приказано водить только по одиночкѣ, и никого съ глазъ не спускать!

Гнетущее впечатлѣніе отъ всего, что мы до сихъ поръ испытали, показалось намъ совершенно ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, съ чѣмъ предстояло еще столкнуться.

Въ комнату, гдѣ насъ держали уже добрыхъ четыре часа, втолкнули неожиданно еще двухъ Русскихъ, мужчину и даму. Онъ высокій, рыжеватый блондинъ, лѣтъ сорока, показался намъ очень страннымъ, едва ли нормальнымъ. Стремительно войдя въ комнату, онъ, ни на кого не глядя, тотчасъ же забился въ дальній уголъ и упорно молчалъ. Почти во всю щеку у него виднѣлся свѣжій кровоподтекъ подъ глазомъ, а на шеѣ, сзади, надъ воротникомъ сорочки, были слѣды запекшейся крови.

Слѣдовавшая за нимъ дама оказалась его женой. Вся переволнованная и еще трепещущая отъ негодованія, она разсказала намъ слѣдующее.

Мужа ея, камергера А., и ее съ нимъ вмѣстѣ, война застала въ Германіи въ какомъ-то курортѣ. Наканунѣ они попали въ Франкфуртъ, намѣреваясь проѣхать черезъ Берлинъ въ Россію. Заночевать пришлось въ гостиницѣ, такъ какъ поѣздъ отходилъ только утромъ.

Среди ночи мужа взяли и отвели въ полицейскій участокъ. Здѣсь, когда его раздѣвали для обыска и уже снимали съ него сорочку, онъ какъ-то нечаянно задѣлъ или толкнулъ шуцмана. Его принялись бить. Когда онъ заявилъ, что онъ камергеръ, и сослался на свой паспортъ, его стали бить уже немилосердно, причемъ какимъ-то остріемъ поранили шею. По словамъ жены онъ, былъ весь избитъ и совершенно оглушенъ на одно ухо.

Такъ какъ по обыску, къ шпіонамъ его причислить никакъ было нельзя, то его вмѣстѣ съ женой препроводили къ остальной компаніи Русскихъ, ожидающихъ на Фракфуртскомъ вокзалѣ рѣшенія своей дальнѣйшей участи.

Объ этой участи мы уже серьезно безпокоились. Дѣло подходило къ семи часамъ вечера, а благодѣтель-кондукторъ все еще не показывался.

Нашъ кассиръ-доброволецъ, нагруженный врученными ему деньгами и записками, тщетно выглядывалъ въ коридоръ. Сторожившіе насъ господа милиціонеры отказывались дать какія-либо разъясненія...

XII,

Отливъ надеждъ.

Но вотъ въ гулкомъ коридорѣ раздались наконецъ чьи-то спѣшные шаги. Нервные, рѣзкіе, они быстро приближались къ намъ. Показались они намъ уже слишкомъ знакомыми.

Это катилъ на всѣхъ парахъ все тотъ же сегодняшній нашъ мучитель, привезшій насъ изъ Гомбурга...

Влетѣвъ въ комнату, онъ тотчасъ же крикнулъ «ruhig!».. и, жестикулируя и палкою и другою свободною рукой, разразился горячею рѣчью.

Прежде всего онъ объявилъ намъ, что, въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, мы никуда ѣхать не можемъ и не поѣдемъ. Но намъ даруется милость: разрѣшается возвратиться въ Гомбургъ, гдѣ мы и должны неотлучно проживать впредь до новаго распоряженія. Но онъ предупреждаетъ, что мы обязаны строго подчиняться правиламъ, которыя имъ уже выработаны, по соглашенію съ высшимъ начальствомъ, и завтра намъ предъявятъ ихъ въ видѣ особой подписки для каждаго въ отдѣльности. Теперь онъ ограничивается общимъ указаніемъ.

Мы можемъ жить на виллахъ и въ гостиницахъ, гдѣ жили раньше, но обязаны строго соблюдать слѣдующія велѣнія: не показываться на улицахъ позднѣе 8 час. вечера, не говорить по-русски, не позволять говорить и дѣтямъ нашимъ, не собираться и не ходить группами, ничѣмъ не раздражать нѣмецкой публики, и вообще вести себя абсолютно смирно. Если кто-либо будетъ заподозрѣнъ въ соглядатайствѣ, недозволенныхъ сношеніяхъ, письменныхъ или устныхъ, и вообще проявитъ въ чемъ-либо свою неблагонадежность, будетъ сочтенъ за шпіона. Такого немедленно, безъ различія пола и возраста, „поставятъ къ стѣнѣ и разстрѣляютъ" и онъ „Garnison Komando", со своей стороны, приложитъ старанія, чтобы это было въ точности исполнено.

Когда онъ кончилъ, одинъ изъ нашей среды, господинъ, уже убѣленный сѣдинами, и въ немаломъ чинѣ, крайне переволнованный, едва ли обдуманно, выступилъ съ отвѣтной рѣчью. Онъ недурно владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ и, какъ выяснилось впослѣдствіи, вообще любилъ ораторствовать.

Началъ онъ высокопарно, назвавъ себя почему-то представителемъ всѣхъ здѣсь собранныхъ Русскихъ,

взывая къ доброму нѣмецкому сердцу и общепризнанному чувству чести Германцевъ. Затѣмъ, попутно, онъ объяснилъ, что онъ такой-то и дочь его вдова такого-то тоже стоявшаго весьма высоко въ служебной іерархіи. Закончилъ же онъ рѣчь, со слезою въ голосѣ, патетической фразой: „Съ нами дѣлайте, что хотите, но пощадите нашихъ женъ и дѣтей"!

Вслѣдъ за нимъ и гр. Т., кажется, больше всего затѣмъ, чтобы сгладить нѣсколько приниженное впечатлѣніе отъ этой неудачной рѣчи, обратился съ нѣсколькими словами къ кавалеру Желѣзнаго Креста, причемъ къ общему нашему изумленію назвалъ его интимно, прямо по фамиліи—„Herr von Mak", и отрекомендовался самъ—„Graf T.".

То, что затѣмъ послѣдовало, достойно кисти большого художника. Кавалеръ Желѣзнаго Креста откинулся разомъ назадъ, пристально оглядѣлъ графа Т. съ ногъ до головы, и затѣмъ весело, чуть не по школьнически, ухватилъ его руку и сталъ ее трясти. Оказались они старыми, очень старыми знакомыми, что при общемъ, благоговѣйномъ молчаніи они и поспѣшили выяснить тутъ же, быстро перемежавшимися дружескими восклицаніями.

— Вы, графъ? Не можетъ быть, сколько лѣтъ!..

— О, давно, очень давно!.. Ну, какъ же, еще бы, помню, помню! Мы—старые друзья...

— Я былъ тогда еще правовѣдомъ....

— А я безусымъ школьникомъ. А какъ она была хороша, какъ хороша, эта баронесса!.. О, вамъ отдавалось предпочтеніе, не отнѣкивайтесь, нѣтъ!.. Но я встрѣчалъ ее впослѣдствіи. Да, да, встрѣчалъ, и именно въ Гомбургѣ, снова въ Гомбургѣ...

— Да, я слышалъ... Вотъ мы и встрѣтились съ вами, и при какихъ обстоятельствахъ!

— Да, да, обстоятельства, обстоятельства!—и г. фонъ-Макъ (отнынѣ мы уже и будемъ называть его собственнымъ именемъ), какъ бы спохватившись, сдѣлалъ серьезную мину и оборвалъ разомъ интимную бесѣду.

Наша компанія, т. е. моя семья, супружество М., да и самъ графъ Т. были не склонны возвращаться въ отель „Августу". От одной мысли вновь очутиться тамъ, нападало уныніе. Поэтому я выразилъ г. фонъ-Маку наше общее желаніе поселиться въ „Викторіи", одномъ изъ лучшихъ отелей Гомбурга, о которомъ именно здѣсь я наслышался много хорошаго. Очень хвалили хозяевъ, „monsieur et madame Jean Beihl", по настоянію и за ручательствомъ которыхъ ихъ постоянные кліенты, многіе Русскіе и Англичане, не были вовсе переселяемы въ „Августу".

Графъ Т. поддержалъ мое ходатайство передъ г. фонъ-Макомъ, и можетъ быть именно только поэтому, во имя старой дружбы съ нимъ, нашей компаніи было разрѣшено поселиться въ „Викторіи".

Г. фонъ-Макъ пересчиталъ насъ на своихъ пальцахъ, и, отсчитавъ девять, сказалъ кому-то изъ своихъ подручныхъ, что именно намъ, числомъ ровно девять хотя и прибывшимъ изъ „Августы", разрѣшается по прибытіи обратно въ Гомбургъ направиться въ отель „Викторію". Онъ простеръ свою любезность до того, что обѣщалъ графу Т. предупредить даже объ этомъ по телефону отель.

Затѣмъ на вопросъ, когда же отойдетъ поѣздъ въ Гомбургъ, онъ ничего не отвѣтилъ и, удаляясь, на ходу крикнулъ: „за вами придутъ"!

За нами пришли лишь часа два спустя.

Это были часы тяжелаго отлива всѣхъ надеждъ и упованій. Итакъ мы взаправду плѣнники! До сихъ поръ все думалось, что съ нами только глупо шутятъ не въ

мѣру разрѣзвившіеся Нѣмцы. Что же мы однако сдѣлали и въ чемъ повинны, чтобы быть лишенными свободы и права распорядиться собою? За что наши жены и дѣти должны терпѣть лишенія и унизительное съ собою обхожденіе? Что случилось? И чѣмъ мы стали хуже, чѣмъ были еще недѣлю назадъ, когда намъ такъ низко кланялись и на перебой заманивали къ себѣ!.. Отвѣтъ на всѣ эти вопросы замиралъ въ сознаніи собственнаго безсилія.

Только послѣ девяти часовъ вечера, когда измученныя дѣти уже дремали, прислонивъ головы къ голой стѣнѣ, а остальные всѣ измученные, злобно и вмѣстѣ безсильно, молчали, появился г. фонъ-Макъ, на этотъ разъ угрюмый и неразговорчивый, и повелъ насъ прежнимъ порядкомъ къ вагонамъ. Опять повторялись и „Halt", и высвисты, и указанія палкою, куда намъ идти. Опять душные вагоны третьяго класса съ закупоренными окнами, и на этотъ разъ уже ни луча надежды, ни капли рѣшимости все претерпѣть, лишь бы добраться во-свояси.

Желанная родина гдѣ-то въ непроницаемомъ туманѣ... и какъ далеко! Какъ тамъ?! Ни отклика, ни звука! Сознаніе полной заброшенности. Точно тебя на вѣки отрѣзало отъ Россіи, которая сейчасъ дороже тебѣ и милѣе всего на свѣтѣ, гораздо милѣе и дороже самой жизни...

Слышится и ропотъ, который въ ту минуту кажется такимъ естественнымъ, справедливымъ: вѣдь знали же, что Русскихъ такъ много въ Германіи, какъ же не дали понять, не намекнули черезъ посольство и консульства... Или это не дѣло дипломатіи, оградить безопасность своихъ подданныхъ? Какъ же Японія умудрилась это сдѣлать! Къ моменту объявленія войны ни одного Японца на германской территоріи уже не оказалось... Ихъ предупредили во время.

XIII.

Снова Гомбургъ.

Только послѣ одиннадцати часовъ ночи насъ доставили обратно въ Гомбургъ. Злорадно зіялъ знакомый вокзалъ, поглощая насъ своей ночной пустотой.

Опять ненужные окрики, опять «ни шагу впередъ, иначе будете схвачены!», опять безстыдные молодцы съ бѣлыми повязками на рукавѣ, пропускающіе васъ, безцѣльно по одиночкѣ, какъ арестантовъ.

У входа, слава Богу, хаусдинеръ съ телѣжкой отъ „Викторіи", прибывшій за вещами. Онъ весело и охотно освобождаетъ насъ отъ непосильной ноши.

У вокзала ни одного возницы. Бредемъ кучками пѣшкомъ по пустыннымъ улицамъ. Милиціонеры-добровольцы съ г. фонъ-Макомъ во главѣ, шумно болтая, весело обгоняютъ насъ, разбѣгаясь по домамъ. Сегодня они попраздновали, потѣшились вдоволь, отлично знаютъ, что никуда мы не разбѣжимся, завтра могутъ начать тѣшиться снова, а сейчасъ пора спать.

Гомбургъ засыпаетъ рано.

Мы, усталые и голодные, спѣшимъ въ „Викторію", какъ въ обѣтованную землю.

Путь лежитъ по главной улицѣ мимо ненавистной „Августы". Тамъ уже скопилось множество народа, и мы счастливы, что можемъ миновать ее. Щеголеватое кафе „Викторіи" еще открыто и гостепріимно свѣтится. Надъ воротами, откуда входъ въ самый отель, также еще горитъ большой электрическій фонарь. Подъ воротами у входа, насъ, какъ и многихъ другихъ, ранѣе жившихъ здѣсь до сегодняшняго отправленія во Франкфуртъ, привѣтливо встрѣчаютъ „monsieur et madame Jean Beihl".

Онъ худощавый, нѣсколько суетливый, нервный брюнетъ съ просѣдью, совсѣмъ непохожій на Нѣмца, она, женщина лѣтъ сорока, сохранившая слѣды выдающейся красоты, стройная, гибкая и необыкновенно симпатичная. Первую свою заботу г-жа Бейль проявляетъ о дѣтяхъ. Заранѣе уже приготовленъ чай, и теперь она кормитъ ихъ вкусными печеніями, стараясь ободрить и успокоить. Послѣ цѣлаго дня безбожнаго съ ними обращенія это и волнуетъ и трогаетъ насъ.

Въ лицѣ г-жи Бейль мы, очевидно, имѣемъ дѣло съ женщиной, которую Французы такъ мѣтко окрестили— «brave femme».

Она не стѣсняется громко выражать свое негодованіе по поводу „глупой комедіи", которую только что продѣлали съ нами. Насъ поманили явно несбыточной надеждой отправленія на родину. Со словъ раздраженной женщины можно было заключить, что въ виду спѣшной мобилизаціи запасныхъ, не могло быть и рѣчи объ отправленіи насъ сейчасъ по желѣзной дорогѣ. Этого могъ не сообразить только г. фонъ-Макъ, который вообще «соображаетъ только послѣ того, какъ уже что-нибудь сотворитъ».

Летучая характеристика раздраженной женщины вполнѣ совпадала со всѣмъ тѣмъ, что мы вскорѣ узнали о г. фонъ-Макѣ.

Лейтенантъ германскаго флота въ отставкѣ, женатый на Англичанкѣ, г. фонъ-Макъ уже многіе годы безвыѣздно проживалъ въ Гомбургѣ, гдѣ у жены его былъ домъ и кое-какія средства. Человѣкъ съ большимъ темпераментомъ, внѣшне по военному недурно выправленный, онъ оказывался однако мало пригоднымъ для какого бы то ни было дѣла. Его пробовали выбирать на городскія должности, пріобщали и къ курортному управленію, но нигдѣ онъ не оказывался на мѣстѣ

всюду умудрялся только тормозить дѣло, перессорить всѣхъ и вызвать массу ненужныхъ хлопотъ.

Когда вспыхнула война, онъ помчался во Франкфуртъ къ военному начальству и скоро вернулся оттуда, «страшно гордый», въ качествѣ вновь назначеннаго командира гомбургскаго гарнизона (Garnison Komando). Его вѣдѣнію и были ввѣрены всѣ гомбургскіе «Civilgefangene» въ виду отбытія въ дѣйствующую армію мѣстнаго ландрата, барона фонъ-Марка, очень богатаго человѣка, охотно ссужавшаго гвардейскую молодежь деньгами, за что и былъ очень любимъ кайзеромъ Вильгельмомъ.

Помѣщеніе, которое намъ предоставили въ первомъ этажѣ отдѣльной виллы, было настолько комфортабельно, что мы не сразу рѣшились занять его. Вопросъ о томъ, какъ мы будемъ расплачиваться, оставался открытымъ. Я поспѣшилъ выяснить это г. Бейлю и посвятилъ его въ детали нашего финансоваго положенія. Онъ и секунды не задумался.

— Само собою разумѣется, что вы не можете теперь оплачивать счетовъ; передъ отъѣздомъ вы ихъ подпишите, и только, а уплатите, когда явится возможность. Почти всѣ живутъ у меня на такомъ же основаніи. Я счастливъ, что имѣю возможность оказать кредитъ лицамъ, которыя въ немъ нуждаются не по своей винѣ. Германскія деньги, какія у васъ есть, вы должны сберечь для дороги... путешествіе не близкое!

Оставалось только благодарить. О цѣнѣ я уже и не рѣшился справиться, мысленно заранѣе идя охотно на всяческое ея повышеніе въ виду любезно оказаннаго кредита. Когда, въ концѣ недѣли, мнѣ подали для провѣрки счетъ (только для провѣрки, а не для оплаты, о чемъ предупредительно была сдѣлана отмѣтка на самомъ счетѣ рукою г. Бейля), я устыдился своихъ меркантиль-

ныхъ предвидѣнiй. Несмотря на лучшее помѣщенiе и даже на лучшiй столъ,—недѣльный счетъ «Викторiи» оказался процентовъ на двѣнадцать ниже подобныхъ же счетовъ «Паркъ-Отеля»...

И такое «божеское» отношенiе г. Бейля ко всѣмъ своимъ подневольнымъ клiентамъ было неизмѣнно практикуемо имъ во все время нашего пребыванiя въ «Викторiи».

Прибавимъ къ этому, что ближайшее знакомство съ топографiей прiютившаго насъ отеля не только вполнѣ насъ успокоило, но прямо-таки порадовало. Только переднiй фасадъ зданiя выходилъ на шумную улицу, но затѣмъвглубь, вплоть до слѣдующей параллельной совершенно пустынной улицы, тянулся огромный садъ, среди котораго были живописно расположены и отдѣльныя виллы и флигеля.

Вилла, которую намъ отвели, стояла въ саду, ближе къ тихой улицѣ. Съ этой стороны садъ «Викторiи» окаймлялся чугунной ажурной рѣшеткой въ человѣческiй ростъ. Пройдя въ калитку этой рѣшетки и перейдя только пустынную улицу, вы попадали во второй фруктовый садъ «Викторiи», за которымъ шли принадлежащiе отелю огороды, а затѣмъ пустыри. Для дѣтворы ничего лучшаго нельзя было желать. Не выходя вовсе на Louisenstrasse, въ одномъ и другомъ саду дѣти могли и болтать по русски, сколько имъ угодно, и устраивать игры.

Не мудрено поэтому, что за двѣ недѣли пребыванiя въ «Викторiи», вся дѣтвора загорѣла, оправилась и прибавила въ вѣсѣ. Этому много способствовала и отличная здоровая кухня, о которой все время заботливо пеклась г-жа Бейль.

Кто не бывалъ въ томъ подневольномъ положенiи, въ которомъ мы такъ неожиданно для себя очутились,

тотъ никогда не пойметъ всей глубины признательности, съ которой связано у насъ воспоминанiе о «Викторiи».

Гостепрiимные хозяева сдѣлали рѣшительно все, что было въ ихъ власти, чтобы скрасить намъ всѣмъ подневольное пребыванiе въ Гомбургѣ. Немудрено поэтому, что когда двѣ недѣли спустя намъ пришлось разставаться съ ними при довольно трагическихъ обстоятельствахъ, всѣ мы были глубоко потрясены и не находили достаточно словъ, чтобы выразить этимъ прекраснымъ людямъ чувства горячей нашей благодарности, и самой искренней дружеской симпатiи.

На слѣдующiй день нашего водворенiя по приказу г. фонъ-Мака, мы потянулись къ его дому, отстоявшему отъ «Викторiи» довольно далеко, въ глухой части Гомбурга. Плѣнныхъ изъ «Викторiи» оказалось изрядное число, въ большинствѣ Русскiе, но было и человѣкъ 20 Англичанъ. Всѣ быстро перезнакомились.—«Августа» оказалась сплошь занятою полуинтелигентными плѣнными Евреями. Только два какихъ-то чудака Американца не захотѣли выбраться изъ нея. Они, словно ничего не произошло, продолжали свое лѣченiе, пили воды, брали ванны и разгуливали вездѣ свободно по Гомбургу съ значками своего американскаго подданства въ петлицахъ. Нимало не стѣсняясь, они иронизировали по поводу поведенiя Нѣмцевъ, интересовались всѣмъ, что съ нами продѣлывалось, были предупредительно вѣжливы со всѣми нами и особенно внимательны къ Англичанамъ. Благодаря имъ и еще другимъ Американцамъ изъ «Паркъ-Отеля», англiйская рѣчь, не взирая на провозглашенный г. фонъ-Макомъ запретъ, раздавалась вездѣ громко на улицахъ и въ паркѣ.

XIV.

Garnison Komando.

У на-глухо запертыхъ воротъ дома г. фонъ-Мака, выходившихъ на затѣненную старыми деревьями городскую площадь, стоялъ охранный «караулъ» Garnison Komando, состоявшій изъ двухъ юныхъ Нѣмчиковъ съ бѣлыми повязками на рукавахъ. Нельзя было безъ улыбки видѣть важнаго вида безусыхъ подростковъ, когда они опрашивали приходящаго, ранѣе чѣмъ пріотворить передъ нимъ ворота.

Войдя въ ворота, попадали на площадку небольшого садика, сплошь уже заполненную ранѣе прибывшими. Когда площадка оказывалась достаточно запруженною, юные привратники преграждали на время къ ней доступъ, и у воротъ образовывались живописныя кучки «плѣнныхъ», ожидавшихъ очереди. Это нравилось обывателямъ сосѣднихъ домовъ и рѣдкимъ случайнымъ прохожимъ. Послѣдніе обязательно пріостанавливались или замедляли ходъ, а первые высовывались отовсюду, откуда только можно было высунуться, выражая на своихъ лицахъ ненасытимо жадное любопытство. Нерѣдко кѣмъ-нибудь изъ нихъ отпускалось злорадное словечко, съ явнымъ расчетомъ, чтобы «плѣнные» его услышали. Метельщикъ улицы, напримѣръ, вдругъ переставалъ мести и, ни къ кому въ частности не обращаясь, возглашалъ: «Завтра будетъ телеграмма, что Парижъ взятъ!», или запотѣвшая, вся красная кухарка вопила черезъ улицу сосѣдкѣ: «Бельгія упрямилась, вотъ и получила хорошо по носу, по дѣломъ ей!», а не то сумрачный прохожій на ходу успѣвалъ пробурчать: «У Гинденбурга путь прямой до Петербурга“ и т. д.

Г. фонъ-Макъ и при немъ помощникъ г. фонъ-Ца-

строфъ, еще молодой человѣкъ (отставной офицеръ, котораго мы раньше нерѣдко встрѣчали обѣдающимъ въ «Паркъ-Отелѣ» въ обществѣ молодыхъ Риттеровъ), принимали плѣнныхъ въ особой лѣтней пристройкѣ, низкой и темноватой, обставленной довольно жалко «по-восточному». Большой бумажный цвѣтной фонарь нависалъ съ потолка передъ импровизированнымъ письменнымъ столомъ, за которымъ засѣдалъ Garnison Komando и его помощникъ, и качался, когда дамы задѣвали его эгретками своихъ шляпъ.

Г. фонъ-Макъ старался сохранять сосредоточенно дѣловой видъ, хотя по привычкѣ нерѣдко рѣзко вскрикивалъ, когда ему казалось что-либо непонятнымъ, или его не понимали. Г. фонъ-Цастрофъ велъ себя болѣе спокойно. Повидимому, это былъ довольно воспитанный молодой человѣкъ. Высокій блондинъ, съ лицомъ нѣсколько обрюзгшимъ и краснымъ, свидѣтельствовавшимъ о томъ, что онъ весьма не прочь кутнуть и даже выпить лишнее,—онъ не былъ лишенъ симпатичности. Съ мужчинами онъ велъ себя корректно, съ дамами былъ фамильярно любезенъ, но въ мѣру, какъ «человѣкъ изъ общества», привыкшій имѣть съ ними общеніе. Лицо его все время сохраняло отпечатокъ какого-то не то веселаго задора, не то ироническаго отношенія ко всему окружающему. Когда онъ помогалъ и oGarnison Komando продѣлывалъ канцелярскую работу съ отобраніемъ подписокъ, онъ, казалось, подтрунивалъ и надъ г. фонъ-Макомъ, и надъ самимъ собою, и надъ всѣмъ нашимъ запуганнымъ стадомъ.

Отбираемыя отъ насъ подписки, подъ заранѣе заготовленнымъ гектографическимъ текстомъ, гласили приблизительно то же, о чемъ наканунѣ повѣдалъ намъ г. фонъ-Макъ. Мы не должны разсуждать о политикѣ, не должны толпиться на улицахъ группами, не имѣемъ

права говорить въ публичныхъ мѣстахъ на своемъ языкѣ, не должны покидать гостиницу позднѣе 8 час. вечера и ни въ какомъ случаѣ не должны отлучаться изъ Гомбурга безъ особаго разрѣшенія. Даже въ сосѣдній Франкфуртъ, гдѣ охрана интересовъ русскихъ подданныхъ была ввѣрена испанскому консулу, мы могли ѣздить исключительно только трамваемъ (а отнюдь не по желѣзной дорогѣ и не автомобилемъ) и притомъ каждый разъ съ особаго письменнаго разрѣшенія.

При отобраніи г. фонъ-Цастрофомъ подписки отъ одной московской, молодой, довольно красивой и очень полной дамы, вышелъ курьезъ. Она и ея компаньонка заявили себя неграмотными ни на какомъ иностранномъ языкѣ. Тогда г. Цастрофъ нашелся и сказалъ: «Ну подпишите по-русски ваши имена и фамиліи». Компаньонка оказалась неграмотною и по-русски, а сама московская дама вывела такія растопыренныя каракули, что жизнерадостный г. фонъ-Цастрофъ долго не могъ успокоиться, всѣмъ показывалъ ея подпись, смѣялся и приговаривалъ: «Это по-русски, это, я хорошо вижу, это по-русски!»

Впослѣдствіи мы убѣдились, что, родомъ изъ Познани, г. фонъ-Цастрофъ отлично понималъ, вѣроятно и хорошо даже, говорилъ по-русски, но знаніе этого языка тщательно скрывалъ отъ Русскихъ. Онъ сталъ нерѣдко бывать въ «Викторіи», перезнакомился почти со всѣми нами, охотно принималъ угощеніе обѣдами и завтраками съ надлежащимъ количествомъ рейнскаго вина и очень прислушивался къ тому, что говорилось кругомъ. Иногда его подвижное и выразительное лицо явно изобличало его. Онъ едва удерживался отъ улыбки и даже смѣха, когда за сосѣднимъ столомъ велась рѣчь по-русски о чемъ-нибудь смѣхотворномъ, или передавались какіе-нибудь явно нелѣпые слухи. Такъ какъ его частыя

посѣщенія «Викторіи», кромѣ желанія вкусно поѣсть и посмаковать доброе винцо, могли имѣть и иныя затаенныя цѣли, то всѣ мы, рѣшивъ, что г. фонъ-Цастрофъ прекрасно понимаетъ русскій языкъ, были осторожны.

Г-жа Бейль, впрочемъ, съ чисто французскою откровенностью (она была родомъ изъ французской Швейцаріи), повѣдала намъ, что г. Цастрофъ «довольно безвреденъ». Это просто промотавшійся сынокъ нѣкогда богатыхъ родителей. Онъ долженъ былъ оставить военную службу изъ-за множества долговъ, а вовсе не по болѣзни, какъ онъ объ этомъ любилъ толковать. Въ Гомбургѣ онъ до войны сидѣлъ буквально безъ гроша, кое-что выигрывалъ въ карты, теперь, въ качествѣ помощника Garnizon Komando, ему даютъ кое-какое содержаніе. Онъ совершенно счастливъ, когда можетъ вкусно пообѣдать и выпить на чужой счетъ.

Когда свѣдѣнія объ этомъ распространились среди обитателей «Викторіи», г. фонъ-Цастрофа все чаще и чаще можно было видѣть обѣдающимъ, то въ той, то въ другой компаніи русскихъ плѣнниковъ. Надѣялись заручиться отъ него кое-какими свѣдѣніями относительно возможности отъѣзда и дальнѣйшихъ о Civilgefangene распоряженіяхъ, но г. фонъ-Цастрофъ, несмотря на охотно распиваемое имъ высокой марки рейнское вино, на всѣ разспросы отвѣчалъ только смѣшками и шутками. Когда кто-то возбудилъ вопросъ о значеніи испанскаго консула въ дѣлѣ защиты нашихъ интересовъ, онъ только глубокомысленно замѣтилъ: «Да, онъ не Нѣмецъ, онъ настоящій Испанецъ, съ нимъ можно объясняться по-французски, съѣздите, пожалуй, во Франкфуртъ, все-таки развлечетесь, отведете душу!»

Нѣкоторые послѣдовали этому совѣту и, получивъ отъ г. фонъ-Мака письменное разрѣшеніе на поѣздку во Франкфуртъ, побывали у испанскаго консула. Вскорѣ

впрочемъ эти поѣздки прекратились, такъ какъ всѣ сошлись на томъ, что испанскій консулъ, по существу очень милый и обязательный господинъ, абсолютно безсиленъ чѣмъ-либо намъ помочь. Даже денежной помощи онъ не могъ оказать наиболѣе нуждающимся, такъ какъ по его словамъ, уѣхавшій русскій консулъ оставилъ ему «множество бумагъ и ни копѣйки денегъ». Относительно представительства испанской миссіи передъ германскими властями по поводу хотя бы приблизительнаго фиксированія времени нашего отъѣзда, онъ также не могъ сообщить намъ ничего утѣшительнаго. Онъ посовѣтовалъ только, на всякій случай, визировать у него наши русскіе паспорта для приданія имъ силы безспорныхъ документовъ, такъ какъ германскія власти могли и не признавать ихъ официальнаго значенія. На этомъ пока и пресѣклись всѣ наши сношенія съ испанскимъ консульствомъ.

Въ нѣсколько иномъ положеніи оказались Англичане, патронируемые американскимъ консульствомъ. Какой-то молодой, весьма энергичный Американецъ все время метался между Гомбургомъ и Франкфуртомъ, поддерживая сношенія съ консульствомъ. Каждый вечеръ онъ появлялся въ «Викторіи», и его тотчасъ озабоченно обступала вся наша англійская колонія. Онъ то привозилъ кому-то деньги, то брался доставить по назначенію кореспонденцію, то доставлялъ телеграммы. Скоро пошелъ слухъ, что въ концѣ недѣли всѣмъ Англичанамъ удастся скоро уѣхать на Голландію и что остановка только за пароходомъ, который предстояло зафрахтовать. Толковали и о томъ, что многіе изъ тѣхъ, кого мы до сихъ поръ считали Англичанами, оказались Американцами и что они будутъ снабжены необходимыми паспортами.

XV.

Отель „Викторія“.

Мы зажили въ „Викторіи“ среди удобствъ, граничащихъ съ комфортомъ; кормили насъ хорошо, подчасъ изысканно; погода стояла все время дивная, все еще лѣтняя, но безъ прежней удушающей жары. Солнце въ ясномъ, совершенно чистомъ, небѣ, грѣло такъ ровно и ласково, словно хотѣло вознаградить плѣнниковъ за лишеніе ихъ самаго необходимаго—свободы.

Кто никогда не терялъ ее, тотъ не пойметъ, какой ужасъ таится въ этомъ лишеніи. Всѣмъ, кому дана власть лишать свободы другихъ, слѣдовало бы это предварительно испытать на себѣ. Особенно тяжела неизвѣстность, неопредѣленность срока, когда наступитъ конецъ. Срочные заключенные, по общему отзыву, поэтому легче переносятъ тюремное заключеніе, нежели послѣдственные, которыхъ содержатъ подъ стражей... доколѣ выпустятъ.

Втеченіи дня среди смѣнявшихся, хотя и тягостныхъ, но новыхъ впечатлѣній, среди матеріальныхъ заботъ и общенія съ такими же плѣнниками какъ сами, наконецъ среди неизбѣжнаго дѣтскаго оживленія, смѣнившаго прежній упадокъ духа всей плѣнной дѣтворы,—наступали минуты забвенія и сравнительнаго успокоенія. Но ночи переживались тяжело. И заснуть было трудно, и пробужденіе каждый разъ било по нервамъ. Проснешься, и передъ глазами все то-же—миражъ. Миражъ утраченной свободы, манящій, дразнящій, но неуловимый, разсѣевающійся какъ дымъ при пробужденіи. Каждый новый день приходится начинать съ начала, заново желать, заново надѣяться, не предвидя конца.

Иногда пробужденіе осложнялось новой мукой. Въ

церквяхъ звонили колокола. Колокола не звонкіе, не гулкіе, не величественно-далеко-слышные, но трескучіе, назойливые, однотонные, какъ набатъ, врывающіеся частымъ, мелкимъ звономъ въ уши плѣнниковъ. Всѣ самомалѣйшія побѣды нѣмцевъ обязательно возвѣщались въ Гомбургѣ колокольнымъ звономъ. По этому сигналу начиналась усиленная бѣготня нѣмцевъ по главной улицѣ къ угловому книжному магазину, гдѣ вывѣшивались послѣднія телеграммы и продавались чуть-ли не ежечасныя прибавленія къ „Frankfurter Zeitung", газеты, завладѣвшей всецѣло общественнымъ настроеніемъ мѣстнаго населенія.

По воскресеньямъ колокола звонили и при богослуженіяхъ; дня три они звонили и по случаю смерти папы. Но раньше чѣмъ разберешь, почему звонятъ, испытывалось всегда жуткое чувство, тѣмъ болѣе, что тогда мы еще не знали насколько побѣды въ нѣмецкихъ правительственныхъ сообщеніяхъ тенденціозно и систематически преувеличивались.

Только нѣсколько позднѣе, когда намъ стали попадать въ руки номера итальянской газеты „Corriera della Sera" мы съ радостью узнали, что дѣла наши обстоятъ не такъ ужъ плохо.

Старшимъ поваромъ въ «Викторіи» былъ итальянецъ. Красивый, рослый брюнетъ, одѣтый весь въ бѣломъ и въ бѣломъ колпакѣ, совсѣмъ—«муха въ молокѣ»,—онъ въ свободные минуты выходилъ изъ своей кухни, имѣвшей выходъ въ садъ и, облокотясь живописно у косяка двери, читалъ свою газету. Съ примелькавшимися ему плѣнниками онъ вскорѣ сталъ вѣжливо раскланиваться, а затѣмъ черезъ молодого итальянчика, подававшаго намъ въ виллу утреннее кофе, какъ-то спросилъ: не желаю ли я заглянуть въ его „Corriera della Sera". Только тутъ мы узнали о побѣдахъ на-

шихъ надъ австрійцами, о движеніи въ Галиціи и о молніеносномъ движеніи въ Восточную Пруссію.

И молодой прислуживавшій намъ итальянецъ и красавецъ-поваръ, съ которымъ иногда удавалось на ходу перекинуться словомъ, со страстью и убѣжденіемъ старались намъ втолковать только одно: Италія ни за что не пойдетъ въ союзѣ съ Австріей, это совершенно невозможно. Если бы даже правительство этого захотѣло, оно вызвало бы только революцію. Всѣ симпатіи итальянскаго народа безраздѣльно на сторонѣ Франціи и Россіи, и каждый итальянецъ желаетъ имъ всяческаго успѣха.

Все это обыкновенно говорилось быстрой скороговоркой съ оглядываніемъ по сторонамъ, большею частью на ходу, такъ какъ вся, довольно многочисленная, женская прислуга отеля, состоявшая исключительно изъ молодыхъ нѣмокъ, у которыхъ мужья и братья были взяты на войну, съ какою-то подозрительною тревогой шныряли взадъ и впередъ и пытливо приглядывались и прислушивались къ поведенію плѣнныхъ.

Вмѣсто метрдотеля, тоже итальянца, уѣхавшаго на родину въ самый день водворенія нашего въ „Викторіи", былъ взятъ нѣмецъ, мало симпатичнаго облика, и этотъ тоже проявлялъ не мало любопытства. За столомъ въ столовой, гдѣ размѣщалась наша компанія въ девять человѣкъ, прислуживалъ молодой «плѣнный» французикъ, которому съ разрѣшенія г. фонъ-Мака дозволено было «зарабатывать себѣ на пропитаніе». Живой, впечатлительный, онъ, обнося блюда, всегда умудрялся сообщить какую-нибудь новость и перекинуться нѣсколькими французскими фразами. Метрдотель зорко фиксировалъ его, и онъ вынужденъ былъ умолкать, иногда на полусловѣ, что очевидно причиняло ему не мало страданій.

Кромѣ этого молодого кельнера еще нѣсколько французовъ оставалось на службѣ въ «Викторіи» на кухнѣ, и въ ресторанѣ. Имъ это было разрѣшено, такъ какъ «въ тюрьмѣ мѣста больше не было», и кормить ихъ на казенный счетъ находили излишнимъ.

На такомъ же основаніи состоялъ въ кельнерахъ и одинъ русскій подданный, подростокъ лѣтъ пятнадцати. Онъ съ дѣтства жилъ въ Германіи и по-русски говорилъ плохо, съ акцентомъ. Г. Бейль былъ радъ случаю держать у себя эту прислугу, такъ какъ набрать подходящихъ нѣмцевъ, въ виду мобилизаціи, не было возможности.

Всѣ плѣнные мужского пола въ возрастѣ до сорокапяти лѣтъ три раза въ недѣлю обязаны были являться къ г. фонъ-Маку на перекличку, и именовались уже «военно-плѣнными». Каждый разъ они получали предостереженіе, что за малѣйшую провинность они могутъ быть ввергнуты въ «Черную тюрьму». Въ числѣ «военноплѣнныхъ» въ «Викторіи» проживали два англичанина, мистеръ Пайкъ и мистеръ Чатманъ. Рослые, видные, они довольно беззаботно и весело проводили большую часть своего времени въ кафе «Викторіи», въ обществѣ какой-то молоденькой баронессы изъ Мюнхена и ея пріятеля, швейцарскаго подданнаго, такого-же рослаго и браваго молодца, какъ они сами. Неожиданно, какъ-то утромъ явилась въ отель полиція и арестовала мистера Чатмана. Надолго-ли и за что, никто не могъ объяснить. Швейцарецъ и баронесса очень хлопотали объ его освобожденіи, ѣздили въ Франкфуртъ, а пока что посылали ему завтраки и обѣды изъ «Викторіи». Посылаемое, какъ выяснилось впослѣдствіи, принималось въ тюрьмѣ, но до арестованнаго или вовсе не доходило, или доходило въ видѣ жалкихъ остатковъ. Съ этимъ мистеромъ Чатманъ вышло какое-то капитальное недоразумѣніе. Его про-

держали недѣли три, потомъ выпустили, затѣмъ чрезъ нѣсколько дней опять арестовали, и отправили въ Франкфуртскую, по общему отзыву, дѣйствительно «Черную тюрьму». Спустя недѣль шесть, когда мы уже снова жили у Риттеровъ въ «Паркъ-Отелѣ», мистеръ Пайкъ, прiятель Чатмана, намъ говорилъ: «вотъ счастливецъ Чатманъ, выяснилось, что его держали совершенно напрасно, и за это, въ видѣ компенсацiи, ему позволяютъ теперь-же, прямо изъ Франкфурта, уѣхать въ Лондонъ, а вотъ я долженъ буду оставаться до конца войны»!

Оказалось, однако, что нѣмецкая «компенсацiя», какъ и все въ эту пору у нѣмцевъ, не лишена была букета нелѣпой и грубой растерянности. По дорогѣ Чатмана, несмотря на имѣвшееся при немъ разрѣшенiе на выѣздъ, задержали, арестовали и отправили подъ конвоемъ обратно во Франкфуртъ, гдѣ его ввергли вновь въ «Черную тюрьму».

Только будучи уже въ Петроградѣ, мы узнали, что г. Чатману удалось, наконецъ, благополучно выбраться изъ Германiи.

На второй же день нашего водворенiя въ „Викторiи" супружество М. навѣстила г-жа Риттеръ. Мы избѣгли съ нею встрѣчи, такъ какъ были въ это время съ дѣтьми въ нижнемъ саду отеля.

За обѣдомъ г-жа М. и самъ М. были въ очень тревожномъ настроенiи. Они рѣшительно не знали, какъ быть Г-жа Риттеръ настойчиво уговаривала ихъ переѣхать вновь въ «Паркъ-Отель», обѣщала написать о томъ-же сегодня и намъ и графу Т. Послѣднiй и мы рѣзко отвергли всякую мысль о возможности такого переселенiя. Супружество М. послѣ нѣкоторыхъ колебанiй также согласилось съ нами. Имъ самимъ отнюдь не улыбалось попасть опять подъ опеку Риттеровъ, но они опа-

сались обидѣть ихъ своимъ отказомъ. Рѣшено было что графъ Т. и я примемъ на себя иниціативу отказа, они же сошлются лишь на то, что имъ неудобно покинуть нашу компанію. Вечеромъ графъ Т. дѣйствительно получилъ длинное, страшно любезное, письмо г-жи Риттеръ, въ которомъ она почти умоляла его вернуться въ „Паркъ-Отель". Жену мою г-жа Риттеръ изловила лично, придя вновь въ отель уже поздно вечеромъ, и неотступно просила безотлагательно переѣхать въ „Паркъ-Отель", обѣщая всевозможныя удобства.

Графъ Т., прекрасно владѣющій нѣмецкимъ языкомъ, тутъ-же написалъ г-жѣ Риттеръ письмо, полное галантныхъ словъ, но съ рѣшительнымъ отказомъ, подчеркнувъ, что послѣ изысканной любезности и широкаго довѣрія, оказаннаго ему г.г. Бейль, которые такъ гостепріимно пріютили его послѣ всѣхъ мытарствъ „Августы", куда онъ вынужденъ былъ переселиться изъ «Паркъ-Отеля» не по своей волѣ, онъ считалъ бы свой переѣздъ поступкомъ недостойнымъ по отношенію къ г.г. Бейль. На слѣдующій день я, съ цѣлью высказать г-жѣ Риттеръ то же самое, отправился въ «Паркъ-Отель». Было непріятно входить въ подъѣздъ отеля, изъ котораго такъ неожиданно мы были выброшены. Едва я показался у входа въ «Холль», и даже раньше чѣмъ Гассанъ успѣлъ излить передо мною всѣ свои привѣтствія, ко мнѣ навстрѣчу поднялась и стремительно подошла молодая красивая американка, очень популярная въ отелѣ, благодаря своей красотѣ, обилію костюмовъ и богатству мужа, еще молодого человѣка, котораго возили въ креслѣ, такъ какъ его ноги были изувѣчены какой-то автомобильной катастрофой. Я лично не былъ съ нею знакомъ и потому не мало былъ удивленъ, когда она дружески протянула мнѣ руку и первая со мною заговорила:

Она говорила по французки.

— Quelle infamie, quelle infamie!.. Cést a n'y pas y croire!.. и эти восклицанія она повторила нѣсколько разъ, раньше чѣмъ спросить меня о дѣтяхъ, о женѣ, о томъ, какъ мы устроились и т. п.

Изъ бесѣды съ нею я понялъ, что вся американская колонія, теперь уже сильно порѣдѣвшая, была возмущена и поведеніемъ Риттеровъ, допустивши селеніе въ „Августу", и всѣмъ тѣмъ, что съ нами продѣлали и продолжали продѣлывать гомбургскія власти.

Мужъ г-жи Тенжеманъ (фамилія красивой американки), прикованный къ своему креслу, издали привѣтливо кивалъ мнѣ головой, держа за руку свою семилѣтнюю миловидную дочь, которая такъ же, какъ и мать необыкновенно любовно и стойко заботилась о немъ и объ его удобствахъ. Она также протянула мнѣ свою рученку, сдѣлала книксенъ и, зная имя нашей младшей дочери, справилась о ея здоровьѣ.

Г-жа Танжеманъ объяснила мнѣ, что они несомнѣнно, по примѣру уже многихъ американскихъ семействъ покинули бы Гомбургъ, если бы не состояніе здоровья мужа, которое требуетъ исключительныхъ удобствъ. Какъ только ей удастся обезпечить эти удобства (о чемъ очень хлопочетъ теперь отецъ ея мужа), они тотчасъ же покинутъ Гомбургъ, чтобы никогда болѣе сюда не возвращаться.

Тѣмъ временемъ Гассанъ доложилъ, что Риттеры ждутъ меня въ конторѣ. Молодой Риттеръ и директоръ встрѣтили меня предупредитель-но, имѣя видъ нѣсколько сконфуженный и растерянный. Только г-жа Риттеръ, держа въ рукахъ газету, безъ смущенія, сразу стала приставать ко мнѣ: „Lesen Sie, lesen"... Вотъ какія звѣрства творятся у васъ въ Россіи, разнесли посоль-

ство и убили несчастнаго, вотъ портретъ его здѣсь напечатанъ... смотрите! А казаки, казаки, эти варвары, что они надѣлали въ Восточной Пруссіи. И еще смѣютъ осуждать насъ, нѣмцевъ!“

Я поспѣшилъ объяснить ей, что газетнымъ толкамъ мало вѣрю, а вѣрю особенно тому, что вижу собственными глазами, а затѣмъ, въ духѣ письма графа Т., выяснилъ причины, которыя рѣшительно не позволяютъ намъ воспользоваться ихъ любезнымъ предложеніемъ поселиться вновь въ „Паркъ-Отелѣ“.

Тогда Риттеръ (разумѣется, сынъ, отца въ это время точно слизало съ нашего горизонта) спросилъ меня, не желаю ли я размѣнять русскую тысячу, хранящуюся въ ихъ конторѣ; изъ Берлина пришелъ спросъ на русскія деньги, и даютъ уже сто двадцать марокъ за сто рублей. Онъ находилъ, что это недурно. Я попросилъ его, если возможно, подержать ихъ еще нѣсколько дней, такъ какъ относительно денегъ снесся уже телеграфно съ Стокгольмомъ и со дня на день жду благопріятнаго отвѣта. На это я получилъ согласіе. Разстались мы, расточая взаимно всяческія любезности и наилучшія пожеланія.

Вкрадчивый Гассанъ, нагнавъ меня въ коридорѣ и провожая до выхода, успѣлъ таинственно нашептать мнѣ: Si mounsieur desire argent, je peu servir... Combien desire mounsieur?...

При этомъ, очевидно, желая поощрить меня принять его любезное предложеніе, сообщилъ, что разъ въ „Монте-Карло“ онъ тоже такому „хорошему“ русскому господину одолжилъ безъ всякаго документа двѣ тысячи франковъ, а тотъ ему черезъ десять дней выслалъ изъ Россіи цѣлыхъ три.

— Je peu donner autant que desire mounsieur!..

Я поблагодарилъ Гассана, но сказалъ ему, что, пока

имѣю кредитъ въ „Викторіи“, не испытываю острой нужды.

Повидимому, онъ все же не потерялъ благожелательной надежды, что когда-нибудь такая нужда меня постигнетъ, причемъ пустилъ въ ходъ еще одинъ соблазнъ:

— Je peu donner en or, en pur or!..

Такъ какъ и это меня не прельстило, то онъ, открывая передо мною дверь и почтительно изгибаясь, на прощаніе разсыпался фамиліарными смѣшками и благопожеланіями.

XVI.
Мытарства плѣнныхъ.

Денежнымъ вопросомъ въ эту пору всѣ мы были озабочены. Обитатели „Викторіи“ и „Августы“ дали за это время не малый доходъ телеграфному вѣдомству. Срочныя телеграммы о высылкѣ денегъ разсылались рѣшительно всѣми и во всевозможныхъ направленіяхъ: и черезъ испанскія посольства и консульства и непосредственно разнымъ адресатамъ. Денегъ пока что, однако, ни откуда не приходило. Какъ ни старались и мы сокращать расходы, вплоть до замѣны порядочныхъ папиросъ и сигаръ очень скверными, деньги уходили незамѣтно на ежечасные текущіе расходы. У многихъ, пытавшихся въ свое время выѣхать, затерялся багажъ, приходилось пополнять туалетъ и тратиться еще на срочныя телеграммы по розыску его. Въ эту пору простыя телеграммы, или вовсе не доходили по назначенію, или доставлялись съ опозданіемъ въ нѣсколько сутокъ; объ этомъ насъ любезно предупреждали на самомъ телеграфѣ. Я лично снесся по поводу денегъ съ одной знакомой русской дамой въ Стокгольмѣ,

она отвѣтила, что деньги готовы, но какъ ихъ переслать, она недоумѣваетъ.

Въ одинъ изъ печальныхъ дней, когда безденежье особенно ярко у меня стало сказываться, такъ какъ пришлось тронуть неприкосновенный фондъ, отсчитанный и безъ того скудно, въ обрѣзъ, на путевыя издержки, мнѣ подали карточку мѣстнаго раввина, доктора Винтера.

Онъ пришелъ познакомиться со мной. Это былъ еще очень молодой человѣкъ, симпатичный, образованный, сдержанный въ манерахъ и въ рѣчи. Въ концѣ нашей бесѣды онъ съ большою деликатностью, чтобы не сказать застѣнчивостью, предложилъ мнѣ въ ссуду тысячу марокъ, которыя ему удалось для этой цѣли добыть отъ мѣстнаго маленькаго банкира-еврея. Онъ извинялся, что не могъ предложить больше, такъ какъ богатые франкфуртскіе банкиры рѣшительно уклоняются отъ какихъ-либо денежныхъ дѣлъ съ русскими. Наличныхъ же денегъ ни у кого въ Гомбургѣ не имѣется Я принялъ деньги съ большою благодарностью, и мы дружески распростились съ д-ромъ Винтеромъ, который при прощаніи просилъ позволенія привести ко мнѣ какъ-нибудь своего знакомаго еврея-американца, предсѣдателя еврейскаго теологическаго общества въ Нью-Іоркѣ. Этотъ послѣдній желалъ только „посмотрѣть“ на меня, чтобы убѣдиться, что во-истину въ Гомбургѣ, въ плѣну, имѣется налицо одинъ изъ адвокатовъ, защищавшихъ Бейлиса. Я не встрѣтилъ препятствія къ удовлетворенію законнаго любопытства заатлантическаго единовѣрца злополучнаго Бейлиса.

Съ деньгами, которыя я получилъ отъ г. Винтера, я немедленно направился въ контору „Паркъ-Отеля“. Насколько я легко и охотно воспользовался кредитомъ у г. г. Бейль, настолько же мнѣ было тяжело и непрі-

ятно пользоваться какимъ-либо одолженіемъ отъ Риттеровъ. Счетъ мой въ „Паркъ-Отелѣ" не достигалъ четырехъ сотъ марокъ и я, расплатившись, выручилъ свой залогъ въ тысячу рублей. Директоръ отеля тутъ мнѣ опять предложилъ размѣнять русскія деньги, говоря, что вслѣдствіе новой телеграммы изъ Берлина, теперь онъ могъ бы предложить мнѣ уже сто сорокъ марокъ за сто рублей. Я отказался, поблагодарилъ его и смѣясь, замѣтилъ, что если каждые два дня курсъ будетъ повышаться на 20 марокъ, то я скоро буду въ состояніи размѣнять мои русскія деньги по нормальной цѣнѣ.

Когда я возвращался изъ „Паркъ-Отеля" у воротъ „Викторіи" меня остановилъ господинъ весьма растеряннаго вида. Назвавъ себя, онъ просилъ выслушать его. Лично я съ нимъ ранѣе не встрѣчался, но фамилія его мнѣ была хорошо извѣстна. Онъ оказался роднымъ отцомъ одного изъ моихъ помощниковъ. Я попросилъ его пройти ко мнѣ. Онъ былъ очень взволнованъ. Будучи человѣкомъ вполнѣ состоятельнымъ (это я зналъ и самъ), онъ очутился въ крайней нуждѣ, буквально безъ марки въ карманѣ, растерялъ весь свой багажъ, и, вмѣстѣ съ своей семьей, состоявшей изъ жены, дочери и младшаго сына, очутился совершенно неожиданно для себя въ Гомбургѣ, пройдя предварительно черезъ рядъ самыхъ унизительныхъ мытарствъ.

Война застала ихъ въ Висбаденѣ, откуда немедленно было приказано выѣхать. По пути во Франкфуртъ на какой-то маленькой станціи ихъ высадили, держали долго, обыскивали. Обыскъ сопровождался самыми унизительными пріемами. Жену, нервную женщину, и дочь, молодую дѣвушку, офицеры, каждую отдѣльно и безъ участія въ обыскѣ женщинъ, раздѣвали и обыскивали въ вокзальномъ помѣщеніи. Распоряжался обыскомъ нѣкто

Гуммеръ, вокзальный комендантъ. У г. Гуммера хватило служебнаго рвенія и столько же цинизма, чтобы выдать въ томъ формальное удостовѣреніе. Удостовѣреніе это гласило: [1]) «Herr X. und Familie sind von mir gänzlich einschlienlich Korper untersucht um nach Bad Homburg uber Frankfurt za fahren 5/8. 14 Hummer Bahnhofs Kommandant. Untersuchung bestätigt Polizei Verwaltung».

По словамъ X. этотъ Гуммеръ, между прочимъ, началъ подобные обыски уже въ пятницу, наканунѣ объявленія войны.

До Гомбурга X. съ семьей вынужденъ былъ добраться на автомобилѣ, причемъ каждыя десять минутъ его останавливали, требовали пропускъ, хотѣли вновь обыскивать. Хорошо еще, что не стрѣляли. И такія случаи на первыхъ порахъ бывали, пока старательные милиціонеры не подстрѣлили двухъ нѣмцевъ. Послѣ двухъ такихъ случаевъ отданъ былъ приказъ умѣрить рвеніе „вольныхъ стрѣлковъ“, желавшихъ непремѣнно палить. Имъ было приказано требовать остановки моторовъ холостыми выстрѣлами. Попавъ, наконецъ, въ Гомбургъ, X. поселился въ первой попавшейся, оказавшейся весьма плохой, гостинницѣ. Тамъ хозяинъ требовалъ плату за каждые истекшія сутки, а карманы X. совершенно опустѣли. Узнавъ случайно, что я въ Гомбургѣ, онъ рѣшился розыскать меня, чтобы я, такъ или иначе, его выручилъ.

Пришлось, разумѣется, выручать.

Отрекомендовавъ его г. Бейлю, дѣло быстро уладилось. И эта семья попала подъ гостепріимный кровъ

[1]) Въ буквальномъ переводѣ это читается: Г-нъ X. съ семьею обысканы мною совершенно, включая тѣло, чтобы ѣхать въ Бадъ-Гомбургъ черезъ Франкфуртъ. Гуммеръ, вокзальный комендантъ. Обыскъ подтверждаетъ полицейское управленіе.

«monsieur et madame Jean Beihl». Въ тотъ же вечеръ прибавился еще обѣденный столъ въ помѣстительной столовой для четырехъ новыхъ плѣнниковъ „Викторіи“.

XVII.

Злоключеніе сенатора Z.

Еще черезъ день новый визитъ и на этотъ разъ уже совершенно неожиданный. Въ самомъ плачевномъ видѣ предсталъ предо мною сенаторъ Z.

Какъ?! Что?! Откуда?!

Привычка видѣть его исключительно на курульномъ креслѣ, вершающимъ судьбу ближняго, трагично подчеркивала контрастъ.

Просто не хотѣлось вѣрить тѣмъ трагическимъ осложненіямъ, черезъ которыя его провели нѣмцы, и которыми онъ былъ такъ глубоко потрясенъ и подавленъ.

Только переселившись въ „Викторію“, очутившись въ средѣ благожелательныхъ къ нему лицъ онъ мало по малу сталъ успокаиваться и приходить въ себя.

Такъ какъ въ „Викторіи“ мы уже видѣлись ежедневно и много бесѣдовали, то въ моемъ распоряженіи весь пересказъ о постигшемъ его испытаніи.

Выѣхалъ г. Z. изъ Петрограда съ круговымъ желѣзнодорожнымъ билетомъ на Италію черезъ Берлинъ и Франкфуртъ, всего дня за четыре до объявленія войны. По его словамъ, тогда все еще царила полная увѣренность, что инцидентъ Сербо-Австрійскій уладится путемъ дипломатическихъ соглашеній. Направлялся онъ собственно въ Италію, чтобы использовать каникулярное время пребываніемъ на собственной виллѣ, какъ онъ дѣлалъ это неизмѣнно уже въ теченіи многихъ лѣтъ. Во Франкфуртѣ его застигло объявленіе войны. Здѣсь его навѣстилъ его хорошій знакомый нѣмецъ П., слу-

жившій въ то время въ Петроградѣ въ качествѣ химика при судебно-экспериментальномъ кабинетѣ. Г. П. былъ въ служебномъ отпуску и, какъ уроженецъ изъ окрестностей Франкфурта, обычно проводилъ въ этихъ краяхъ свой ежегодный вакантъ.

На слѣдующій день объявленія войны отель «Russischer Hoff», въ которомъ остановился г. Z. стала разносить и сокрушать толпа. Выбили окна, сорвали вывѣску и двуглавый орелъ, не причинивъ, впрочемъ, вреда отдѣльнымъ лицамъ. Жильцы стали выѣзжать, и всѣ русскіе очутились въ положеніи безпріютныхъ скитальцевъ. Настроеніе ихъ было подавленное, тяжелое. Оставаться въ Франкфуртѣ было не безопасно, каждый часъ можно было ожидать новыхъ эксцессовъ со стороны толпы все болѣе и болѣе поджигаемой газетными выпадами.

Выѣхать изъ Франкфурта черезъ Швейцарію въ Италію оказывалось, и то лишь предположительно, возможнымъ только на другой день къ вечеру. П. и предложилъ сдѣлать экскурсію въ окрестности, чтобы хотя на время избавиться отъ тяжелыхъ условій пребыванія во Франкфуртѣ. Побывали въ Гомаркѣ, побродили въ лѣсу, подышали чистымъ воздухомъ и съ нѣсколько наладившимися нервами вернулись во Франкфуртъ. Здѣсь г. Z. съ багажемъ поѣхалъ на вокзалъ и сѣлъ въ поѣздъ, направлявшійся въ Швейцарію, а П., въ качествѣ добраго знакомаго, рѣшилъ проводить его до границы.

Казалось бы, все обстояло вполнѣ благополучно.

Но вотъ доѣхали до станціи «Groskarden» близъ Фридберга и тутъ попали въ передѣлку, Ихъ высадили изъ поѣзда и арестовали. Первый вопросъ, обращенный къ нимъ, былъ: „вы уже были вчера въ этихъ краяхъ?!“ Затѣмъ ихъ повели подъ конвоемъ на „постъ“, который отстоялъ отъ станціи въ восьми километрахъ. Багажъ

весь задержали и куда-то отправили. Они дошли пѣшкомъ до „поста“, несмотря на отчаянный припекъ. По дорогѣ встрѣчные ихъ осыпали угрозами и бранью, когда узнавали отъ конвойныхъ, что это русскіе „шпіоны“, которыхъ только что удалось изловить. На посту послѣ краткаго опроса имъ объявили, что имъ предстоитъ такое же путешествіе пѣшкомъ въ Гомбургъ (30 километровъ), чтобы предстать тамъ передъ военно-полевымъ судомъ по обвиненію вь шпіонствѣ. Z. взмолился, ссылаясь на свои годы и плохое сердце, и просилъ доставить ихъ или лошадьми, или автомобилемъ.

— Haben sie Geld?!—послѣдовалъ на это вопросъ и такъ какъ «Geld» по счастью въ наличности оказались, то по телефону былъ затребованъ автомобиль, на которомъ импровизированные шпіоны, подъ карауломъ двухъ солдатъ съ заряженными ружьями, были къ вечеру доставлены въ Гомбургъ.

Ихъ сразу ввергли въ темницу. Такъ какъ тюрьма была переполнена поляками, работавшими на сосѣдней фабрикѣ, то имъ пришлось провести двадцать семь часовъ въ темномъ, совершенно неосвѣщенномъ коридорѣ, причемъ вмѣсто постели и всякаго иного ложа, имъ дали только два кухонныхъ табурета.

Ихъ вызывали по одиночкѣ къ слѣдственному военному комиссару, «Herr Nasse»—(фамилія комиссара), юристъ по образованію, имѣлъ весьма строгій и сосредоточенный видъ. Сенатору Z. былъ предложенъ вопросъ: признаетъ-ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что прибылъ на германскую территорію почти въ самый моментъ объявленія войны, съ цѣлью шпіонства? На вопросъ, какія же имѣются основанія для предъявленія подобнаго обвиненія къ лицу съ опредѣленной профессіей и положеніемъ г. Нассе невозмутимо отвѣтилъ: во 1-хъ, вы русскій, это уже основаніе, во 2-хъ, вы при-

были въ предѣлы Германіи, это второе основаніе, въ 3-хъ, вы бродили въ окрестностяхъ Франкфурта, въ 4-хъ, вещественныя доказательства, обнаруженныя въ вашемъ чемоданѣ, не оставляютъ уже сомнѣнья въ томъ, чѣмъ именно вы имѣли въ виду, совмѣстно съ г. химикомъ, заняться.

Это послѣднее „основаніе" г-на Нассе могло ударить хоть кого въ голову.

— Но ключъ отъ моего чемодана при мнѣ, его даже не вскрывали...

— Вы ошибаетесь, его вскрыли и безъ вашего ключа и вотъ протоколъ обыска...

Ранѣе всего мелькнула ужасная мысль: неужели подбросили? Но естественный ужасъ скоро смѣнился только недоумѣніемъ. Въ протоколѣ значилось, что по обыску въ чемоданѣ нашли около дюжины „стеклянныхъ пробирокъ", предназначенныхъ очевидно для какихъ-либо химическихъ изготовленій.

Обвиненіе шло дальше—предполагалось, что имѣлось въ виду отравленіе источниковъ. Въ тотъ же день во «Frankfurter Zeitung» было уже напечатано извѣщеніе, что два отравителя колодцевъ и источниковъ уже задержаны въ окрестностяхъ Гомбурга, благодаря особой бдительности франкфуртской полиціи.

— Мною уже приглашенъ экспертъ, профессоръ химіи изъ Франкфурта, и сейчасъ вамъ предъявятъ ваши пробирки и будетъ произведена научная экспертиза— пояснилъ слѣдственный комиссаръ г. Нассе, окидывая заранѣе торжествующимъ взоромъ „русскаго шпіона".

Появился г. профессоръ, предъявлено было и поличное.

Профессоръ химіи изъ Франкфурта оказался весьма уже пожилымъ, типичнымъ ученымъ нѣмцемъ, не быстро соображающимъ, но, по счастью, еще изъ той отжи-

вающей породы нѣмцевъ, среди которой не перевелись честные люди. Онъ надѣлъ большіе круглые очки и внимательно сталъ разглядывать содержимое вскрытаго пакета, опечатаннаго нѣсколькими казенными печатями.

— Was ist das?—торжественно вопросилъ г. Нассе.

— Das ist Glas! —не торопясь, и вертя въ рукахъ небольшую стеклянную вещицу, возгласилъ г. профессоръ

Слѣдственный комиссаръ раздраженно замѣтилъ: онъ самъ хорошо видитъ, что „это“ изъ стекла, но для чего могутъ служить подобныя „пробирки“?

Профессоръ еще разъ осмотрѣлъ вещицу, поднеся ее къ самому своему носу, потомъ пересмотрѣлъ всѣ остальныя, наконецъ, внимательно уставился на г. слѣдственнаго комиссара и объявилъ.

— Да это вовсе не пробирки!..—и такъ какъ г. Нассе глубокомысленно молчалъ, то г. профессоръ участливо прибавилъ:—Вы вѣроятно, г. комиссаръ никогда не видѣли пробирокъ, употребляемыхъ въ химическихъ лабораторіяхъ... Нѣтъ, это не пробирки!

— Но, вотъ, въ протоколѣ,—попробовалъ было настаивать комиссаръ. Но профессоръ уже наставительно продолжалъ:

— Пробирка не можетъ имѣть сквозного отверстія, она должна имѣть отверстіе только съ одной стороны, чтобы можно было налить жидкость и жидкость бы не выливалась. Въ эту же штуку налейте жидкость отсюда, она выльется съ противоположнаго конца. Вотъ, я дую, въ это отверстіе, воздухъ идетъ на сквозь въ другое. Это не пробирка!...

Вышибленный изъ сѣдла авторитетомъ ученаго профессора, слѣдственный комиссаръ, значительно обезкураженный, все-же пытался еще настаивать на дальнѣйшемъ изслѣдованіи „поличнаго“.

— Но если это не пробирки, то что-же это такое?

продолжалъ онъ вопрошать эксперта. Экспертъ еще разъ пересмотрѣлъ съ крайнею добросовѣстностью всѣ стекляшки и объявилъ:

— Что это такое?.. Этого я не знаю!

— Но, однако, для чего могутъ служить подобныя стеклянныя трубки?—раздражался комиссаръ, глядя въ упоръ на профессора.

Профессоръ еще разъ взялъ въ руки образчикъ «поличнаго» и, наконецъ, тономъ увѣренной догадки объявилъ:

— Дѣти это отлично могли бы употреблять для пусканія мыльныхъ пузырей...

Комиссаръ, явно досадуя, откинулся на спинку кресла.

— А еще?!

— А еще...

Послѣ нѣкотораго раздумья профессора, замѣтившаго, что въ нѣкоторыхъ изъ трубокъ имѣется желтоватый налетъ, вдругъ осѣнило, и онъ уже съ нѣкоторымъ торжествомъ объявилъ:

— Я думаю, изъ этого возможно также курить папиросы...

Тутъ ужъ «обвиняемый» не выдержалъ, и, владѣя прекрасно нѣмецкимъ языкомъ, оживленно обратился съ своимъ словомъ къ почтенному эксперту.

— Я весьма счастливъ, что Вы, г. профессоръ признали научно возможность подобнаго использованія этихъ стеклянныхъ трубокъ, тѣмъ болѣе счастливъ, что я уже тридцать лѣтъ пользуюсь ими именно для подобнаго употребленія и называю ихъ мундштуками.

Профессоръ выразилъ горделивую радость на своемъ добродушномъ лицѣ. Ему было видимо пріятно, что его научная гипотеза получила столь блистательное подтвержденіе. Онъ не безъ нѣкоторой торжествующей ироніи обратился къ комиссару:

— Вы меня вызвали по телефону изъ Франкфурта, но это онъ самъ бы Вамъ лучше сказалъ чѣмъ я. Надо было его спросить...

Г. комиссаръ объявилъ экспертизу законченной лишь послѣ того, какъ и профессоръ и онъ самъ еще разъ понюхали тѣ трубки, которыя казались закоптѣвшими изнутри, и послѣ того какъ «обвиняемый» далъ удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ: зачѣмъ у него такое количество подобныхъ мундштуковъ?

Отвѣтъ содержалъ указанiе, что не всегда имѣются досугъ и охота тотчасъ же промывать ихъ, а чтобы всегда былъ на готовѣ чистый мундштукъ, возится цѣлая дюжина.

Профессоръ одобрительно закивалъ головой. Онъ самъ не куритъ и считаетъ никотинъ весьма вреднымъ для здоровья, предусмотрительность русскаго курильщика цѣлесообразна...

Нависшая надъ головой „русскаго шпiона" грозовая туча стала расползаться. Онъ вздохнулъ свободнѣе. Слѣдственный комиссаръ, однако, не сразу сдался. Такова ужъ психологiя всякаго кулака, занесеннаго, чтобы ударить. Разжимается кулакъ неохотно.

„Обвиняемому" приказано было возвратиться въ тюрьму и ждать дальнѣйшихъ распоряженiй. Только спустя еще двадцать часовъ Z. было объявлено, что онъ можетъ переселиться въ гостиницу „Минерва", гдѣ долженъ находиться подъ домашнимъ арестомъ. Дня три его держали въ этой плохенькой гостиницѣ подъ карауломъ, причемъ не возвращали и багажа, такъ что нельзя было ни выйти, ни смѣнить бѣлья, ни привести себя въ порядокъ.

Химика П. все это время держали еще въ тюрьмѣ. Состоянiе его на службѣ въ Россiи подверглось тщательному изслѣдованiю. Только послѣ того, какъ его

благонадежность удостовѣрили многіе университетскіе профессора, ему возвратили свободу. Тогда же былъ снятъ караулъ въ гостинницѣ „Минерва“, и г. Z получилъ возможность переѣхать въ „Викторію.“ Только тогда ему былъ возвращенъ багажъ. Нѣсколько дней спустя, по просьбѣ Z, слѣдственный комиссаръ выдалъ ему удостовѣреніе въ томъ, что „дѣло по обвиненію (имя рекъ) въ шпіонствѣ“ производствомъ прекращено за недостаточностью уликъ.

XVIII.

Камни летятъ.

Громовымъ ударомъ, недѣлю спустя послѣ нашего водворенія въ „Викторіи“, разнеслась вдругъ вѣсть, что французская, считавшаяся неприступною, крѣпость Бельфоръ взята нѣмцами. Затрезвонили разомъ всѣ колокола, съ кликами ликованія забѣгали нѣмцы по улицамъ, женщины взвизгивали отъ восторга, грозя кулаками по направленію „Викторіи“. Общее уныніе овладѣло обитателями отеля. Вѣсть эта разнеслась часовъ въ 9 утра, колокола все время звонили, весь Гомбургъ былъ на ногахъ, но уже къ 12 часамъ все это оказалось сплошнымъ вымысломъ. Кто-то сообщилъ эту вѣсть по телефону изъ Франкфурта, и, безъ дальнихъ справокъ, ей повѣрили и принялись звонить и ликовать. Въ вечернемъ выпускѣ“ „Francfurter Zeitung“ появилось опроверженіе, и сконфуженные гомбурцы повѣсили носы.

Прислуживавшій намъ за обѣдомъ французикъ не могъ придти въ себя отъ возмущенія: „Oh, les sales blagues... Notrê Belfort est imprenable“!

Въ нашей средѣ была одна пожилая дама-лютеранка. Какъ то въ воскресенье она пошла въ кирху и вер-

нулась возмущенною,—Боже, что тамъ пасторъ проповѣдуетъ... Онъ призываетъ всѣхъ къ враждѣ и обѣщаетъ не только царствіе небесное, но и всякія матеріальныя блага... Онъ обѣщаетъ населенію избавленіе отъ всякой работы въ случаѣ побѣды; на нѣмцевъ будутъ работать только покоренные народы, какъ въ древности рабы, а они, нѣмцы, будутъ господами, свободными предаваться лишь земнымъ наслажденіямъ!

По мѣрѣ того, какъ газетами разносились вѣсти о сокрушительныхъ побѣдахъ германскихъ войскъ, мы начинали чувствовать, какъ атмосфера недоброжелательства сгущается вокругъ всѣхъ насъ, настойчиво задерживаемыхъ въ плѣну.

Кто-то выразилъ опасеніе, что, въ случаѣ нашихъ побѣдъ и побѣдъ союзниковъ, недоброжелательство можетъ достигнуть крайняго напряженія и даже повести къ эксцессамъ. Мои наблюденія подсказывали совершенно обратное. Нѣмцы такъ же высокомѣрны и наглы въ качествѣ побѣдителей, какъ приниженно-льстивы въ качествѣ побѣждаемыхъ. Нѣмецъ способенъ ударить ненавистнаго ему, только пока тотъ слабъ и безсиленъ, но чуть только выравниваются шансы, онъ начинаетъ расшаркиваться и дѣлать видъ, что принципы международнаго права для него—святыня. Не эксцессъ безнадежности, близкій душѣ каждаго страдальца, можетъ руководить имъ въ злобныхъ выступленіяхъ, нѣтъ, онъ злобенъ разсчетливо, пока считаетъ себя побѣдоносцемъ, пока это ему нужно и выгодно.

Въ этомъ я въ особенности убѣдился, когда къ концу нашего двухнедѣльнаго, благополучнаго пребыванія въ „Викторіи“ отель вдругъ неожиданно (казалось-бы!) подвергся двукратному нападенію. Два дня подрядъ въ субботу и въ воскресеніе, начиная съ 9 часовъ вечера, улицу передъ отелемъ запружала огромная толпа, летѣли

камни, звенѣли стекла, толпа силилась прорваться въ ворота, раздавались крики, предъявлялись какія-то требованія, выкрикивались зловѣщія угрозы. Легко представить себѣ душевное состояніе осажденныхъ. Особенно горестно было положеніе супруговъ Бейль, которые, проявляя полное безстрашіе, буквально лѣзли изъ кожи, чтобы обезпечить безопасность своимъ жильцамъ.

На первый взглядъ можно было предположить, что это лишь полусознательный эксцессъ толпы, немогущей долѣе скрывать своихъ враждебныхъ чувствъ къ иностранцамъ. Подкладка оказалась, однако, совершенно иною. Все дѣло было весьма хладнокровно организованно съ опредѣленною меркантильною цѣлью.

Въ первый вечеръ нападенія, т. е. въ субботу, дѣло ограничилось криками, бросаньемъ камней и требованіемъ, предъявленнымъ къ хозяину отеля, „убрать всѣхъ служащихъ иностранцевъ", дабы очистить вакансіи исключительно нѣмцамъ. Г-жа Бейль властно заявила делегатамъ отъ толпы, что служащихъ она держитъ съ разрѣшенія Бургмистра и Начальника Гарнизона и отпуститъ ихъ, если власти этого потребуютъ, причемъ отмѣтила, что въ виду военнаго призыва ей и не откуда взять подходящихъ служащихъ изъ нѣмцевъ. Часамъ къ двѣнадцати ночи, благодаря уговорамъ 3—4 полицейскихъ, бывшихъ въ наличности, толпа, маневрировавшая исключительно на Луизенъ-штрассе, мало по малу разсѣялась. Но уже и въ этотъ вечеръ были отдѣльные грозные выкрики по адресу г. Бейля. Кричали: „долой эльзасца, на фонарь его и т. п.". Г. Бейль, дѣйствительно, родомъ эльзасецъ, но онъ германскій подданый, проведшій всю свою жизнь въ Гомбургѣ. Онъ пользовался здѣсь всеобщимъ уваженіемъ, выбирался на общественныя должности и, мало интересуясь полити-

кой, былъ абсолютно благонадеженъ съ точки зрѣнія самаго требовательнаго нѣмца.

Когда началась война, онъ сдѣлалъ крупное пожертвованіе на Красный Крестъ, и два его молодыхъ сына, еще не кончившихъ ученія, съ повязками Краснаго Креста на рукавахъ, безпрестанно мчались къ вокзалу на своихъ велосипедахъ, встрѣчать раненыхъ. Жена его безъ шума и безъ рекламы ежедневно посылала для раненыхъ на вокзалъ чай, кофе, пиво, кушанья и проч.

Никому въ голову не приходило заподозрить ихъ въ какихъ-либо измѣннических тенденціяхъ. Подкладка яростныхъ противъ нихъ выступленій оказалась совершенно иного сорта. Ихъ отель былъ буквально переполненъ мирными плѣнниками, въ то время, какъ большинство виллъ и отелей пустовало. На почвѣ самой низменной конкурренціи и разыгралось дѣло.

Въ воскресенье, толпа запрудившая Луизенъ-штрассе, часамъ къ десяти вечера была уже вдвое больше вчерашней. Въ ней было много рабочихъ изъ сосѣднихъ фабрикъ и поселковъ. Крики стали болѣе яростными, требованія болѣе настойчивыми, камни летѣли, и со звономъ разлетались стекла, при улюлюканіи женщинъ и подростковъ. Наскоро запертые, глухіе ворота отеля едва выдерживали натискъ толпы. Полицейскіе въ числѣ 5—6 человѣкъ заграждали ворота, но каждую минуту казалось, что ихъ сомнутъ и возьмутъ штурмомъ «Викторію». Гдѣ можно было, потушили огни, всѣ притаились и ждали, что толпа ворвется. Слабонервные впадали въ истерику, дѣти съ любопытствомъ ожидали развязки, болѣе владѣющіе собою испытывали только чувство безсильнаго возмущенія и остраго брезгливаго отвращенія.

Г-жа Бейль не покидала телефона, взывая то къ Бургомистру, то къ г. фонъ-Маку, Начальнику Гарнизона.

Послѣдній, наконецъ, явился съ шестью вооруженными ополченцами. Эти сдѣлали видъ, что намѣрены стрѣлять, и толпа, какъ бы нехотя, отступила отъ воротъ. Начались переговоры. Изъ толпы, кромѣ угрозъ по адресу г. Бейля, послышались настойчивыя требованія, чтобы всѣхъ служащихъ въ отелѣ французовъ немедленно удалили и забрали въ тюрьму. Несчастные французы (ихъ было 5—6) разсѣялись по темному саду и пріютились, гдѣ кто могъ. Начальство пошло на это требованіе, и высокій рыжій офицеръ съ четырьмя делегатами отъ толпы вошелъ въ садъ отеля, проникнувъ въ него черезъ заднюю пустынную улицу, вблизи которой стояла вилла, гдѣ помѣщались мы.

Такъ какъ нѣмецкій офицеръ (хотя бы и добровалецъ) все долженъ дѣлать по военному ритуалу съ крикомъ и грубостью, то и здѣсь все это оказалось на лицо. Несчастныхъ французовъ собрали, окружили и повели въ тюрьму. Кто успѣлъ, совалъ имъ свои „на чай“ отъ чистаго сердца. Грустно было разставаться съ этими общительными, живыми и милыми людьми. Толпа, однако, еще не скоро разошлась, угрозы по адресу Бейля продолжались, кричали, что для него уже облюбованъ фонарь, и г-жѣ Бейль стоило не малыхъ усилій отговорить мужа отъ намѣренія выйти и объясниться съ толпой. Онъ рѣшительно отказывался понять, изъ-за чего весь сыръ-боръ загорѣлся.

Послѣ полуночи толпа стала, мало по малу, рѣдѣть, и, наконецъ, Луизенъ-штрассе опустѣла.

Въ отелѣ, по немногу, стали приходить въ себя. Расходясь на ночлегъ, пожелали другъ другу спокойной ночи.

Не для всѣхъ, однако, сбылись эти пожеланія.

У той виллы, гдѣ мы жили, все было сравнительно спокойно, такъ какъ всѣ сборища и шумъ происходили

на Луизенъ-штрассе. Младшая наша дочь и бонна давно уже спали и не знали даже о всемъ происшедшемъ, такъ какъ вилла стояла въ отдаленной глубинѣ сада, примыкавшей къ безлюдной улицѣ.

Но едва мы успѣли войти къ себѣ, чтобы расположиться на ночь, какъ насъ поразилъ странный шумъ отъ систематическаго бросанія камней въ жалюзи нашихъ оконъ, выходившихъ въ сторону безлюдной улицы. На улицѣ царила полная тишина, никого не было ни видно, ни слышно, но камни летѣли систематически, съ короткими интервалами. Шла правильная бомбардировка не только оконъ нашей виллы, но и двухъ смежныхъ. еще болѣе выдвинутыхъ къ рѣшеткѣ, отдѣляющей садъ отъ улицы. На этихъ виллахъ кое-гдѣ звенѣли стекла, а у насъ только трещали деревянныя жалюзи, и иногда камни гулко шлепались въ стѣну.

Я бросился въ подвальный этажъ, чтобы позвать прислугу, но тамъ все оказалось настежъ и ни одной живой души.

Пробовалъ по телефону говорить съ конторой гостинницы, но телефонъ не дѣйствовалъ.

Дѣло становилось серьезнымъ.

Оставивъ своихъ пока на произволъ судьбы и погасивъ всѣ огни, я и графъ Т. рѣшили пробраться въ контору гостинницы, чтобы оттуда дать знать въ полицію. Прислуги нигдѣ не было видно. Подъ защитой деревьевъ, мимо которыхъ въ темнотѣ пролетали иногда камни, мы кое какъ добрались до конторы отеля.

Первый, кто намъ откликнулся, была г-жа Бейль. Накинувъ на себя легкій капотъ, въ туфляхъ на босу ногу, она ринулась намъ на помощь. Подняла на ноги дежурнаго хаусдинера, позвонила въ полицейскую контору и, освѣтивъ садъ, смѣло пошла къ рѣшеткѣ, выходившей на пустынную улицу. Вскорѣ появился поли-

цейскій. Онъ кое-что видѣлъ: три какихъ-то субъекта, засѣвъ въ канаву противоположнаго сада, метали камни. При его приближеніи они убѣжали. Онъ надѣется, что это больше не повторится...

Чтобы укрѣпить его въ этой надеждѣ, я сунулъ ему въ руку нѣсколько марокъ.

Былъ уже третій часъ ночи, и до утра воцарилось спокойствіе. На утро садовникъ собралъ цѣлую груду булыжниковъ подъ окнами нашей виллы и сосѣднихъ виллъ. Особенно пострадалъ первый этажъ смежной виллы, гдѣ помѣщался выборный членъ Государственнаго Совѣта, И.

Двѣ его маленькія дѣвочки спали въ комнатѣ окнами къ улицѣ. Жалюзи не были спущены, и камни, разбивая стекла, влетали въ середину комнаты. Сонныхъ, перепуганныхъ дѣтей, таясь въ темнотѣ, пришлось переносить въ заднія комнаты, такъ какъ камни долетали до ихъ постелей.

XIX.

Опять у Риттеровъ.

На утро И. побывалъ въ полицейскомъ управленіи и требовалъ составленія протокола. Ему отвѣтили, что и безъ протокола дѣло ясно: кто же станетъ искать виновныхъ? Тогда мы втроемъ (графъ Т., г. И. и я) порѣшили отправиться къ г. фонъ-Маку.

Онъ былъ разстроенъ и съ трудомъ принялъ насъ. Это дѣло его вовсе не касается, касается бургомистра... Притомъ, о чемъ мы, собственно, хлопочемъ, мы цѣлы и невредимы и это уже большое благополучіе.

На нашъ вопросъ, когда же мы можемъ уѣхать, не ожидая дальнѣйшихъ неблагополучій, г. фонъ-Макъ отвѣтилъ гадательно: можетъ быть скоро. Можетъ слу-

читься и такъ, что насъ попросятъ только выѣхать изъ Гомбурга, не разрѣшая еще отъѣзда въ Россію. Къ этому времени стали упорно носиться слухи, что въ Гомбургѣ ожидаютъ германскую императрицу, и что, на время ея пребыванія, насъ всѣхъ арестуютъ, или вышлютъ изъ Гомбурга.

Когда, неся эти недобрыя вѣсти, мы возвратились въ отель, насъ встрѣтилъ г. Бейль новою печальною вѣстью. Прежде всего онъ сообщилъ намъ, что, по его убѣжденью, попытка громить его гостинницу исходила отъ его конкурентовъ, подбивавшихъ чернь и собиравшихъ для этого рабочихъ изъ сосѣднихъ поселковъ. Онъ самъ видѣлъ, какъ сегодня утромъ Риттеръ-сынъ, стоя на улицѣ и разглядывая разбитыя окна, смѣялся и злорадствовалъ по поводу происшедшаго. Отъ бургомистра онъ не добился удостовѣренія, что безпорядки не возобновятся. Полиція не гарантировала неприкосновенности для его жильцовъ, въ виду чего онъ рѣшилъ сегодня же закрыть отель. Всѣ должны были выбраться до вечера, такъ какъ онъ самъ рѣшилъ выѣхать сегодня же изъ Гомбурга. На этомъ безусловно настаивала его жена, имѣвшая основаніе опасаться прямого покушенія на его жизнь. Заходившій къ завтраку въ отель г. фонъ-Застрофъ подтвердилъ намъ необходимость перемѣнить отель. Бейлямъ приписывалось явное франкофильство. Это ему влагали въ уста фразу: «notre Belfort est imprenable», хотя въ ней онъ былъ совершенно неповиненъ.

Настоящій вопль отчаянія понесся по гостинницѣ. Горевали не только кліенты «Викторіи», но и вся администрація и прислуга отеля. Послѣдняя была очень привязана къ своимъ хозяевамъ. Всѣ ихъ очень хвалили и возмущались происшедшимъ.

Прослышавъ о закрытіи «Викторіи», многіе вла-

дѣльцы виллъ, санаторій и мелкихъ отелей ринулися съ задняго хода заманивать къ себѣ жильцовъ, обѣщая также кредитъ и всякія удобства. Г-жа М., успѣвшая повидаться съ г-жею Риттеръ, сообщила намъ, что всю нашу компанію ждутъ въ „Ritter'r Park Hotel'ѣ", гдѣ уже готово для насъ помѣщеніе.

Какъ это ни было грустно, но выбора не оставалось. Забираться въ санаторію или на виллу не хотѣлось, а кромѣ «Паркъ-Отеля» подходящей гостиницы не оказывалось.

Опять пошла спѣшная укладка и собираніе своихъ пожитковъ. Къ вечеру вся довольно дружно сплотившаяся компанія плѣнныхъ «Викторіи» разсыпалась кто куда. Прощаніе съ Бейлями было трогательно. Они не потребовали ни отъ кого денегъ, всѣ только подписывали свои счета. Такъ какъ мы выѣзжали послѣдними, то видѣли, какъ въ глухой улицѣ появился автомобиль, въ который съ провизіей и багажемъ усадили Бейла. Жена его поѣхала проводить его до Франкфурта, откуда онъ долженъ былъ переправиться въ Швейцарію, гдѣ у madame Бейль были родные. Сама она рѣшила возвратиться въ Гомбургъ, чтобы убрать все въ отелѣ, разсчитать людей, закрыть отель на зиму и остаться жить въ маленькой виллѣ съ двумя сыновьями, ходившими еще въ школу. Эта мужественная женщина положительно восхищала всѣхъ, кто видѣлъ ее въ эти трудныя для нея минуты.

Въѣхали мы опять въ «Паркъ-Отель» Риттеровъ. Чувство щемящей тоски овладѣло нами. Неужели опять и надолго? Въ отелѣ оставались еще кое-кто изъ американцевъ, въ томъ числѣ и красавица-американка съ больнымъ мужемъ. Съ этой стороны мы встрѣчали только участливое вниманіе и бережное отношеніе. Но г-жа Риттеръ съ своей вѣчной газетой въ рукахъ, съ

безтактными сообщеніями о нѣмецкихъ побѣдахъ и звѣрствахъ казаковъ, была во истину невыносима. Въ холлѣ висѣла карта войны, она разставляла флажки и одинъ флажокъ нѣмецкій,—успѣла уже воткнуть въ самый Парижъ; не все-ли равно: не сегодня завтра его возьмутъ!

Правда этотъ флажокъ вскорѣ кто-то украдкой отставилъ, и мы поняли, что взятіе Парижа не такъ уже близко, но Бельгія была уже несомнѣнно завоевана, а о томъ, что творилось въ Россіи, свѣдѣнія были весьма скудны. Сразила насъ только вѣсть о пораженіи подъ Сольдау, причемъ число плѣнныхъ съ каждымъ номеромъ газеты все росло и остановилось на ста двадцать тысячахъ.

Спустя дней десять послѣ нашего водворенія въ «Паркъ-Отелѣ», жена и я почти разомъ получили крупныя денежныя суммы изъ Россіи черезъ Стокгольмскій банкъ. Это дало намъ радостную возможность расплатиться со всѣми долгами. Особенно я былъ счастливъ возможности снести довольно крупную сумму долга г-жѣ Бейль. Мы нашли ее въ томъ самомъ помѣщеніи виллы, гдѣ жили передъ тѣмъ сами. Она жила одна съ дѣтьми и женской прислугой и только запаслась револьверомъ. Встрѣча была сердечная, дружеская. Она была счастлива, что мужъ въ безопасности. Теперь ей было совершенно ясно, что вся исторія съ погромомъ ихъ отеля была вызвана происками конкурентовъ. По этому предмету ей удалось собрать кое-какія данныя. Позднѣе, когда уже былъ рѣшенъ нашъ отъѣздъ изъ Гомбурга, мы еще разъ побывали у г-жи Бейль, чтобы съ нею проститься. Она просила, въ случаѣ нужды, удостовѣрить всѣ обстоятельства нападенія на ихъ отель, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, и подтвердить, что закрытіе отеля явилось актомъ, подстроеннымъ и

вынужденнымъ вслѣдствіе отказа мѣстной администраціи оградить безопасность обитателей «Викторіи».

Исполняю ея просьбу охотно и свидѣтельствую во всеуслышаніе: поведеніе мѣстной администраціи Гомбурга по отношенію къ гг. Бейлямъ было сплошною низостью!

Полученное нами денежное подкрѣпленіе, обезпечивающее возможность самаго комфортабельнаго переѣзда въ Россію, особенно остро поставило передъ нами вопросъ: когда же, наконецъ, это сбудется? Въ такомъ же положеніи какъ мы оказались и большинство русскихъ, жившихъ раньше въ «Викторіи». Всѣ, болѣе или менѣе, широко обезпечили себя, получили возможность не нуждаться въ денежныхъ средствахъ. Кто лично еще не получилъ изъ Россіи, тотъ могъ уже разсчитывать теперь на помощь товарищей по несчастью. Словомъ сказать, нетерпѣливѣе чѣмъ когда-либо становилось настроеніе: скорѣе бы выбраться изъ плѣна! Противными казались всѣ эти улицы, дома, парки, источники, ненавистными—всѣ встрѣчные лица, а тутъ еще музыка въ курзалѣ, назойливо—услужливый Хассанъ, еще болѣе назойливая и потому ненавистная г-жа Риттеръ...

Нервы у всѣхъ «плѣнниковъ» были натянуты донельзя, происходили ссоры, недоразумѣнія. Каждый готовъ былъ винить другого за то, что насъ такъ долго задерживаютъ; приписывали это безтактности то одного, то другого выдающагося по своему іерархическому положенію русскаго... Словомъ пошла общая неразбериха въ самочувствіи, слухахъ и ожиданіяхъ. Хотѣлось, какъ можно меньше встрѣчъ, меньше разговоровъ и менѣе всего... сенсаціонныхъ слуховъ.

XX.

Новое разочарованіе.

Среди такого водоворота настроеній и разочарованій, одна личность была неизмѣнно всѣмъ пріятна и даже необходима. Я упоминалъ уже (по поводу избіенія нашихъ виллъ камнями) о г. И., членѣ Государственнаго Совѣта по выборамъ, представителѣ крупнаго промышленнаго предпріятія на Уралѣ. Простой русскій человѣкъ, еще молодой, получившій въ Германіи спеціальное образованіе горнаго инженера, онъ ровностью своего характера, неизмѣнною заботою объ общихъ нуждахъ соотечественниковъ и дѣловитою освѣдомленностью снискалъ себѣ не только всеобщее уваженіе, но и глубочайшую признательность.

Безъ Фил. Антон. ничто какъ-то не ладилось, онъ у всѣхъ былъ не только на языкѣ, но и на умѣ и на сердцѣ. Когда мы поѣдемъ? Это долженъ былъ раньше всѣхъ знать Ф. А., онъ же долженъ былъ организовать и поѣздку и обо всемъ позаботиться. Ужъ если Ф. А. говоритъ, что ѣхать нельзя, значитъ нечего пока объ этомъ и думать, а вотъ когда Ф. А. скажетъ...

И вдругъ Ф. А. сказалъ сперва въ видѣ слуха, а потомъ уже и положительно: „фонъ-Макъ, Garnison Kommando, уполномоченъ выдавать разрѣшенія на выѣздъ изъ Германіи"...

Въ тотъ же день мы съ женой (у насъ было два паспорта) бросились къ г. фонъ-Маку. Накрапывалъ мелкій дождь, когда мы подходили къ его дому. Когда мы вошли въ его садикъ и направились къ бесѣдкѣ, гдѣ онъ съ фонъ-Застрофъ принималъ просителей, разразилась сильнѣйшая гроза, посыпались ударъ за ударомъ и полился ливень. Г. фонъ-Макъ, собравъ свои

бумаги, на бѣгу попросилъ насъ послѣдовать за нимъ въ домъ. Онъ привелъ насъ въ свой кабинетъ, куда пригласилъ и г. фонъ-Застрофа и былъ съ нами все время черезвычайно любезенъ. Жену мою все время именовалъ „Gnädige Frau“, а меня „Herr Doktor“ и предлагалъ папиросъ.

Къ неописуемой нашей радости, онъ объявилъ, что выдастъ намъ разрѣшеніе на выѣздъ, какъ мы пожелаемъ: черезъ Берлинъ, или Гамбургъ, на Копенгангенъ, или черезъ Швецію. Онъ сталъ диктовать г. фонъ-Застрофу, и тотъ писалъ удоствѣреніе, въ которомъ было обозначено, что такой-то съ супругой, чадами и домочадцами, всего числомъ шестеро, вправѣ отбыть изъ Германіи въ Россію. Была приложена и печать рядомъ съ подписью: „Garnison Kommando, Leutenant von Mak“. Отъ радости у насъ кружились головы, мы спѣшили встать и откланяться. Но нѣтъ, любезность г. фонъ-Мака не позволила ему отпустить насъ подъ жестокій ливень и внезапно начавшій падать градъ. Онъ просилъ насъ переждать грозу, такъ какъ вблизи извозчика нельзя было бы достать.

Мы снова присѣли.

Въ зеркалѣ, висѣвшемъ надъ каминомъ, отражалось чье-то любопытствующее, женское лицо, разглядывавшее насъ изъ сосѣдней комнаты. Эта пожилая дама была супруга г. фонъ-Мака. Очевидно, она полагала, что намъ ее не видно. Вся скромная буржуазная обстановка благотворно дѣйствовала на нервы. Въ любезномъ хозяинѣ мы не узнавали прежняго командира-крикуна.

Но вдругъ онъ заволновался, внезапно вспомнивъ о чемъ-то; что-то очевидно его безпокоило.

— Ахъ, кстати, кстати, Herr Doktor, обратился онъ ко мнѣ. Здѣсь у меня давно сидитъ какой-то русскій... Онъ не говоритъ иначе какъ по-русски. Будьте добры

послужите намъ переводчикомъ: у него какой-то вопросъ... юридическій... вы намъ дадите совѣтъ. Онъ толкуетъ о какой-то эк... экс... экстериторіальности (на этомъ словѣ онъ нѣсколько разъ запнулся). Я бы желалъ дѣйствовать во всемъ, строго соображаясь съ международнымъ правомъ!

Я невольно переглянулся при этихъ словахъ съ женой, мой иронически-вопросительный взглядъ перехватилъ неглупый г. фонъ-Затрофъ, и хитрой ужимкой скрылъ свою улыбку. Изъ прихожей гдѣ, повидимому, его заставили уже долго ждать, появился какой-то молодой человѣкъ скромнаго вида, очевидно не мало переволнованный долгимъ напраснымъ ожиданіемъ. Симпатичное лицо его мнѣ показалось знакомымъ, но я не могъ припомнить, гдѣ именно раньше его встрѣчалъ.

— Спросите его, что ему отъ меня нужно?—обратился ко мнѣ г. фонъ-Макъ, заранѣе начальственно уже повышая голосъ.

Изъ разспросовъ моихъ оказалось, что передо мною пречетникъ русской церкви и вмѣстѣ регентъ вольнаго церковнаго хора г. Гомбурга.

Онъ кончилъ курсъ духовной академіи и, въ виду слабаго здоровья, испросилъ себѣ командировку въ Гомбургъ на этотъ лѣтній сезонъ. Онъ полагаетъ, что онъ значится приписаннымъ къ составу русской миссіи и потому, въ силу начала экстериторіальности, не подлежалъ бы задержанію.

Когда я объяснилъ г. фонъ Маку въ чемъ дѣло, онъ сталъ приставать ко мнѣ все съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ:

— Спросите, спросите, а ему клали на голову руку?... Клали ему на голову руку?..—и почему-то сталъ (уже) раздражаться.

Я догадался, что его интересуетъ вопросъ: рукополо-

женъ ли молодой человѣкъ во священство? Отвѣтъ былъ отрицательный, но при этомъ я пояснилъ, что рѣчь идетъ собственно не объ этомъ, а объ его правахъ на экстериторіальность. Вскользь я упомянулъ, что онъ собственно причетникъ временный, такъ какъ уже окончилъ курсъ духовной академіи, что на ихъ языкѣ значитъ: докторъ теологіи.

Надо было видѣть какъ внезапно преобразился суровый г. фонъ-Макъ, передъ которымъ все время на вытяжку стоялъ молодой человѣкъ.

— Такъ садитесь, садитесь-же, разъ вы докторъ теологіи! Что же вы стоите?... и придвинулъ ему стулъ.

Я разсудилъ, что молодой человѣкъ (фамиліи его не припоминаю) долженъ черезъ испанскаго консула въ Франкфуртѣ навести справку, значится-ли онъ въ спискахъ посольства, и если да, то получить объ этомъ надлежащее удостовѣреніе отъ испанскаго посла въ Берлинѣ и, черезъ него-же, настаивать на своей экстериторіальности.

Когда я объяснилъ г. фонъ Маку, въ чемъ состоялъ мой совѣтъ молодому соотечественнику, онъ даже подскочилъ на своемъ рабочемъ креслѣ.

— Вотъ, вотъ, это—совѣтъ!.. Поѣзжайте въ Франкфуртъ, я васъ отпускаю... Хлопочите! А то торчитъ у меня безъ толку по цѣлымъ часамъ въ прихожей..,

Ливень между тѣмъ прекратился, раскаты грома доносились только издалека, мы поспѣшили откланяться. Г. фонъ-Макъ пожелалъ намъ счастливаго пути, а галантность г. гонъ-Застрофа дошла до того, что онъ «Gnädige Frau», т. е. моей женѣ, почтительно поцѣловалъ руку.

Мы пустились въ „Паркъ Отель“, ногъ подъ собою не слыша. Неужели правда, что мы уѣдемъ завтра, если успѣемъ собраться, или самое позднее на другой день?

Подходя къ отелю, встрѣтили милѣйшаго Фил. Ант. И. и сенатора Z. У Ф. А. котелокъ сдвинулся на затылокъ и онъ усиленно жестикулировалъ, что всегда было вѣрнымъ признакомъ большого душевнаго подъема или волненія.

Они объяснили намъ, что заходили въ отель проститься съ нами. Имъ также было дано г. фонъ-Макомъ разрѣшеніе на выѣздъ, и они рѣшили выѣхать съ первымъ же поѣздомъ, отходящимъ въ 4 часа ночи изъ Гомбурга. Чтобы миновать Берлинъ, они порѣшили ѣхать на Гамбургъ, Копенгангенъ, причемъ обѣщали подождать насъ сутки въ Гамбургѣ, чтобы переѣхать границу вмѣстѣ. Въ случаѣ какихъ либо затрудненій въ пути обѣщали срочно телеграфировать.

Мы простились съ ними какъ съ добрыми, навсегда милыми друзьями.

Придя къ себѣ на верхъ, тотчасъ-же подняли цѣлый радостный переполохъ. Укладка шести обжившихся уже на мѣстѣ лицъ дѣло не легкое. До поздней ночи возились съ этимъ. Порѣшили выѣхать не въ эту же ночь, такъ какъ не могли бы получить билетовъ, но въ слѣдующую непремѣнно. Одновремено съ нами долженъ былъ выѣхать и графъ Т. Супружество М. выѣхать еще не могло, такъ какъ М. былъ отставной военный и призывнаго возраста. Ночь, разумѣется, провели безпокойно. Все какъ то не вѣрилось въ удачу и собственное счастье.

На утро, противъ обыкновенія, я поднялся рано. Часовъ въ 8 я уже былъ на балконѣ, выходившемъ въ сторону парка, и пилъ утреннее кофе. Вдругъ, вижу и глазамъ своимъ не вѣрю. По направленію къ нашему отелю шагаютъ отчаянно жестикулируя Фил. Ант. и сенаторъ Z..., тѣ самые, которые должны быть уже давно въ вагонѣ и мчаться на всѣхъ парахъ въ Гамбургъ.

У. Ф. А. И. котелокъ болѣе чѣмъ когда либо сдвинутъ на затылокъ. Машу имъ, дѣлаю знаки, стараюсь окликнуть. Наконецъ, замѣтили, даютъ успокоительно понять, что именно къ намъ то они и направляются.

— Какъ, что, въ чемъ дѣло?!...

Дѣло оказывается въ томъ, что когда часамъ къ 3-мъ ночи они уже встали, побудили дѣтей (рѣчь идетъ о семействѣ Ф. А. И.), чтобы отправляться на вокзалъ, хозяинъ виллы, гдѣ жили И. принесъ печатное объявленіе, разосланное всюду полиціей и ночью раскленное по городу, въ которомъ значилось, что всѣ разрѣшенія, выданныя русскимъ плѣнникамъ на выѣздъ отъ г. Garnison Kommando недѣйствительны, и что каждый, получившій такое удостовѣреніе, обязывается возвратить его сегодня же до 10 час. утра подъ страхомъ... (все тотъ же припѣвъ!) подозрѣнія въ шпіонствѣ.

Полагаемся на воображеніе читателя. Пусть онъ самъ представитъ себѣ, что мы должны были испытать.

Даже на бумагѣ не хочется за ново переживать этихъ тяжелыхъ минутъ...

Когда я сообщилъ графу Т. объ объявленіи, онъ не хотѣлъ вѣрить и заторопился ѣхать къ фонъ-Маку, чтобы выяснить, очевидное, по его мнѣнію недоразумѣніе. Я отправился вмѣстѣ съ нимъ. У дома г. фонъ-Мака ворота оказались на глухо запертыми, а двое юношей, сторожившихъ ихъ, безцеремонно отобрали у насъ разрѣшенія на выѣздъ и заявили, что они недѣйствительны, а Garnison Kommando сейчасъ въ отлучкѣ и никого принимать не будетъ. Мы заѣхали еще въ полицію, думая тамъ узнать что нибудь. Но тутъ полицейскіе чины, дипломатично переглядываясь между собою, отмалчивались; только одинъ изъ нихъ, какъ бы не хотя, проронилъ: «Это все дѣло рукъ г. фонъ-Мака его и надо спрашивать!». Мы вернулись въ отель совершенно обезкураженные.

Директоръ отеля, узнавъ въ чемъ дѣло, флегматично замѣтилъ: «Чего же вы хотите отъ фонъ-Мака, вѣдь онъ всегда путаетъ... Онъ этимъ давно извѣстенъ въ Гомбургѣ»!

Впослѣдствіи пошли слухи, что это господа содержатели отелей и владѣльцы виллъ сыграли съ нами злую шутку. Пронюхавъ, что фонъ-Макъ даетъ разрѣшенія на выѣздъ мирнымъ плѣннымъ, они кинулись въ Франкфуртъ къ высшему начальству и добились отмѣны разрѣшенія. Имъ было выгодно теперь имѣть подневольныхъ жильцовъ, у которыхъ къ тому же завелись наличные, такъ какъ сезонъ разомъ оборвался, и всѣ, кто могъ покинуть Гомбургъ, его уже покинули.

Безсильная злоба душила насъ при одной мысли, что насъ задерживаютъ, чтобы нами-же кормились ненавистные нѣмцы!

XXI.

Новыя мытарства.

Еще добрый мѣсяцъ пришлось намъ еженедѣльно обогащать оскуднѣвшую кассу «Ritter's Park Hotel'a», который съ каждымъ днемъ становился дла насъ все ненавистнѣе. Во истину—тюрьма, только безъ желѣзныхъ рѣшетокъ въ окнахъ.

Въ теченіе четырехъ дней мы-впрочемъ, и доподлинно пребывали подъ арестомъ. По случаю наѣзда германской императрицы въ Гомбургъ всѣмъ намъ, по распоряженію полиціи, запрещено было выходить на улицу и вообще покидать отель. Запрещеніе распространялось на всѣхъ русскихъ, англичанъ и французовъ безъ различія пола и возраста. Дѣти и тѣ были лишены возможности выйти въ паркъ. Въ эти дни телеграммы намъ подава-

лись распечатанными со штемпелемъ: «просмотрѣно» «Garnison Kommando».

Отъ испанскаго посла въ Берлинѣ и франкфуртскаго консула, которыхъ мы всѣ засыпали прошеніями, письмами и телеграммами, перестали даже приходить отвѣты. Неизвѣстность относительно срока нашего отъѣзда была полная.

Только Фил. Ант. И. повидимому не унывалъ и все на что-то надѣялся. Мы знали, что онъ хлопочетъ какъ то „съ другого конца", и очень вѣрили въ его практическую сметку. И дѣйствительно, скоро пошли слухи, что русскій торгово-промышленный миръ, связанный дѣлами съ „Deutsche Bank", что-то черезъ этотъ банкъ для мирныхъ плѣнниковъ налаживаетъ. Нетерпѣливое ожиданіе момента отъѣзда дошло у насъ до кульминаціонной точки, когда разнеслась вѣсть, что изъ Берлина отправка русскихъ на родину уже налажена и нѣсколько партій отправлено. Я телеграфировалъ С. въ Берлинъ, онъ подтвердилъ это обстоятельство и вновь совѣтовалъ ѣхать въ Берлинъ, полагая, что этимъ путемъ мы скорѣе выберемся на родину.

Сложными телеграфными сношеніями, при любезномъ и совершенно безкорыстномъ содѣйствіи одного весьма извѣстнаго берлинскаго адвоката, мнѣ удалось втеченіи пяти дней получить телеграфное разрѣшеніе берлинскаго General Komando прибыть съ семьею въ Берлинъ.

Фил. Ант. И. не совѣтовалъ намъ этого переѣзда, обѣщая, что не сегодня, завтра насъ всѣхъ отправятъ прямымъ поѣздомъ до границы, на Сасницъ, но мы все таки рѣшили обезпечить себѣ, на всякій случай, и этотъ путь.

Надо было явить разрѣшеніе въ мѣстной полиціи и имѣть еще санкцію франкфуртскаго General Komando на оставленіе предѣловъ его командатуры.

Въ гомбургскомъ полицейскомъ управленіи весьма любезно и безъ задержки продѣлали все, что требовалось: отмѣтили о неимѣніи препятствій къ выѣзду, приложили печать и вложили удостовѣренное телеграфное разрѣшеніе въ конвертъ, который запечатали своей печатью, адресовавъ его на имя General Komando въ Франкфуртѣ. Пакетъ сдали мнѣ же на руки, объяснивъ, что я самъ долженъ его доставить по назначенію.

По наслышкѣ я зналъ, что пріемъ у General Komando отъ 2 до 5 часовъ дня, поэтому тотчасъ же, не теряя времени, сѣлъ въ трамвай и поѣхалъ въ Франкфуртъ.

Во все время нашего плѣненія я воздерживался отъ этихъ поѣздокъ. Ужъ очень противно было чувствовать себя среди шовинистски настроенныхъ бравурныхъ нѣмцевъ, заполнявшихъ улицы, съ оттисками послѣднихъ телеграммъ въ рукахъ. Все кричало о побѣдахъ, все побѣдоносно лѣзло наружу. На всѣхъ площадяхъ дѣти играли въ войну, искалачивая „обозначенныхъ" русскихъ и французовъ, таскали игрушечные носилки съ ранеными, хоронили ген. Рененкампфа.

Самъ я этого не видѣлъ, но мнѣ передавали, что иногда измывались также надъ чучелами англичанъ, русскихъ и французовъ, изображая ими представителей враждебныхъ державъ. Въ такихъ „играхъ" принимали живѣйшее участіе и взрослые, причемъ особенно усердно „работали" дамы своими зонтиками.

На площади, гдѣ останавливался трамвай, я встрѣтилъ одного русскаго еврея, также изъ Гомбурга. Онъ съ большой охотой и обязательностью взялся меня проводить до Командатуры. Узнавъ, зачѣмъ я пріѣхалъ онъ полюбопытствовалъ имѣю-ли я какую-нибудь протекцію или хотя бы рекомендацію къ генералу. Я отвѣчалъ, что не имѣю никакой. Онъ покачалъ головой и сказалъ: „напрасно!" При этомъ онъ мнѣ

показалъ визитную карточку нѣкоего гомбургскаго курортнаго заправилы графа Ц, на которой было что-то написано по нѣмецки. Тутъ я невольно вспомнилъ эпизодъ съ этимъ графомъ Ц. Когда мы только-что водворились въ „Викторіи“ онъ приходилъ къ одному изъ насъ русскихъ проситъ въ займы 500 марокъ, мотивируя просьбу тѣмъ, что за какой-то пустяшный долгъ у него описано все квартирное имущество. Этотъ русскій не имѣлъ въ то время денегъ и отказалъ ему въ займѣ.

По ассоціаціи представленій я спросилъ у моего спутника—еврея: „вы одолжили этому графу Ц. 500 марокъ?“

Мой спутникъ такъ и развелъ руками: „а вы откуда знаете?..“

Входъ въ Командатуру былъ изъ подъ воротъ, которые оказались на глухо запертыми. У воротъ стоялъ безъ шапки франтоватый писарь съ вьющейся шевелюрой и въ формѣ. Когда мы его спросили, можно-ли видѣть генерала, онъ молча, но живописно указалъ на объявленіе, наклеенное на воротахъ. Въ объявленіи значилось, что General Komando отнынѣ не принимаетъ болѣе иностранныхъ поданныхъ воюющихъ съ Германіей державъ.

— Но какъ же быть? Я имѣю пакетъ, адресованный полиціей на его имя...

— Пакетъ?... Давайте сюда пакетъ... и не ожидая, чтобы я его ему подалъ, онъ выхватилъ его у меня изъ рукъ, надорвалъ край и тутъ же на улицѣ, бросивъ конвертъ, извлекъ мою разрѣшительную телеграмму, которую я берегъ пуще глаза.

— Ладно, увидимъ разрѣшатъ-ли!—авторитетно замѣтилъ франтъ-писарь, пробѣжавъ глазами текстъ телеграммы. Зайдите за отвѣтомъ дня черезъ три...

Я хотѣлъ было взмолиться, но мой спутникъ-еврей

сдѣлалъ мнѣ знакъ, что не стоитъ, что лучше покориться и отвелъ меня въ сторону.

— Такъ вы ничего не добьетесь, завтра пріѣзжайте съ какимъ нибудь нѣмцемъ, нѣмецъ вамъ устроитъ... Поѣзжайте себѣ въ Гомбургъ. Не безпокойтесь, телеграмма не пропадетъ, я съ нимъ поговорю. А теперь я вернусь и попробую пробраться къ генералу...

Я поѣхалъ обратно въ Гомбургъ въ самомъ мрачномъ настроеніи духа.

На другой день черезъ одного знакомаго я столковался съ мѣстнымъ врачемъ В., который согласился съѣздить со мной въ Франкфуртъ похлопотать насчетъ разрѣшенія намъ выѣхать въ Берлинъ.

Меня въ Комендатуру не пустили (т. е. пустили постоять подъ воротами, такъ какъ шелъ дождь, но не дальше), а В. отправился наверхъ добиться ауденціи у генерала. Отсутствовалъ онъ долго и возвратился ни съ чѣмъ. Генералъ находилъ, что намъ совершенно незачѣмъ ѣхать въ Берлинъ, что и безъ насъ тамъ русскихъ слишкомъ много; при этомъ, по словамъ В., онъ совершенно конфиденціально далъ ему понять, что насъ скоро отправятъ до границы непосредственно изъ Гомбурга. Я упросилъ В., по крайней мѣрѣ, выручить мнѣ мою телеграмму обратно „на память". Онъ колебался—нужно-ли это, но, въ концѣ концовъ, исполнилъ мою просьбу. Телеграмму эту я сохранилъ какъ вещественное доказательство несогласованности взглядовъ двухъ нѣмецкихъ комендатуръ: берлинской и франкфуртской. Въ этомъ, все таки, усмотрѣлъ нѣкоторое утѣшеніе.

Когда я сообщилъ графу Т. о моихъ мытарствахъ въ Франкфуртѣ, онъ возмутился духомъ и рѣшилъ во что бы то ни стало добиться того, чтобы быть принятымъ самимъ генераломъ. Онъ пообѣщалъ выяснить

окончательно, отпустятъ ли насъ когда нибудь, и если отпустятъ, то когда именно?

Поѣздка его въ Франкфуртъ внесла, однако, новое разочарованіе.

Генералъ послѣ долгихъ настояній принялъ его, принялъ корректно, но исключительно сухо и холодно. Даже не предложилъ графу сѣсть. Предположительно онъ допускалъ возможность болѣе или менѣе близкаго отъѣзда русскихъ плѣнныхъ въ Гомбургѣ на родину, но относительно самаго графа замѣтилъ, что его, какъ носящаго придворное званіе, едва-ли вообще отпустятъ. Сослался генералъ при этомъ на то, что въ Россіи нѣмцевъ его ранга будто бы также не выпускаютъ.

Графъ Т. возвратился совершенно обезкураженный. Онъ нервничалъ, раздражался, рѣшительно не переваривалъ больше г.г. Риттеровъ и особенно г-жу Риттеръ, которая съ прежнею безтактностью продолжала или носиться по отелю съ новостями о пораженіи русскихъ, или торчала у карты военныхъ дѣйствій, переставляя побѣдоносно нѣмецкіе флажки.

Для полноты нашего общаго самочувствія недоставало только одного, но и это одно намъ неожиданно приподнесли. Въ конторѣ отеля появилась сфабрикованная курортной администраціей подписка, которую предложили первому подписать графу Т., а затѣмъ и всѣмъ намъ. Въ подпискѣ значилось, что всѣ мы (мирные гомбургскіе плѣнные) въ полномъ восторгѣ отъ пребыванія въ Гомбургѣ и отъ неизмѣнно—предупредительнаго отношенія къ намъ со стороны курортной и мѣстной администрацій.

Надо было видѣть съ какимъ лицомъ графъ Т. вышелъ изъ конторы отеля, отказавшись на отрѣзъ дать свою подпись. Нечего и говорить, что мы всѣ послѣдовали его примѣру. Подобныя же подписки циркули-

ровали и въ другихъ отеляхъ и на виллахъ. Насколько намъ извѣстно, никто изъ русскихъ не согрѣшилъ своею подписью на этихъ рекламныхъ воззваніяхъ.

XXII

„Святой Филиппъ".

Между тѣмъ слухи о скоромъ нашемъ отъѣздѣ, то совершенно замирали, то воскресали съ новою настойчивостью. Неопредѣленность положенія нервировала всѣхъ, и подчасъ нервность достигала уже явно патологическихъ проявленій. Приходилось даже слѣдить за близкими, опасаясь эксцессовъ, вплоть до покушеній на самоубійства включительно. Особенно тяжело было положеніе тѣхъ, кто былъ съ большими семьями, такъ какъ настроеніе каждаго въ отдѣльности захватывало всю семью, а на долю каждаго поочередно выпадали очень тяжелыя минуты раздумья и даже малодушнаго отчаянья.

Въ противовѣсъ угнетенному дешевному состоянію большинства плѣнниковъ, очень бодрило всѣхъ неизмѣнно ровное поведеніе Фил. Ант. И., неустанно хлопотавшаго о каждомъ, кто только въ немъ нуждался. И съ поѣздкою, которой мы наконецъ таки дождались, устроилъ и наладилъ все онъ. Одна дама, близко видѣвшая и по достоинству оцѣнившая всѣ его услуги, заранѣе объявляла, что какъ только мы доберемся благополучно до Стокгольма, она тотчасъ же провозгласитъ тостъ «за святого Филиппа", т. е. за Ф. А. И.

Мы съ тѣхъ поръ его такъ и прозвали «святымъ Филлипомъ». Такъ вотъ святой-то Филиппъ въ первыхъ числахъ сентября нашего стиля, наконецъ, порадовалъ насъ доброю вѣстью, день отъѣзда близится, завтра появится распоряженіе готовиться къ нему. Дѣйстви-

тельно, на другой день въ отеляхъ появилось печатное объявленіе, приглашающее всѣхъ иностранныхъ подданныхъ, желающихъ выѣхать на родину, явиться съ своими паспортами въ полицейское управленіе.

На основаніи такихъ заявокъ полицейскимъ управленіемъ дня 2—3 составлялись списки. Списки эти были переправлены затѣмъ къ General Komando въ Франкфуртъ, а затѣмъ должны были вернуться къ Ландрату, которому было предоставлено дѣлать соотвѣтствующія отмѣтки на паспортахъ.

Въ эти дни волненіе мирныхъ плѣнниковъ достигло крайнихъ предѣловъ: кого отпустятъ, кого нѣтъ!?..

Паралельно съ этимъ организовалась запись на проѣздные билеты въ мѣстномъ „Reise—Bureau".

Всѣ безъ исключенія спѣшили записаться хотя бы «на всякій случай».

Подъ шумокъ нѣмецкая контора наживалась, какъ только могла и умѣла.

Появилось, напримѣръ, требованіе, чтобы каждый внесъ по одной маркѣ на телеграмму для выясненія дня отъѣзда. Всѣхъ насъ было 170 человѣкъ, и сто семьдесятъ марокъ невозбранно перешли въ карманъ г. , подъ предлогомъ какой то (очевидно одной) телеграммы.

Когда началась выдача билетовъ; шли толки, что пассажировъ первыхъ двухъ классовъ повезутъ чуть ли не по царски, во всякомъ случаѣ, у каждаго будетъ нумерованное мѣсто. За это они облагались обязательствомъ, на которое, впрочемъ, всѣ пошли очень охотно: на каждые два билета перваго и на три второго приплачивать еще за билетъ 3-го класса, считая весь путь до Петрограда. Это было необходимо для лицъ, которые не имѣли средствъ оплатить свой переѣздъ на родину.

Обѣщанныя удобства, однако, не имѣли мѣста. Пассажирамъ перваго класса было нисколько не лучше чѣмъ остальнымъ; двѣ ночи, проведенныя въ вагонѣ, пришлось жаться, сидя въ тѣснотѣ на своихъ мѣстахъ, безъ возможности вытянуть ноги, причемъ въ вагонахъ было и холодно и грязно.

Дня за два до нашего отъѣзда, который былъ наконецъ, назначенъ на 16 сентября новаго стиля, въ спеціальномъ поѣздѣ, исключительно для плѣнныхъ, черезъ Франкфуртъ-Берлинъ-Сасницъ, было объявлено, чтобы мы явились съ паспортами къ Ландрату. Между собою (при помощи все того же распорядительнаго Ф. А. И.) установили очередь и потянулись длинной лентой къ дому Ландрата.

Въ это время уже ходили слухи, что отпустятъ не всѣхъ и что кое-кто будетъ задержанъ. Въ числѣ послѣднихъ называли въ первую голову графа Т., двухъ сенаторовъ и всѣхъ, по возрасту несвободныхъ отъ воинской повинности. Эти послѣдніе, впрочемъ, почти поголовно ссылались на разныя болѣзни и были свидѣтельствуемы особо назначенными врачами. Имъ стоило это не малыхъ денегъ, но все же увѣренности, что ихъ отпустятъ, у большинства не было. И дѣйствительно, далеко не всѣ, признанные больными, были отпущены. Въ первую голову проскочили только особые счастливцы.

Не повезло въ этомъ отношеніи какъ то особенно М., который, однако, изъ всѣхъ освидѣтельствованныхъ несомнѣнно былъ самымъ болѣзненнымъ человѣкомъ, совершенно непригоднымъ для военной службы. Жена его раздѣлила съ нимъ его неволю: Тяжело о нихъ думать: сидятъ они несчастные въ Гомбургѣ у Риттеровъ, кажется, до сихъ поръ. По крайней мѣрѣ, извѣстій объ ихъ возвращеніи въ Россію до сихъ поръ не появлялось.

Изъ лицъ, сомнѣвавшихся въ томъ, будутъ ли они отпущены, особенно тяжело и одиноко переживалъ свою неволю Z. Мы всѣ понимали, что его задержаніе весьма тяжко отразится на его душевномъ состояніи, и потому искренно желали ему удачи.

Когда у Ландрата очередь дошла до Z. (онъ былъ въ очереди не много ранѣе насъ и страшно волновался), оказалось, что ему безъ всякаго препятствія была сдѣлана на паспортѣ желаемая отмѣтка: «выѣздъ разрѣшается». Всѣ его поздравляли, на перерывъ жали ему руку, считаясь съ его очень тяжелымъ самочувствіемъ.

Когда очередь дошла до насъ, мы убѣдились, что отмѣтка Ландрата только послѣдняя формальность. Писецъ заглядывалъ въ заранѣе отмѣченные списки, поступившіе отъ франкфуртскаго General Komando и, сообразно отмѣткѣ, или ставилъ штемпель, или возвращалъ паспортъ. Самъ Ландратъ оставался невидимкой въ своемъ кабинетѣ, и ему носили туда паспорта для подписи подъ штемпельной отмѣткой.

Когда мы, счастливые уже хотѣли возвращаться въ отель, внѣ очереди прошелъ въ комнату, гдѣ ставились отмѣтки графъ Т., и скоро вышелъ изъ нея въ неописуемомъ волненіи, руки его тряслись, онъ былъ внѣ себя. Ему отказали въ отмѣткѣ на паспортѣ, иными словали, онъ не получилъ разрѣшенія на выѣздъ.

Энергично потребовалъ онъ свиданія у Ландрата и былъ къ нему допущенъ. Долго, громко онъ объяснялся тамъ, но это не помогло. Не было дано также разрѣшенія сенатору N., который ходилъ также объясняться съ Ландратомъ.

На другое же утро совершилось нѣчто уже совершенно невѣроятное. У сенатора Z. и у нѣкоторыхъ другихъ чиновныхъ лицъ, которымъ только что наканунѣ дали разрѣшеніе и сдѣлали соотвѣтствующія от-

мѣтки на паспортахъ, вовсе отобрали паспорта и объявили, что для нихъ разрѣшеніе на выѣздъ отмѣняется.

По истинѣ трагическіе моменты долженъ былъ пережить и Z. и нѣкоторые другіе, въ томъ числѣ тотъ камергеръ А., который едва, едва оправился послѣ тяжкихъ франкфуртскихъ побоевъ.

XXIII.

Отъѣздъ.

Спеціальный поѣздъ (Sonderzug) для русскихъ плѣнныхъ отходилъ отъ Гомбурга въ 7 часовъ утра. Къ шести часамъ всѣ отъѣзжающіе были уже на лицо, такъ какъ предстояла тщательная ревизія багажа большого и малаго. Все было основательно перерыто, и затѣмъ владѣльцы снабжались клочками карандашныхъ записокъ, которыми удостовѣрялся досмотръ багажа даннаго владѣльца. При этомъ насъ предупреждали еще, что на границѣ каждый заподозрѣнный можетъ быть подвергнутъ болѣе тщательному обыску, почему рекомендовалось не имѣть при себѣ никакихъ бумагъ и писемъ, писанныхъ по русски. Фотографическіе аппараты, найденные въ ручномъ багажѣ, по просту, отбирались.

Въ поѣздъ впускать начали лишь за 10 минутъ до отхода поѣзда, но къ нашему изумленію оказалось, что, при помощи очень крупныхъ подачекъ, многіе забрались въ вагоны уже съ ночи и расположились весьма комфортабельно, такъ что для вновь прибывшихъ мѣстъ осталось въ обрѣзъ.

Моя семья изъ шести человѣкъ попала въ отдѣленіе перваго класса для четверыхъ, и мы сочли это за большое благополучіе. Насъ завѣрили, что вагонъ этотъ, какъ и весь поѣздъ, идетъ прямымъ трактомъ до границы. Каково же было наше разочарованіе, почти от-

чаяніе, когда въ Франкфуртѣ насъ грубо высадили изъ отдѣленія, заявивъ, что именно этотъ вагонъ будетъ отцѣпленъ. Мы метались съ ручнымъ багажемъ по платформѣ, нигдѣ не находя мѣста въ другихъ вагонахъ.

На платформѣ оказался испанскій консулъ, пріѣхавшій со своимъ секретаремъ, чтобы проводить русскихъ плѣнниковъ. Мы кинулись за помощью къ нему. Онъ попробовалъ переговорить со станціоннымъ начальствомъ, но это не привело ни къ чему. Ему отвѣтили, что черезъ часъ мы могли бы ѣхать на Берлинъ съ общимъ поѣздомъ, но самъ консулъ (совершенно конфиденціально) не совѣтовалъ намъ оставаться. „Натерпитесь гораздо больше!"—успѣлъ шепнуть онъ намъ. Мы съ вещами забрались на площадки вагоновъ, твердо рѣшившись, хотя бы такимъ путемъ, добраться до границы.

Здѣсь я долженъ съ благодарностью отмѣтить исключительно участливое отношеніе къ намъ еврейскаго населенія переполненнаго поѣзда. Въ то время, какъ многія, даже знакомыя, русскія „дамы", развалясь возлежали на двухъ и трехъ мѣстахъ разомъ, занявъ приэтомъ еще мѣсто для багажа въ сосѣднемъ отдѣленіи, притворялись спящими и ухомъ не повели, чтобы помочь намъ устроиться, многія еврейскія семейства тотчасъ же потѣснились и предлагали мѣста въ своихъ отдѣленіяхъ. Только благодаря этому, кое-какъ, въ разнотычку, хотя и очень стѣсненно, намъ удалось получить мѣста въ разныхъ отдѣленіяхъ.

Я уже упоминалъ раньше, что путешествіе это, длившееся почти двое сутокъ, было не только лишено малѣйшихъ удобствъ, но было, прямо-таки, мучительно. Двѣ ночи пришлось дремать на плечѣ другъ у друга, безъ малѣйшей возможности улечься по человѣчески. Провизія у всѣхъ была своя, и это оказалось большимъ

счастьемъ, такъ какъ на станціяхъ поѣздъ не подходилъ къ платформѣ, а останавливался на запасныхъ путяхъ. Только кое-гдѣ изъ буфета появлялись кельнера съ пивомъ и черствыми бутербродами, но и это расхватывалось моментально, такъ что безцѣльно было устремляться на ловитву.

Къ концу дня поѣздъ, и особенно его уборныя, оказались нестерпимо загрязненными. Хваленная нѣмецкая аккуратность была сочтена излишнею; никакой прислуги, кромѣ кондуктора, въ поѣздѣ не оказалось.

Кондуктору совали со всѣхъ сторонъ на чай, онъ принималъ ихъ какъ должное, но былъ совершенно глухъ къ просьбамъ и требованіямъ пассажировъ.

Весьма характернымъ было поведеніе одного жандарма на станціи Гиссенъ. Какой-то старый еврей во время остановки вышелъ изъ вагона, чтобы размять ноги. Жандармъ тотчасъ далъ ему окрикъ, причемъ безъ малѣйшаго повода, ставъ въ побѣдоносную позу, началъ глумиться надъ русскими, выкрикивая громко всѣ слова, чтобы ихъ было всѣмъ слышно.

— Ѣдете вы въ вашъ Петроградъ... Хм, Петроградъ! Поторопитесь скорѣй, не то опоздаете... Скоро мы его переименуемъ въ Гинденбургъ, да—Гинденбургъ! Тогда увидите, куда вы спѣшили... Вы думаете, что вы завладѣли Галиціей, погодите вотъ окружимъ васъ тамъ, какъ окружили при Сольдау,—будетъ вамъ Галиція! И куда вамъ съ нами тягаться, вамъ нужно семь солдатъ на нашего одного! Да семь русскихъ солдатъ на каждаго нѣмецкаго солдата...

И пока поѣздъ не отошелъ, жандарма, покручивавшаго усъ и щеголявшаго бѣлыми перчатками, не покидалъ приливъ воинственнаго краснорѣчія.

Мимо Берлина насъ провезли поздно ночью, както стороной, по запаснымъ путямъ.

Не доѣзжая Сасницъ по вагонамъ пробѣжала ужасная вѣсть: „сообщеніе со Швеціей прервано, пароходы больше не ходятъ!“. Ссылались, что вѣсть эта идетъ отъ кондуктора, которому объ этомъ будто бы сообщили на послѣдней станціи. На настойчивые вопросы кондукторъ таинственно отмалчивался, не говоря, ни да, ни нѣтъ.

На предпослѣдней отъ Сасницъ станціи мы довольно долго ожидали встрѣчнаго поѣзда. Поѣздъ этотъ везъ нѣмцевъ изъ Россіи. Когда поѣздъ подошелъ изъ него повысовывались пассажиры и стали дружественно насъ привѣтствовать.

Какой-то молодой человѣкъ, отлично говорившій по русски, обратился со спеціальнымъ привѣтствіемъ ко мнѣ и спрашивалъ:

— Хорошо-ли вы доѣхали?... Какъ вамъ было въ Германіи?

Я отвѣчалъ.

— Отвратительно, а вы?

— Намъ было хорошо, доѣхали отлично!.. Какъ только война кончится мы всѣ возвратимся въ Россію...

На это я могъ только откликнуться.

— За то мы навѣрное уже больше не заглянемъ въ Германію... За себя, по крайней мѣрѣ, ручаюсь!

Молодой нѣмецъ добродушно смѣялся. Онъ же успокоилъ насъ насчетъ парохода изъ Сасницъ.

— Теперь ходятъ только шведскіе пароходы. Пароходъ, который насъ привезъ, остался васъ ожидать! Отличный, большой пароходъ... Счастливаго пути?

Мы раскланялись, такъ какъ поѣзда тронулись въ разныя стороны.

Въ Сасницахъ обыска не было, но было грубое бахвальство нѣмецкихъ шуцмановъ, было безцѣльное дер-

жанiе насъ на припекѣ въ продолженiи двухъ часовъ раньше чѣмъ начался впускъ на пароходъ.

У сходень парохода паспорта просматривали совмѣстно нѣмецкiй офицеръ и служащiй шведскаго парохода.

Когда пароходъ, наконецъ, отвалилъ, и мы увидѣли развѣвающiйся на немъ шведскiй флагъ, дышать стало легче. Пока мы глядѣли на удалявшiйся нѣмецкiй берегъ, что то въ родѣ безсильнаго проклятiя начинало клокотать въ душѣ...

Война представлялась намъ всегда только въ героическомъ ея освѣщенiи. Кровопролитная, но честная дуэль двухъ вооруженныхъ народностей... Мирные жители только заинтересованные, но неприкосновенные, секунданты, ожидающiе рѣшенiя боя.

На дѣлѣ мы увидѣли нѣчто иное, абсолютно не укладывающееся въ наше представленiе о современной войнѣ. Низменное предательское нападенiе раньше всего на невооруженныхъ, мирныхъ людей, нападенiе не только не героическое, но чуждое чувства чести и человѣчности.

— Такъ вотъ какъ воюетъ Германiя! — думалось намъ. Всякая вражда можетъ кончиться примиренiемъ, и честные противники вправѣ протянуть другъ другу руки, обагренныя кровью. Но безчестная рука, наносящая удары невооруженнымъ, должна быть заклеймена позоромъ.

То, черезъ что мы „мирные плѣнники" прошли въ воюющей Германiи вселило въ насъ не чувство страха и ужаса передъ мощнымъ врагомъ, а невыразимое никакими словами чувство брезгливаго презрѣнiя...

И мало того, гдѣ-то въ глубинѣ нашего сознанiя сложилось, помимо нашей воли, неизгладимое впечатлѣнiе отъ всего пережитаго: внѣшняя, показная мощь безсильна скрыть таящагося внутренняго безсилья!

Это безсиліе чувствовалось и въ грубыхъ окрикахъ, и въ хвастливомъ шовинизмѣ, и въ глубокой растерянности мирныхъ нѣмцевъ, жаждущихъ лишь матеріальнаго благополучія...

И «Vaterland» и «Über alles» — подъ конецъ стали уже распѣвать только хриплые голоса старцевъ или дисканты школьниковъ; все мужское населеніе было уже подъ ружьемъ.

Когда съ нами прощалась г-жа Риттеръ, эта типичная нѣмецкая патріотка, даже у нея вырвался искренній вопль: „до сихъ поръ у насъ отъ войны только мертвые и раненые!“.

А когда на ея вопросъ: долго ли, по моему мнѣнію продлится война, я ей отвѣтилъ: „долго, будетъ длиться до тѣхъ поръ пока не будетъ побѣждена Германія“, г-жа Риттеръ отвѣтила только растеряннымъ восклицаніемъ:

— Боже мой, и вы серьезно думаете, что это можетъ случиться?!...

БИБЛИОТЕКА
309.
имени К. Либкнехта.

Оглавленіе.

Глава	I.	Kurgäste	7
„	II.	Bad Homburg.	11
„	III.	Der Kaiser.	15
„	IV.	На отдыхѣ	20
„	V.	У Риттеровъ	25
„	VI.	Призракъ войны.	28
„	VII.	„A la guerre, comme â la guerre“. .	34
„	VIII.	Тревоги и мытарства	40
„	IX.	Что- же дальше?	46
„	X.	Миражъ свободы	52
„	XI.	Танталовы муки.	58
„	XII.	Отливъ надеждъ.	63
„	XIII.	Снова Гомбургъ.	68
„	XIV.	Garnison Komando.	73
„	XV.	Отель „Викторія“.	78
„	XVI.	Мытарства плѣнныхъ.	86
„	XVII.	Злоключенія сенатора Z.	90
„	XVIII.	Камни летятъ.	97
„	XIX.	Опять у Риттеровъ.	103
„	XX.	Новое разочарованіе	108
„	XXI.	Новыя мытарства.	114
„	XXII.	„Святой Филиппъ“.	120
„	XXIII.	Отъѣздъ.	124

Опечатки:

Пропущены слова: на стр. 9 **„именно“**, на стр. 84 **„выселеніе“**, на стр. 121 **„Менге“**
на стр. 11 набрано „Bad Hamburg“—вмѣсто „Bad Homburg“; на стр. 25—„спальной“
вмѣсто „спальномъ“; на стр. 101 — „чай“ вмѣсто „чаи“; на стр. 104 и послѣд.—
„Застрофъ“ вмѣсто „Цастрофъ“.

~~1 руб.~~

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный магазинъ б. М. В. ПОПОВА.
ПЕТРОГРАДЪ, Невскій пр., 66.

ВП54-691/1

4—

37.77.5.40

K